

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Жигалова Наталья Эдуардовна

Турки и турецкая угроза в византийской исторической литературе
XV в.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Куц Татьяна Викторовна

Екатеринбург – 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ XV В. ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКО-ОСМАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ.....	21
ГЛАВА II. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КОНТАКТЫ С ОСМАНАМИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В. В ОТРАЖЕНИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.....	45
2.1. Взаимоотношения Византии и османов в первой четверти XV в.	45
2.2. Осада Константинополя 1422 г. в восприятии византийцев	58
2.3. Фессалоника в 1422–1430 гг.: настроения горожан в условиях турецкой осады.....	70
2.4. Турецкая угроза во второй четверти XV в.	90
ГЛАВА III. ВОСПРИЯТИЕ ТУРОК В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МЫСЛИ	100
3.1. Обозначения турок в сочинениях поздневизантийских историков.....	100
3.2. Религиозная и этническая характеристика турок в трудах византийских писателей XV в.	115
3.3. Морально-этическая характеристика турок	134
3.4. Византийские писатели о турецкой системе девширме.....	147
3.5. Образы турецких султанов в произведениях византийских писателей .	159
3.6. К вопросу о существовании византийского туркофильства	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	194
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	195

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что в современном мире проблема межэтнического и межконфессионального взаимодействия, столь явно обострившаяся в последние десятилетия, вызывает широкий политический и общественный резонанс. Зачастую это взаимодействие выражается в форме межэтнических конфликтов, разжигании межнациональной розни и усилении ксенофобских настроений в отношении представителей иной культуры, языка и вероисповедания. С этой проблемой в настоящее время сталкивается европейская цивилизация, вынужденная принимать в свое культурное пространство бесконечные волны беженцев с Востока, не всегда стремящихся интегрироваться в существующие социальные и экономические структуры.

Византийская империя, столкнувшись в VII в. с молодой и прогрессивной исламской цивилизацией в период арабских завоеваний, с самого начала этих контактов была вынуждена сдерживать натиск враждебных иноверцев, что определило основные черты в формировании образа мусульманина в византийской литературной традиции.

С XI в. «мусульманская проблема» вновь актуализировалась с началом завоеваний турок-сельджуков. Почти четыре века непрерывной турецкой военной агрессии в отношении малоазийских и балканских территорий Византийской империи наделили морально-этический облик мусульманина-завоевателя новыми негативными характеристиками. Этот опыт противостояния исламской опасности сформировал в византийской литературной традиции определенные черты в изображении восточного соседа. Религиозный аспект восприятия турок, как правило, был доминирующим: носители мусульманской веры считались еретиками или даже язычниками, ислам – религией, враждебной христианству¹. Восприятие

¹ См.: Beihammer A. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // *Al-Masāq*. 2011. Vol. 23 (1). P. 15–36; Khoury

турецкой угрозы византийскими писателями было неоднозначным и изменялось в зависимости от идеологических установок авторов и жанра их произведений. Помимо этого, турки, как и прочие Чужие, были для византийцев «варварами» – людьми более низкого культурного и исторического развития.

Под влиянием контактов с мусульманским миром (впрочем, как и с латинским Западом) сама Византия претерпевала изменения в своей политической, социальной и культурной жизни. В этой связи проблема межэтнического, культурного и религиозного диалога между византийцами и турками, складывающегося в условиях постоянного политического и военного противостояния, приобретает особое значение в контексте изучения последнего столетия византийской истории.

Компаративный анализ византийских исторических сочинений XV в. позволит выявить отношение авторов к турецкой угрозе, их восприятие турок как носителей другой, «чужой» религии и культуры, определить, каким образом усиление натиска исламского мира на угасающую Византию повлияли на их представления об иноверцах. Полученные сведения позволят осветить такие аспекты христиано-мусульманского противостояния, как проблема религиозных и межэтнических противоречий, культурного диалога, проблема дихотомии «свой – чужой».

Объект исследования – турки и угроза, которую они представляли для Византии в XV в.

Предмет исследования – восприятие турок и турецкой угрозы авторами византийских исторических сочинений XV в., их оценка основных военных и политических конфликтов с османами в XV в.

Цель диссертационного исследования – исследование восприятия турок и турецкой экспансии византийскими писателями XV в.

Задачи:

- Дать характеристику византийских исторических произведений XV в., в которых нашла отражение турецкая тема;
- Определить отношение авторов к ключевым событиям турецкой экспансии XV в. (конфликты и контакты византийцев с турками в начале XV в., осада Константинополя 1422 г., осада и захват Фессалоники 1422–1430 гг., битва при Варне 1444 г.);
- Реконструировать жизнь византийского населения в условиях турецкой экспансии, социальные противоречия и экономическое состояние византийских городов в период турецких осад по материалам византийских исторических сочинений XV в.;
- Рассмотреть проблему конформизма греческого населения в условиях турецких завоеваний в восприятии византийских авторов;
- Проанализировать лексику сочинений византийских историков и выявить контекст обозначений османов в них;
- Исследовать восприятие византийскими писателями этнической и религиозной принадлежности турок;
- Охарактеризовать оценки византийских писателей морального облика и обычаев османов;
- Рассмотреть сведения византийских писателей о турецкой практике девширме;
- Выявить образы османских султанов в византийских исторических сочинениях XV в.;
- Определить сущность туркофильских настроений в Византии в XV в.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1402 г. (поражение турок при Анкаре и начало внутридинастической смуты в Османском государстве) до падения Византии в 1453 г. Однако обе границы довольно условны, поскольку анализ представлений рассматриваемых авторов об исламе и турках зачастую вынуждает обращаться ко времени более раннему (VIII–XI вв.), когда в византийской литературной традиции

только формировалась антимусульманская полемика и антитурецкий дискурс. В то же время верхний рубеж не ограничивается 1453 г., так как некоторые рассматриваемые авторы создавали свои произведения уже после падения Византии.

Источниковую базу исследования составляют письменные нарративные источники – исторические труды, полемические и риторические трактаты, эпистолярные сочинения, гомилии.

Основными источниками для реконструкции жизни горожан Фессалоники в условиях турецкой осады с 1422 г. до окончательного подчинения в 1430 г. являются сочинения Симеона Фессалоникийского «Слово о чудесах святого мироточивого великомученика Димитрия»² и «Рассказ об окончательном завоевании Фессалоники» Иоанна Анагностас³, которые позволяют выявить основные социальные, экономические и политические противоречия внутри городского социума, роль духовных и политических лидеров в организации сопротивления османам, отношение населения к власти, а также определить причины и сущность конформистских настроений, которые царили в городе вплоть до окончательного его завоевания.

Исторические сочинения Лаоника Халкокондила⁴, Михаила Критувула⁵, Дуки⁶ и Георгия Сфрандзи⁷ позволяют воссоздать картину турецких

² В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: Symeon of Thessalonica. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα / Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien, 1979. P. 39–69; английский перевод: Symeon of Thessalonica. Logos // Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek accounts. Padova, 2006. P. 90–142.

³ В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. 104 σ.; английский перевод: John Anagnostes. The Account by John Anagnostes of the Last Capture of Thessalonica, Composed for a Person of Importance Who has Often Asked for It // Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek accounts. Padova, 2006. P. 149–179.

⁴ В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge, London, 2014. Vol. I, II.

завоеваний в XV в. и определить оценки этих авторов турок и турецкой угрозы, реконструировать образ турок и выявить характеристики, которыми писатели наделяли захватчиков. Принципиально важно также обратиться к свидетельствам Григория Паламы⁸, Мануила II Палеолога⁹, гомилиям Исидора Главы¹⁰, отражающим рост турецкой агрессии во второй половине

537 p.; 559 p. Другие издания: *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes* / rec. E. Darkó. Budapestini, 1922–1924. К. I–II. 206 p.; 364 p.; *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem* / rec. I. Bekker. Bonnae, 1843. 590 s.; английский перевод первый трех книг: Λαόνικος Χαλκοκονδύλης. Αποδείξεις Ἱστοριῶν (Βιβλία Α–Γ) // Nicoloudis N. *Laonikos Chalkokondyles: A Translation and Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I–III)*. Athens, 1996. 391 p.

⁵ В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: *Critobuli Imbriotae Historiae* / ed. D. R. Reinsch // CFHB. Berlin, 1983. Vol. XXII. 277 p.; английский перевод: Kritovoulos. *History of Mehmed the Conqueror* / transl. by C. T. Riggs. Princeton, 1954. 222 p.

⁶ В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: *Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462)* / ex recensione B. Grecu. Bucharest, 1958. 503 s. Другие издания: *Ducas. Historia Byzantina* // PG. Vol. 157. Col. 749–1167; *Ducas. Historia turco-byzantina* / ed. I. Bekker. Bonn, 1834. 660 s.; английский перевод: Doukas. *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks* / transl. by H. J. Magoulias. Detroit, 1975. 346 p.

⁷ В настоящей работе все ссылки на источник приведены по изданию: *Georgii Sphrantzae Chronicon* / a cura di R. Maisano // CFHB. Roma, 1990. Vol. XXIX. 277 p.; русский перевод: Георгий Сфрандзи. *Хроника* / предисл., пер. и примеч. Е. Д. Джагацпанян // *Кавказ и Византия*. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 156–251; английский перевод: George Sphrantzes. *The Chronicle (1401–1477)* / transl. by M. Philippides. *The Fall of the Byzantine Empire*. Amherst, 1980. 174 p.; Сербский перевод: Георгије Сфранцес. *Хроника. Пад Византијског царства* / прево и приредило Младен Станковић. Београд, 2011. 293 с.

⁸ Gregory Palamas. *Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive* / Sahas D. J. *Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims* // GOTR. 1980. Vol. 25. № 25. P. 409–436; Gregory Palamas. *To the Atheist Chiones. An Exchange Written by, and Taken Place in the Presence of, Taronites the Doctor, an Ear-witness* / Sahas D. J. *Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims* // GOTR. 1980. Vol. 25. № 25. P. 418–431.

⁹ Manuel II Palaeologus. *Funeral Oration on His Brother Theodore* / ed. and transl. J. Chrysostomides. Thessaloniki, 1985. 316 p.; Manuel Palaiologos. *Dialogue with the Empress-mother on Marriage* / introd., text and transl. A. Angelu. Wien, 1991. P. 59–118; *The Letters of Manuel II Palaeologus* / ed. by G. T. Dennis. Washington, 1977. 252 p.

¹⁰ Λαούρδας Β. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παιδῶν καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως // Προσφορά εἰς Στίλωνα Π. Κυριακίδην: Ἐπὶ τῇ Εἰκοσιπενταετηρίδι τῆς Καθηγεσίας Αὐτοῦ (1926–1951). Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 389–398; Λαουρδας Β. Ἰσιδώρου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία εἰς τας εορτάς του Ἁγίου Δημητρίου. Θεσσαλονίκη, 1954. 86 σ.; Χριστοφορίδης Β. Χ. Ἰσιδώρου Γλαβά, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὁμιλίαι. Θεσσαλονίκη, 1996. 394 σ.

XIV в., а также сообщениям Иоанна Канана¹¹ об осаде Константинополя 1422 г. и Параспондила Зотикоса¹² о битве при Варне 1444 г.

Отдельный блок источников – это сочинения, принадлежащие перу так называемых византийских «туркофилов»: риторические сочинения Георгия Трапезундского¹³, поэтические и риторические произведения Георгия Амирутци¹⁴, письма Михаила Апостолиса¹⁵, благодаря которым можно выявить основные черты туркофильской позиции этих авторов, определить причины, толкавшие византийцев открыто симпатизировать туркам. Характеристике источников посвящена I глава.

Степень разработанности темы. В современной историографии наблюдается повышенный интерес исследователей к специфике византийско-турецких контактов. Историки уделяют внимание этно-религиозным, мировоззренческим, культурным и экономическим аспектам, что позволяет более широко осветить вопрос межцивилизационного взаимодействия между византийцами и турками.

Основополагающими трудами при анализе византийских исторических сочинений являются работы, посвященные истории византийской литературы и раскрывающие основополагающие принципы византийской

¹¹ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli / introduzione, testo critico, traduzione, note e lessico a cura di E. Pinto. Messina, 1977. 126 p.

¹² Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη / Legrand É. La bataille de Varna par Paraspondylos Zotikos, témoin oculaire, poème grec publié pour la première fois // Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France. 1874. Vol. 8. P. 333–372; болгарский перевод: Параспондилос Зотикосъ. Сражението при Варна 1444 г. / увод и бележки Г. Димитровъ // ИВАД. 1910. Т. III. С. 58–74.

¹³ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой. Самарканд, 2009. С. 19–90; George of Trebizond. On the Divinity of Manuel / Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. Binghamton, N. Y., 1984. P. 564–574; George of Trebizond. On the Eternal Glory of the Autocrat / Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. Binghamton, N. Y., 1984. P. 492–564.

¹⁴ Argyriou A., Lagarrigue G. George Amiroutzès et son «Dialogue sur la Foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» // BF. 1987. Bd. 11. P. 29–222; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre // Philomathestatos: Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. by B. Janssens, B. Roosen, and P. van Deun. Leuven, 2004. P. 299–324.

¹⁵ Lettres Inédites de Michel Apostolis / publiées par H. Noiret. Paris, 1889. 167 p.

историографии, складывающиеся на протяжении всего времени существования империи. Это фундаментальные труды К. Крумбахера¹⁶, Г. Хунгера¹⁷ и Х.-Г. Бекка¹⁸.

Тема контактов византийцев и мусульман в целом стала центральной для ряда исследователей – проблемам культурного и религиозного диалога между византийским миром и возвышающейся исламской цивилизацией посвящены работы А. Аргириу¹⁹, Э. Захариаду²⁰, Н. Неджипоглу²¹, А. Т. Хури²², Н. Икономидиса²³, С. Вриониса²⁴, И. Мейендорфа²⁵. Исследователи рассматривали вопросы восприятия византийцами ислама, истоков антимусульманской полемики в Византии, а также уделяли внимание формам этно-религиозного диалога между греками и мусульманами. Эти исследования помогают выявить образы и стереотипы, влиявшие на сознание византийцев и формирующие их отношение к воинственным соседям-

¹⁶ Krumbacher K. *Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*. München, 1891. 495 s.

¹⁷ Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1–2. 542 s.; 531 s.

¹⁸ Beck H.-G. *Geschichte der Byzantinischen volksliteratur*. München, 1971. 237 s.

¹⁹ Argiriou A. *Attitude de Quelques Intellectuels de Thessalonique face à l'Islam* // BF. 2007. Bd. 29. P. 15–32.

²⁰ Zachariadou E. *Religious Dialogue between Byzantines and Turks during the Ottoman Expansion* // *Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans*. Aldershot, 2007. P. 289–304; Zachariadou E. *Les «Janissaires» de l'Empereur Byzantin* // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata (Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici)*. Series Minor XIX. Naples, 1982. P. 591–597; Zachariadou E. *The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources* // *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen* / ed. by R. Curiel and R. Gyselen. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 1994. P. 285–289; Zachariadou E. *Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles* // *Der Islam*. 1983. Bd. 60. P. 268–296.

²¹ Necipoğlu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge, 2009. 350 p.

²² Khoury A.-T. *Polémique Byzantine contre L'Islam*.

²³ Oikonomides N. *Byzantium between East and West (XIII–XV cent.)* // Oikonomides N. *Society, Culture and Politics in Byzantium*. Aldershot, 2005. P. 319–332.

²⁴ Vryonis S. *Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages* // GRBS. 1971. Vol. 12. № 2. P. 263–287; Vryonis S. *Byzantine Legacy and Ottomans Forms* // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 251–308; Vryonis S. *Isidore Glabas and the Turkish Devshirme* // *Speculum*. 1956. Vol. 31. № 3. P. 433–443.

²⁵ Meyendorff J. *Byzantine Views of Islam*.

иноверцам, постепенно занимающим политическое и культурное пространство византийской ойкумены.

В настоящее время в науке наблюдается отход от концепции С. Вриониса²⁶, согласно которой османы выступали в качестве внешней враждебной силы, разрушительной для эллинизма. Исследователи признают, что насильственные методы, как правило, были основной формой подчинения византийского населения, однако не единственной. Контакты византийцев с турками зачастую сводились не столько к военному противостоянию, сколько к сосуществованию в одном территориальном и культурном пространстве. Вопрос о формах и методах взаимодействия турок и греческого населения получил разработку в трудах М. Баливе²⁷, Х. Инальжика²⁸, Х. Лаури²⁹.

В России данная проблематика приобретает популярность лишь в последние десятилетия. Среди отечественных исследований, посвященных непосредственно вопросу восприятия западноевропейскими и византийскими авторами турок и турецкой угрозы, формированию отношения «свой-чужой», следует выделить работы С. И. Лучицкой³⁰, Д. А. Коробейникова³¹ и Р. М.

²⁶ Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Minor // *DOP*. 1975. Vol. 29. P. 43–71; Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Los Angeles, 1971. 532 p.

²⁷ Balivet M. *Byzantins et Ottomans: relations, interactions, succession*. Istanbul, 1999. 278 p.; Balivet M. *Aristote au Service du Sultan! Ouverture aux Turcs et Aristotélisme chez Quelques Penseurs Byzantins du Quinzième Siècle* // *Byzantins et Ottomans: Relations, Interactions, Succession*. Istanbul: Les Éditions Isis, 1999. P. 139–150; Balivet M. *Pour une Concorde Islamo-Chrétienne: Démarches Byzantines et Latines à la Fin du Moyen Âge (De Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde)*. Rome, 1997. 82 p.

²⁸ Inalcik H. Mehmed the Conqueror (1432–1481) and His Time // *Speculum*. 1960. Vol. 35. №. 3. P. 408–427; Inalcik H. *Ottoman Methods of Conquest* // *Studia Islamica*. 1954. Vol. 2. P. 103–129.

²⁹ Lowry H. W. «From Lesser Wars to the Mightiest War»: The Ottoman Conquest and Transformation of Byzantine Urban Centers in the Fifteenth Century // *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*. Birmingham, 1986. P. 323–338.

³⁰ Лучицкая С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // *Одиссей. Человек в истории*. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 19–37; Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. 412 с.; Лучицкая С. И. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2006. С. 319–350.

Шукурова³². Исследователи обратили внимание на противопоставление греческой и латинской культуры культуре мусульманской, которая воспринималась как чужая и враждебная. Именно это, по мнению историков, с самого начала контактов с мусульманами окрасило отношение христианских средневековых авторов к ним в неприязненные и презрительные тона. Указанные вторы также неоднократно обращались к сюжету адаптации византийцев к новой религиозной и культурной ситуации, сложившейся в восточных регионах империи.

Тема турецкой экспансии и распространения османского могущества на балканских и византийских территориях в последние годы существования Византийской империи получила разработку в трудах М. Филиппидиса и У. Ханака³³, П. Шугара³⁴, Х. Иналъжика³⁵, Ф. Бабингера³⁶, С. Рансимена³⁷, Б. Цветковой³⁸. Работы этих исследователей отличает тщательная проработка источников, касающихся турецких завоеваний. Историками дается оценка международного положения Византии накануне падения империи, рассматриваются вопросы политических и социальных трансформаций в Византии в XIV – первой половине XV вв.

³¹ Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. Oxford, 2014. 372 p.

³² Шукуров Р. М. Василевс и эмир: парадигмы церемониальных отношений (1328–1347 гг.) // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византинистов*. М., 2016. С. 163–169; Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблемы междивизантийских отношений в современной византийстике // *ВВ*. 2000. Т. 59. С. 258–267; Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // *Чужое. Опыты преодоления. Очерки из истории и культуры Средиземноморья*. М., 1999. С. 194–234; Шукуров Р. М. *Тюрки в византийском мире (1204–1461)*. М., 2017. 631 с.; Shukurov R. *Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden, Boston, 2016. 513 p.

³³ Philippides M., Hanak W. K. *The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies*. Burlington, 2011. 816 p.

³⁴ Sugar P. *Southeastern Europe under Ottoman rule, 1354–1804*. Seattle, 1977. 384 p.

³⁵ Inalcik H. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600* / transl. by N. Itzkowitz and C. Imber. N. Y., 1973. 258 p.

³⁶ Babinger F. *Mehmed the Conqueror and his time* / transl. by R. Manheim. Princeton, 1978. 549 p.

³⁷ Рансимен С. *Падение Константинополя в 1453 г.* / пер. с англ., предисл. И. Н. Петросяна, К. Н. Юзбашяна. М., 2008. 416 с.

³⁸ Цветкова Б. *Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османското завоевание – края на XIV и първата половина на XV в.)*. Варна, 1979. 353 с.; *Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна* / под ред. Д. Ангелова, И. Дуйчева, М. Михова, Б. Цветковой. София, 1969. 543 с.

В этой связи следует также отметить работы Дж. Денниса³⁹, Т. Цараса⁴⁰, В. Вакалопулоса⁴¹, которые уделили внимание вопросам функционирования городского социума Византии (главным образом, Фессалоники) в кризисный для империи период.

Ключевыми для исследования также являются работы, посвященные биографии и литературному наследию авторов произведений, чьи сочинения стали источниковой базой данной диссертации. В отечественной и зарубежной византистике существует ряд работ, освещающих деятельность поздневизантийских интеллектуалов. Для понимания специфики интеллектуальной среды поздней Византии основополагающими являются исследования М. А. Поляковской⁴², Т. В. Куш⁴³, М. В. Бибикова⁴⁴, И. П. Медведева⁴⁵, Ф. Тиннефельда⁴⁶, И. Шевченко⁴⁷. Ученые обстоятельно рассмотрели вопросы интеллектуального взаимодействия в византийских

³⁹ Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Fasc. 1. P. 72–88; Dennis G. T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 255–264; Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica // BZ. 1964. Bd. 57, H. 1. S. 53–61.

⁴⁰ Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπὸ τοὺς Βυζαντινοὺς στοὺς Βενετσιάνους (1423–1430) // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 85–123; Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. 104 σ.

⁴¹ Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki / transl. by T. F. Carney. Thessaloniki, 1972. 152 p.; Vacalopoulos A. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, New Jersey, 1970. 401 p.

⁴² Поляковская М. А. Быт и нравы поздневизантийского общества // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. М., 1991. С. 551–584; Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46–57; Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 109–132.

⁴³ Куш Т. В. Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.): Опыт характеристики // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 122–139; Куш Т. В. К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV–XV веков // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 242–252; Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. 454 с.

⁴⁴ Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. 317 с.; Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. М., 1991. С. 280–297.

⁴⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. 255 с.; Медведев И. П. Геннадий Схоларий как идеолог «византийской инквизиции» // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 264–279; Медведев И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 293–332.

⁴⁶ Tinnefeld F. Intellectuals in Late Byzantine Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 153–172.

⁴⁷ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981. 374 p.

образованных кругах, уделили внимание формам интеллектуального общения и влиянию гуманистических тенденций на интеллектуальную жизнь поздней Византии, а также исследовали круг вопросов, касающихся литературного наследия и идейно-политических воззрений поздневизантийских интеллектуалов.

Основными работами, в которых исследована биография и литературная деятельность отдельных византийских писателей, являются исследования отечественных историков З. В. Удальцовой⁴⁸ о деятельности и мировоззрении Критовула, Е. Б. Веселаго⁴⁹, анализирующей историческое сочинение Лаоника Халкокондила, а также С. К. Красавиной⁵⁰, сравнивающей произведения Дуки и Георгия Сфрандзи. Советские ученые внесли большой вклад в изучение произведений последних византийских историков, однако их оценка идейно-политических взглядов византийских писателей нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнениях и корректировках. Среди зарубежных исследований по данной тематике

⁴⁸ Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула // ВВ. 1957. Т. 12. С. 172–197; Удальцова З. В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 7. С. 93–121.

⁴⁹ Веселаго Е. Б. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде // ВВ. 1958. Т. 14. С. 190–199; Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (Опыт литературной характеристики) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 203–217; Веселаго Е. Б. Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) // ВВ. 1953. Т. 7. С. 431–444.

⁵⁰ Красавина С. К. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей // ВВ. 1967. Т. 27. С. 142–152; Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // ВВ. 1973. Т. 34. С. 97–111.

следует выделить работы К. Тернера⁵¹, У. Миллера⁵², Э. Калделлиса⁵³, Дж. Монфасани⁵⁴, Н. Б. Томадакиса⁵⁵, Д. Балфура⁵⁶.

В целом, историография по теме диссертации достаточно обширна. Однако в отечественной науке довольно мало внимания уделялось проблеме восприятия турок и турецкой угрозы византийскими писателями XV в. В зарубежной же историографии исследования, посвященные этой проблеме, опирались преимущественно на источники, написанные до падения Византии, в то время как сочинения, созданные в последующие десятилетия, не привлекались для анализа восприятия мусульман и итогов турецких завоеваний.

Кроме того, в историографии практически не встречаются работы, посвященные комплексному анализу представлений византийцев о турецких обычаях и традициях, а также отсутствуют работы, освещающие проблему конформистских и туркофильских настроений в византийском обществе. Настоящая диссертация призвана восполнить эти пробелы.

Методология и методы диссертационного исследования. Поскольку для решения поставленных задач предполагается работа с объемным корпусом исторических текстов византийских авторов XV в., приоритетным

⁵¹ Turner C. J. G. Pages from late Byzantine Philosophy of history // BZ. 1964. Vol. 57. P. 346–373.

⁵² Miller W. The Historians Doukas and Phrantzes // The Journal of Hellenic Studies. 1926. Vol. 46. Part 1. P. 63–71; Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles // The Journal of Hellenic Studies. 1922. Vol. 42. Part 1. P. 36–49.

⁵³ Kaldellis A. A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West. Washington, 2014. 310 p.; Kaldellis A. The Date of Laonikos Chalkokondyles' Histories // GRBS. 2012. Vol. 52. № 1. P. 111–136; Kaldellis A. The Greek Sources of Laonikos Chalkokondyles' Histories // GRBS. 2012. Vol. 52. № 4. P. 738–765; Kaldellis A. The Interpolations in the Histories of Laonikos Chalkokondyles // GRBS. 2012. Vol. 52. № 2. P. 259–283.

⁵⁴ Monfasani J. George Amiroutzes. The Philosopher and his Tractates. Leuven: Peeters, 2011. 220 p.; Monfasani J. George of Trebizond. A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. Leiden, 1976. 414 p.; Monfasani J. Greek Renaissance Migrations // Italian History and Culture. 2002. Vol. 8. P. 1–14; Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. Binghamton, N. Y., 1984. 863 p.

⁵⁵ Tomadakis N. Β. Ἐτοῦρκευσεν ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη // ΕΕΒΣ. 1948. Τ. 18. Ρ. 99–143.

⁵⁶ Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien, 1979. 319 s.

является компаративный метод, позволяющий выявить общее и особенное во взглядах писателей на турок и турецкую угрозу, упорядочить фактологический материал и получить полную картину восприятия византийцами мусульманских народов.

Исследование системы образов и стереотипов о мусульманах в византийской литературной традиции необходимо рассматривать сквозь призму имагологического подхода, позволяющего в сочетании с ретроспективным анализом определить этапы формирования традиции антимусульманской полемики в Византии, выявить основные тенденции конструирования образа «Другого» в византийских источниках, а также проследить эволюцию взглядов византийцев на восточных соседей.

Историко-антропологический подход поможет выявить особенности поздневизантийского социума, определить психологические установки, стереотипы восприятия и модели поведения, в рамках которых данное общество функционировало в кризисное для Византии время.

Для анализа источникового материала при непосредственной работе с нарративными текстами (историческими сочинениями, эпистолярным материалом, полемической литературой и др.) будет применен герменевтический анализ, позволяющий наиболее точно охарактеризовать текст с точки зрения того смысла, который автор стремился в него вложить. Работа с нарративными источниками предполагает использование литературоведческого и лингвистического анализа, позволяющего определить специфику лексики, используемой византийцами при описании иноверцев. Междисциплинарный подход поможет учесть культурологический и социологический аспекты рассматриваемых проблем.

Научная новизна. В диссертационном исследовании дан комплексный анализ источников XV в., прослежена эволюция взглядов поздневизантийских писателей на турок-османов, исследованы представления византийских авторов о турецкой угрозе в XV в., рассмотрены оценки византийских писателей таких кризисных периодов в истории

Византии, как осады Константинополя (1422) и Фессалоники (1422–1430), турецкая экспансия на византийские территории в XV в.

В диссертации впервые рассмотрена проблема конформистских настроений в Византии в XV в. по материалам сочинений Мануила II Палеолога и Симеона Фессалоникийского. Также в работе оспаривается устоявшаяся в историографии точка зрения о существовании в византийской интеллектуальной среде так называемого туркофильского идеологического течения. Кроме того, в диссертации анализируется сочинение грека Параспондила Зотикоса, которое как в зарубежной, так и в российской историографии ранее не привлекалось для исследования восприятия византийцами турецкой угрозы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В византийской литературной традиции к середине XV в. сформировался многогранный образ турок, на который наслаивались складывающиеся веками стереотипы о восточных соседях-иноверцах: в понимании византийцев турки были варварами, диким и необузданным народом, воспринимались как язычники и осквернители христианской веры. Однако по мере интенсификации непосредственных контактов с османами эти акценты смещались: оценки византийцев коррелировались с новыми историческими реалиями, и турки стали восприниматься уже не как некая абстрактная злая сила, но как реальные противники, наделенные вполне человеческими (как правило, отрицательными) качествами.

2. Реальный опыт контактов византийцев с турецкими завоевателями показывал, что османское владычество не было таким уж катастрофичным для греков, как это прежде представлялось. Турки предоставляли различные льготы христианскому населению, сохраняли право собственности на имущество, позволяли свободно исповедовать свою веру. В результате тесного взаимодействия турок и завоеванного греческого населения в византийском обществе стали формироваться конформистские настроения, которые раскалывали византийский социум и приводили к

пассивности части горожан Фессалоники и Константинополя перед лицом угрозы османского завоевания.

3. Византийские писатели обладали довольно глубокими познаниями о турецких обычаях и традициях, пространно рассуждая об образе жизни османов, их происхождении, привычках, языке, религиозной практике, семейных обычаях, налоговой системе (в частности, системе девширме). Это свидетельствует, с одной стороны, о возможном использовании византийцами турецких источников, с другой стороны, показывает непосредственное знакомство авторов с турецким образом жизни.

4. В византийских исторических произведениях существовала значительная разница в описаниях османских султанов и турок в целом. Как правило, портреты турецких правителей персонифицированы и индивидуализированы, в то время как прочие представители турецкого народа описываются как часть основной массы и не обладают яркими индивидуальными характеристиками. Образы султанов, конструируемые поствизантийскими историками, более многогранны и объемны, нежели портреты турецких правителей в сочинениях современников описываемых событий, поскольку историки записывали события постфактум, основываясь на многочисленных свидетельствах, в то время как авторы, являющиеся свидетелями конкретных исторических событий, передавали непосредственные впечатления своих сограждан.

5. Эволюция восприятия византийскими авторами XV в. турок и турецкой угрозы выражается в том, что сочинения современников описываемых событий содержат призывы противостоять завоевателям и сохранять верность византийской администрации, в то время как последние византийские историки, чьи произведения были написаны уже после падения Византии в 1453 г., пытаются осмыслить факт завоевания, принять правление турок как данность и приспособиться к изменившимся историческим реалиям.

6. Византийское туркофильство, традиционно понимаемое как идейно-политическое течение, бытовавшие в Византии в последние десятилетия существования империи, таковым не являлось. Для византийских интеллектуалов поствизантийского времени выказывание симпатии турецкому султану и толерантность по отношению к исламу были скорее способом их интеграции в новые структуры власти, возможностью сохранить прежний социальный статус и род занятий. Кроме того, модель их взаимодействия с турецким правительством воспроизводила византийскую традицию выстраивания отношений интеллектуалов с императорской властью.

Теоретическая и практическая значимость. Вопросы, решаемые в рамках диссертационного исследования, помогут углубить представления о специфике социального и политического кризиса в Византии в последние десятилетия существования империи. Также результаты исследований могут быть использованы при разработке проблем, связанных с изучением христиано-мусульманских отношений в Средние века, военно-политических конфликтов христиан с турками в XIV–XV вв. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории Средних веков и истории Византии для студентов высших и средних учебных заведений, обучающихся по направлениям гуманитарного и общественно-научного профиля.

Степень достоверности результатов исследования. Диссертация отличается использованием разнотипных и неоднородных по содержанию византийских источников XV в., которые являются репрезентативными для раскрытия данной темы. Примененные в работе компаративный, имагологический, историко-антропологический и герменевтический методы исторического исследования позволяют всесторонне интерпретировать и верифицировать полученные данные.

Апробация материалов исследования. Основные результаты исследования были изложены в четырех статьях в изданиях, входящих в

перечень ВАК, а также в виде докладов на всероссийских и международных конференциях и опубликованы в виде тезисов и статей:

1. II-е Чтения памяти проф. Б. А. Сутырина, 3 октября 2014 г., УрГПУ, Екатеринбург;
2. VII Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и соискателей «Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию», 29–30 ноября 2014 г., УрФУ, Екатеринбург;
3. III Международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой, 20–22 апреля 2015 г., МГУ, Москва;
4. Школа-конференция молодых византистов «NEANIAI», октябрь 2015 г., НИУ ВШЭ, г. Москва;
5. XXXV Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения», 1–4 декабря 2015 г., СПбГУ, г. Санкт-Петербург;
6. Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов "Scholia studiosorum: пространство исторического нарратива", 25–26 марта 2016 г., УрФУ, г. Екатеринбург;
7. XXI Всероссийская научная сессия византистов "Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия", 20–23 апреля 2016 г., БелГУ, г. Белгород;
8. XXIII Международный конгресс византийских исследований (22–27 августа 2016 г., Белград, Сербия);
9. XXXVI Всероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г., СПбГУ, Санкт-Петербург).
10. I Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы языка и культуры» (2 ноября 2017 г., Екатеринбург);

11. II Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia studiosorum: пространство исторического нарратива», 30–31 марта 2018 г., УрФУ, г. Екатеринбург

Исследования были поддержаны:

1. Грант Благотворительного фонда Михаила Прохорова (программа «Академическая мобильность») в 2015 г. для работы в библиотеке Центра византийских исследований при университете им. Аристотеля в Салониках (июль 2015 г., г. Салоники, Греция).

2. Грант Благотворительного фонда Михаила Прохорова (программа «Академическая мобильность») в 2016 г. для работы в библиотеке Института византистики и неогрецистики Венского университета (июль 2016 г., г. Вена, Австрия).

3. Грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 2016 г., проект 16-01-15017 б(ф), для участия в 23-м Международном конгрессе византийских исследований (22–27 августа 2016 г., г. Белград, Сербия).

4. Грант Международной ассоциации византийских исследований и Сербского национального комитета для молодых ученых на участие в 23-м Международном конгрессе византийских исследований (22–27 августа 2016 г., г. Белград, Сербия).

5. Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), научно-исследовательский проект №18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта» (исполнитель проекта).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

Глава I. Источники XV в. по истории византийско-османских взаимоотношений

История византийско-османских взаимоотношений первой половины XV в. освещена, с одной стороны, довольно скудно и однобоко, поскольку отсутствуют современные этому периоду османские хроники или исторические сочинения. Хроника событий эпической поэмы Ахмеди⁵⁷ о становлении Османской династии охватывает ранний период османской истории до начала XV в., а исторические произведения Ашик-паша-заде⁵⁸, Турсун-бея⁵⁹, Бидлиси, Нешри⁶⁰ и Саад-ад-дина написаны лишь в конце XV – начале XVI вв. и весьма тенденциозны⁶¹. С другой стороны, существует довольно объемный корпус византийских источников подобного рода – риторические и исторические сочинения, созданные непосредственными свидетелями или современниками описываемых событий. Именно они и стали основной источниковой базой настоящего исследования.

Рассмотрим ряд византийских нарративных источников XV в. по истории османо-византийских отношений: сообщения современников и очевидцев конкретных исторических событий (Симеон Фессалоникийский, Иоанн Канан, Иоанн Анагност, Параспондил Зотикос), произведения последних византийских историков (Лаоник Халкокондил, Дука, Георгий Сфрандзи, Михаил Критовул), создавших свои произведения уже после

⁵⁷ Silay K. Ahmedi's History of the Ottoman Dynasty // Journal of Turkish Studies. 1992. Vol. 16. P. 129–200.

⁵⁸ Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte: Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / übers., eingel. u. erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 17–266.

⁵⁹ Inalcik H., Murphey R. The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg. Minneapolis, Chicago, 1978. 263 p.

⁶⁰ Ménage V. L. Neshrī's History of the Ottomans. The Sources and Development of the Text. London, 1964. 86 p.

⁶¹ См.: Inalcik H. The Rise of Ottoman Historiography // Historians of the Middle East / Ed. by B. Lewis and P. M. Holt. London, 1962. P. 152–167; Ménage V. L. The Beginnings of Ottoman Historiography // Historians of the Middle East / Ed. by B. Lewis and P. M. Holt. London, 1962. P. 168–179.

падения Византии, а также сочинения протурецкой направленности (Георгий Амирутци, Георгий Трапезундский). Все названные сочинения, за исключением отдельных произведений Георгия Амирутци и Георгия Трапезундского, можно отнести к историческому жанру. Как справедливо отметила Р. Досталова, дошедшие до нас произведения византийской историографии разнородны по содержанию, композиции и направленности, однако их основа – описание событий, пережитых авторами лично или современных им (συγγραφή), либо включающих в себя экскурсы в глубокое прошлое (ἱστορία)⁶².

Одним из важнейших свидетельств о все возрастающей агрессии османов является сообщение Иоанна Канана об осаде Константинополя в 1422 г. «Рассказ о войне, случившейся в Константинополе 6930 г., когда Амурат-бей с сильным войском напал на город и почти было овладел им, но Пресвятая Матерь Божия сохранила его»⁶³. Об авторе этого сочинения ничего не известно – можно лишь сделать вывод, что он жил в Константинополе и лично пережил описываемые события⁶⁴. Канан при составлении своего повествования, вероятно, пользовался также свидетельствами других очевидцев – в том числе и турок, поскольку в произведении содержатся факты и подробности жизни турецкого духовного лидера Мирсаиты, о которых византийцы не могли знать из других источников.

Свое историческое сочинение, состоящее из 24 глав, автор предваряет комментарием, что он не особенно сведущ в ученом языке и просит читателя не быть к нему строгим в связи с этим. Действительно, язык произведения отличается от традиционного литературного. Он близок скорее к разговорному языку византийцев, полон итальянских и турецких

⁶² Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ. 1983. Т. 43. С. 28.

⁶³ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli.

⁶⁴ Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 5 (1350–1500). Leiden, Boston, 2013. P. 342.

заимствований⁶⁵. Это говорит о том, что Канан был хорошо образован, однако не был интеллектуалом в том смысле, в котором это принято понимать в историографии⁶⁶.

В сочинении Канана практически не используется традиционное обозначение турок как «варваров», характерное для большинства византийских авторов его времени. Вероятно, в повседневной речевой практике византийцев данный термин не имел широкого распространения⁶⁷.

Произведение Канана содержит богатый фактологический материал по истории осады, в нем четко выстроена хронология; текст включает в себя подробные описания приготовлений турецких войск, сведения о численности турецкой армии, перечисляются осадные орудия, которые султан Мурад II подвел к стенам Константинополя⁶⁸. Осведомленность Канана в вопросах ведения турками осадной войны и знание автором технических особенностей оснащения турецкой армии свидетельствует о том, что византийцы были хорошо знакомы с осадной практикой османов⁶⁹, что, в целом, неудивительно, учитывая, что к тому времени византийские города многократно подвергались осадам, многие из них были захвачены, как, например, Фессалоника. Произведение Канана дает представление об отношении основной массы византийского населения к туркам в экстремальной ситуации осады.

Одним из самых значительных византийских авторов начала XV в. является архиепископ Фессалоники Симеон (1416/17 – 1429), интеллектуал и

⁶⁵ Бибиков М. В. Историческая литература Византии. С. 251; Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose // JÖB. 1981. Vol. 31–1. P. 310.

⁶⁶ Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. С. 24–25.

⁶⁷ Куц Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 108.

⁶⁸ Bartusis M. C. The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1997. P. 337.

⁶⁹ Куц Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 264.

богослов⁷⁰. Сведения о жизни Симеона довольно скудны. Известно, что он родился в Константинополе в 1380-х гг. Неизвестно точно, когда и в каком монастыре он принял монашество под именем Симеона, возможно, это был монастырь Каллиста и Игнатия Ксантофулов⁷¹. В 1416 г. был рукоположен в сан архиепископа Фессалоники, в 1422 г. совершил путешествие в Константинополь и на Афон. Ряд сочинений Симеона посвящен злободневным проблемам жителей Фессалоники со времени первого захвата города турками в 1387 г. вплоть до 1429 г., когда город уже несколько лет был осажден османами и в 1430 г. завоеван окончательно⁷².

Основной источник по истории этих событий – историческое произведение «Слово о великомученике Димитрии»⁷³, в котором автор описал последние годы византийской Фессалоники. Сочинение состоит из 13 глав, написано сложным, витиеватым языком. Симеон был приверженцем традиционных для византийской литературы приемов и клише, поэтому его сочинение наполнено риторическими формулами и стереотипными характеристиками завоевателей – архиепископ именует турок не иначе как варварами и поработителями христианской веры, сетует на падение нравов и объясняет беды византийцев их греховностью.

Сочинение Симеона раскрывает социальные противоречия, царившие в городе в кризисное для жителей время, а также дает возможность реконструировать жизнь горожан в последние десятилетия византийской Фессалоники.

Захват Фессалоники в 1430 г. описал Иоанн Анагност в своем сочинении «Повесть об окончательном завоевании Фессалоники»⁷⁴. Повествование

⁷⁰ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1991. Fasz. 11. № 27057.

⁷¹ Dennis G. T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike. P. 260.

⁷² Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica. P. 19–21.

⁷³ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 39–69.

⁷⁴ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις.

представляет собой краткую хронику событий осады города 1422–1430 гг.⁷⁵, состоит из 22 глав. Исследователи полагают, что сочинение составлено двумя разными людьми – вторая половина произведения, повествующая о судьбе города после его захвата, написана более ярким и богатым языком, но, вероятно, тоже очевидцем описываемых событий⁷⁶. Стиль повествования первой части схож с языком произведения Иоанна Канана, так же прост и лишен ярких оценочных характеристик. Исследователи также отмечали жанровое сходство сочинения Анагноста с другим свидетельством о захвате Фессалоники аварами в 904 г., написанным Иоанном Каминиатой⁷⁷.

Автор дает ценную информацию о жизни греков в осажденном городе, указывает на настроения жителей, сообщает о социально-экономическом состоянии Фессалоники в годы осады. Сведения Анагноста подробны и иллюстративны, тем более что писатель был свидетелем описываемых событий и наблюдал за жизнью горожан уже после завоевания Фессалоники⁷⁸.

Анагност концентрируется, главным образом, на внутренних противоречиях городского социума, сообщает о реакции местных жителей на передачу Фессалоники венецианцам в 1423 г. и о сложных отношениях греков с новоиспеченными владельцами города. В отличие от Симеона Фессалоникийского, который описал проблемы осажденного города с точки зрения административного лица, Анагност отмечал бытовые детали жизни горожан, повествовал о трудностях организации обороны Фессалоники и сообщал о взаимоотношениях греков с завоевателями уже после захвата города.

⁷⁵ См.: Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις.; Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica. S. 53–61; Vryonis S. The Ottoman conquest of Thessaloniki in 1430. P. 281–321.

⁷⁶ Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek Accounts. Padova, 2006. P. 145.

⁷⁷ Бибиков М. В. Историческая литература Византии. С. 250; Odorico P. Thessalonique. Chroniques d'une Ville Prise. Jean Caminiatès; Eustathe de Thessalonique; Jean Anagnostès. Toulouse, 2005. P. 14.

⁷⁸ Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. P. 356.

После завоевания Фессалоники в 1430 г. Византия была лишена второго по значению города и располагала лишь территориями в окрестностях Константинополя и в Морее. Однако византийцы надеялись сохранить хотя бы эти остатки былого величия, в связи с чем уповали на помощь латинян. Однако попытка предотвратить экспансию турок на Балканы и последующий захват остальных византийских территорий провалилась после поражения крестоносных сил у Варны в 1444 г. Любопытное свидетельство о битве при Варне 1444 г. оставил грек Параспондил Зотикос⁷⁹, который, очевидно, был свидетелем этого события, ознаменовавшего собой провал крестоносного движения в Европе против турок⁸⁰.

Единственное, что позволяет судить о том, кем был автор этого произведения, это содержание в нем некоторых автобиографических сведений. Из заголовка следует, что Параспондил был, вероятно, монахом⁸¹. Он сообщает, что родился в городе Варна 13 ноября, в среду. По подсчетам исследователей, на среду 13 ноября приходились 1443, 1437, 1426, 1420, 1415, 1409, 1398, 1392 годы. Соответственно, можно предположить, что в год Варненской битвы он был в возрасте 24, 29, 35, 46 или 52 лет⁸².

Возможно, именно в качестве духовного лица Зотикос прибыл в окрестности Варны накануне 10 ноября 1444 г. Очевидно, он был хорошо образован и обладал поэтическим талантом – сочинение состоит из 465 рифмованных строк, а его содержание наполнено традиционными для

⁷⁹ Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. Ρ. 333–372.

⁸⁰ О Варненском походе см.: Жигалова Н. Э. Битва при Варне 1444 года и ее исторические последствия (по материалам польских и сербских источников) // Славянский сборник. Саратов, 2014. Вып. 12. С. 107–113; Кузев А. Маршрутът на Владислав III Ягело до Варна // ИИМВ. 1973. Кн. IX (XXIV). С. 139–151; Мирски К. Н. Сражението при Варна въ 1444 г. // ИВАД. 1910. Т. III. С. 85–88; Павлов П. Тютюнджиев И. Българите и османското завоевания (края на XIII – средата на XV в.). Велико Търново, 1995. С. 133–134; Цветкова Б. Паметна битка на народите. С. 252–297; Dabrowski J. Wladyslaw I Jagellonczyk na wgrzech (1440–1444). Warszawa, 1922. 204 s.; Kwiatkowski S. Ostatnie lata Warnencyka // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1883. S. 131–168; Setton K. A History of the Crusades. Vol. 6. Impact of the Crusades on Europe. Wisconsin, 1989. P. 372.

⁸¹ Слово φιλόσοφος, вероятно, употребляется в значении «монах». См.: Димитровъ Г. Сражението при Варна въ 1444 год., варненскитѣ черкви на гробътъ на Владислава // ИВАД. 1910. Т. III. С. 52.

⁸² Там же. С. 51.

византийской литературы приемами: указание на «неграмотность и необученность» автора строк, жалобы на физическое и психологическое состояние при написании произведения, прямые речи лидеров крестоносцев и турецкого султана⁸³.

О судьбе рукописи почти ничего не известно. Г. Димитров предполагал, что после смерти автора она попала в руки одного из его учеников, который побывал в Константинополе и продал ее какому-нибудь итальянскому купцу, который, в свою очередь, отвез сочинение в Европу. Как бы то ни было, в результате рукопись оказалась в Парижской национальной библиотеке, где и была впервые обнаружена исследователями⁸⁴.

Довольно трудно определить жанровую принадлежность произведения. Т. В. Попова относил поэму «О Варненской битве» к «парафольклорным»⁸⁵ памятникам, к которым причисляют различные плачи и песни о городах, плененных турецкими завоевателями⁸⁶. Однако, на наш взгляд, данное утверждение несколько уничижает оригинальность этого текста, наполненного яркими авторскими характеристиками и конкретными историческими сведениями, например, о передислокации турецкой войск с указанием их функционала.

Автор добросовестно описывает все происходящее на поле битвы, делаясь с читателем своими впечатлениями и эмоциями. Интересно, что Янош Хуньяди, главный герой повествования Параспондила, показан как защитник

⁸³ Попова Т. В. Византийская народная литература. М., 1985. С. 94–96.

⁸⁴ Димитровъ Г. Сражението при Варна въ 1444 год. С. 56.

⁸⁵ Парафольклор – памятники с исключительно исторической основой, фольклорными приемами повествования и книжными традициями. Попова Т. В. Византийская народная литература. С. 23.

⁸⁶ Например, стихотворение «Плач о Тамерлане», повествующие о битве под Анкарой 1402 г., многочисленные плачи о падении Константинополя в 1453 г. Взятие Афин турками в 1456 г. послужило сюжетом стихотворения в 69 нерифмованных стихов под названием «О покорении и пленении, произведенном персами в аттической Афине». См.: Там же. С. 44–46; Алексидзе А. Д. Византийская народноязычная литература XIII–XV вв. // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. М., 1991. С. 337.

христианской веры и ромеев⁸⁷ – таким образом, поражение в Варненской битве трактуется писателем в первую очередь как событие, из-за которого Византия оказалась беззащитной перед лицом турецких завоевателей.

Сочинения византийских историков, созданные уже после падения Константинополя в 1453 г. под непосредственным впечатлением от этого события, стали основой настоящего исследования. Историки опирались на не дошедшие до нас источники, поэтому многие сведения, сообщаемые ими, уникальны и нигде более не встречаются. Свое внимание писатели концентрировали главным образом на злободневных политических проблемах, самой острой из которых была османская агрессия⁸⁸.

Особое место среди последних византийских историков занимает Лаоник Халкокондил (ок. 1430 – ок. 1487). Биографические сведения о нем скудны. В сущности, они ограничиваются только тем, что писатель сам говорит о себе⁸⁹, а также некоторыми сведениями итальянского гуманиста Кириако из Анконы, который познакомился с Халкокондилем во время своего путешествия на Пелопоннес в 1447 г.⁹⁰ Молодые годы Лаоник провел в Мистре, где, вероятно, входил в интеллектуальный кружок Георгия Гемиста Плифона⁹¹. Это, очевидно, наложило отпечаток на стиль изложения Халкокондила – автора можно отнести к представителям поздневизантийского эллинофильства (в повествовании он даже изменил свое христианское имя Николай на Лаоник⁹², что, впрочем, не было чем-то необычным для писателя той эпохи⁹³).

⁸⁷ Takács S. A. What about Varna? Two Accounts of the Battle by Michael Beheim and Paraspondylos Zotikos // ВФ. 1994. Bd. XX. S. 254–255.

⁸⁸ Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 289.

⁸⁹ Веселаго Е. Б. Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII). С. 433.

⁹⁰ Cyriac of Ancona. Later travels / ed. and transl. by E. W. Bodnar with C. Foss. Cambridge, London, 2003. P. 299.

⁹¹ Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 63.

⁹² Там же Халкокондил называет себя, подражая Фукидиду, Лаоником Афинянином. См.: Византийская литература / под ред. С. С. Аверинцева. М., 1974. С. 19.

⁹³ Kaldellis A. A New Herodotus. P. 1.

Главное содержание его труда сформулировано в заглавии более поздних списков XVI в. – «Повествование Николая Халкокондила о том, откуда пришли властители турок, об их делах и подвигах вплоть до подвигов великого властителя Мехмеда» или «Наблюдения историй»⁹⁴. Труд Халкокондила написан, вероятно, между 1464 и 1468 гг.⁹⁵, состоит из 10 книг. В своей «Истории», охватывающей 1298–1463 гг., Халкокондил описал последние годы гибнущей империи и историю утверждения турок на Балканах, рост могущества турецкого государства, постепенный захват турками греческих и славянских земель⁹⁶. Его сочинение сохранилось в 29 списках, из которых 5 рукописей датируются концом XV в.⁹⁷, что говорит о большой популярности его сочинения.

Несомненна связь между трудом Халкокондила и произведениями двух других византийских историков, также описавших падение Константинополя – Критовула и Сфрандзи, хотя прямых отсылок на эти источники текст Халкокондила не содержит. Очевидна цель написания истории, которую определяет для себя Халкокондил: показать падение империи эллинов и возвышение турок. Уникальные сведения о ранних турецких институтах, которые содержатся в его истории, позволяют сделать вывод, что Лаоник Халкокондил пользовался также и турецкими источниками⁹⁸.

Автор использует сочинения своих предшественников, рассказы купцов и дипломатов, письма и документы. Географический ареал его истории охватывает почти все государства Европы, он упоминает Ближний Восток и Индию. Композиция сочинения чрезвычайно свободна: повествование часто прерывают эпизоды, сходные по тематике с итальянской новеллистикой

⁹⁴ Laonikos Chalkokondyles. *The Histories*.

⁹⁵ О дискуссиях относительно датировки см.: Kaldellis A. *The Date of Laonikos Chalkokondyles' Histories*. P. 111–136.

⁹⁶ Люблинская А. Д. *Источниковедение истории Средних веков*. Л., 1955. С. 276.

⁹⁷ Веселаго Е. Б. *Историческое сочинение Лаоника Халкокондила*. С. 201; Nicoloudis N. *Observatoins on the Possible Sources of Laonikos Chalkokondyles' Demonstrations of Histories // Byzantina*. 1994. Т. 17. P. 75.

⁹⁸ Подробнее об источниках см.: Kaldellis A. *The Greek Sources of Laonikos Chalkokondyles' Histories*. P. 738–765; Nicoloudis N. *Observatoins on the Possible Sources of Laonikos Chalkokondyles' Demonstrations of Histories*. P. 75–82.

Возрождения (сатиры на трусость и алчность монахов, семейные истории об изменах и наказаниях жен)⁹⁹. Автор повествует о пророчествах и чудесах, дает подробное описание деятельности тех или иных исторических личностей. Повествование представляет собой широкий обзор событий эпохи. В этом отношении писатель значительно превзошел остальных византийских историков XV в. Он рассказывает о народах и странах, так или иначе захваченных нашествием турок, рассказывает и о тех народах, которые этого нашествия непосредственно не испытали. Все это демонстрирует разносторонность интересов автора.

Халкокондил стилистически подражает Геродоту, подробно описывая обычаи и традиции различных народов¹⁰⁰. Отдельно стоит сказать об отношении Халкокондила к религии. Писатель не особенно останавливается на догматических вопросах¹⁰¹, однако он дает свое объяснение причин тех или иных событий. По мнению историка, некая безличная и сверхъестественная сила управляет всем ходом истории – Бог, судьба (Тихи¹⁰²), рок. Халкокондил верит предсказаниям оракулов и проявляет большую склонность к фатализму вообще¹⁰³. Можно отметить также веротерпимость Халкокондила, так как его рассуждения об объединении

⁹⁹ См.: Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 295–296.

¹⁰⁰ См.: Kaldellis A. A New Herodotus. P. 49–70.

¹⁰¹ Халкокондил не придает им никакого значения вопросу о заключении церковной унии, проявляет полное равнодушие к еретическим учениям, о которых рассказывает в своем сочинении, и допускает мысль, что ислам и христианство – равноценные друг другу верования. См.: Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. С. 108.

¹⁰² Широко распространенная у позднеантичных и ранневизантийских авторов, Тихи олицетворяет собой ненадежность и нестабильность всего земного. См.: Любарский Я. Н. Византийцы о «двигателях истории» // Византийские историки и писатели (Сб. ст.). СПб., 1999. С. 297; Хвостова К. В. Понимание случая в византийской философии и богословии // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 102–110.

¹⁰³ Эта идея получила развитие в трудах известного византийского гуманиста Георгия Гемиста Плифона. См.: Погодин П. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками // ЖМНП. 1889. Вып. 264. С. 206; Turner C. J. G. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. P. 359–360.

церквей, характеристика ислама¹⁰⁴ и христианских ересей весьма беспристрастны.

Другой поздневизантийский историк Дука (ок. 1400 – после 1462) в 1421 г. исполнял обязанности секретаря и переводчика при генуэзском подеста Джованни Адорно, занимался составлением дипломатических писем. Он провел свою жизнь при дворе итальянцев генуэзского подданства (семейство Гаттилузи), властителей острова Лесбос.

Сохранилась всего одна рукопись «Истории»¹⁰⁵ Дуки. Она датируется XV или XVI в. В начале и в конце рукописи не хватает по одному листу, отсутствует заглавие. «История», вероятно, создавалась в 50-е гг. и в 1462 г. была завершена¹⁰⁶.

Тема труда Дуки – история завоевания османами византийских земель и борьба с завоевателями народов Юго-Восточной Европы. Сочинение соответствует жанру исторической хроники: события турецкой и византийской истории освещаются в хронологическом порядке с 1341 по 1462 гг.¹⁰⁷ Отступления от этого принципа крайне редки – лишь при необходимости объяснить причину какого-либо явления¹⁰⁸. В начале сочинения Дуки помещен хронологический перечень византийских императоров до Палеологов. События византийской истории до 1389 г., т.е. до битвы на Косовом поле, изложены весьма кратко, однако история последующих лет описана автором подробно и живо. Дука, вероятно, был прекрасно осведомлен о турках, турецкой административной системе, а также о принципах комплектования османского войска. Последние три главы

¹⁰⁴ См.: Kaldellis A. A New Herodotus. P. 114–126.

¹⁰⁵ *Ducae Historia Turcobyzantina*.

¹⁰⁶ Чистякова В. В. Дука // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. СПб., 2006. С. 77.

¹⁰⁷ В 1341 г. умер император Андроник Младший, в 1462 г. Мехмед II захватил Метилену и Лесбос, где жил Дука. См.: Степанов А. С. Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя // ВВ. 1953. Т. 7. С. 385.

¹⁰⁸ См.: Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 290.

посвящены истории Лесбоса за 1453–1462 гг.¹⁰⁹, вплоть до захвата Лесбоса турками¹¹⁰. Значительная часть труда посвящена описанию осады и штурма Константинополя и дальнейшей экспансии османов на Балканах, в Передней Азии и на островах Эгейского моря.

Дука опирался в основном на собственные наблюдения и рассказы очевидцев, но был знаком и с сочинениями своих предшественников – Никиты Хониата, Иоанна Анагноста, Никифора Григоры, возможно, Иоанна Кантакузина¹¹¹. Очевидцем взятия Константинополя он не являлся. Хронику осады и захвата города Дука излагает преимущественно на основании свидетельств очевидцев (в том числе и самих турок)¹¹².

Он хорошо осведомлен как в античной мифологии и истории, так и в богословских вопросах. В его повествование органически вплетены образы Священного писания, цитаты из ветхозаветных пророчеств, псалмов, евангелий. Текст истории насыщен сравнениями, почерпнутыми из древнегреческой литературы, архаизированными топонимами и этнонимами, а также множеством неологизмов и иноязычных заимствований¹¹³. Точные транскрипции итальянских, турецких, персидских, славянских, французских названий, терминов и выражений говорят о знании автором нескольких языков¹¹⁴.

В историографии Дука квалифицируется как самый ортодоксальный из поствизантийских историков¹¹⁵. Он сохраняет верность династии Палеологов

¹⁰⁹ См.: Wright C. *The Gattilusio Lordships and the Aegean World 1355–1462*. Leiden, Boston, 2014. P. 393–398.

¹¹⁰ Люблинская А. Д. *Источниковедение истории Средних веков*. С. 275.

¹¹¹ Бибииков М. В., Красавина С. К. *Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии*. С. 289.

¹¹² Степанов А. С. *Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя*. С. 386.

¹¹³ Philippides M. *Early Post-Byzantine Historiography // The Classics in the Middle Ages* / ed. by A. S. Bernardo and S. Levin. Binghampton, 1990. P. 256.

¹¹⁴ Бибииков М. В., Красавина С. К. *Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии*. С. 290.

¹¹⁵ Turner C. J. G. *Pages from Late Byzantine Philosophy of History*. P. 356.

и предстает горячим патриотом, ратующим за судьбу родины; ему присуще некоторое чувство превосходства греков над другими народами¹¹⁶.

Движущей силой истории, по мнению Дуки, является Божий промысел, провидение, которое определяет все текущие события. Падение Византии и возвышение османов историк трактует как закономерное стечение обстоятельств, следствие Божьего гнева, вызванного различными прегрешениями греков. Провидение обладает в глазах Дуки свойством возмездия: подобно тому, как оказалось predetermined падение Византии, скорая гибель Османского государства также неминуема¹¹⁷.

Несмотря на то, что Дука обвиняет соотечественников в клятвопреступлениях и прочих грехах, он горячо сопереживает грекам в их бедах и красочно описывает их невзгоды. Турки для него, несомненно, являются врагами и поработителями христиан, поэтому все его оценки восточных соседей-иноверцев носят почти исключительно пейоративный характер¹¹⁸.

Хронист Георгий Сфрандзи (1401–ок. 1478) родился в Константинополе и провел жизнь при императорском дворе. Сфрандзи воспитывался вместе с будущим императором Константином XI Палеологом, поскольку дядя историка служил придворным воспитателем. Впоследствии писатель находился на службе у императора Константина XI и выполнял различные поручения¹¹⁹. Как следует из текста его сочинения, во время осады Константинополя Сфрандзи принимал деятельное участие в организации обороны города. После взятия византийской столицы Сфрандзи попал в плен, из которого его выкупили лишь через пять месяцев. После выкупа из плена

¹¹⁶ Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. С. 103.

¹¹⁷ Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 253.

¹¹⁸ Runciman S. Byzantine Historians and the Ottoman Turks // *Historians of the Middle East* / ed. by V. Lewis and P. M. Holt. London, 1962. P. 275.

¹¹⁹ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии. С. 128.

он перебрался в Мистру к деспоту Фоме Палеологу¹²⁰. Остаток жизни провел на Керкире, приняв монашество под именем Григорий¹²¹, где начал писать хронику и сумел довести свой рассказ до 1477 г.

Известно два варианта произведения Сфрандзи – Малая хроника¹²², представленная в виде дневниковых записей и описывающая период с 1413 по 1478 гг., и Большая хроника¹²³, которая охватывает события с 1258 по 1477 гг. Однако, как было показано в ряде исследований, Большая хроника является фальсификацией, и ее авторство не может быть приписано Сфрандзи¹²⁴. Современные исследователи полагают, что тајус была в следующем столетии переработана монемвасийским митрополитом Макарием Мелиссином¹²⁵.

Автор чрезвычайно точен в датировке фактов, указывает год, месяц, день, а иногда и время суток. Вероятно, он вел дневниковые записи и использовал их при работе над мемуарами. Язык сочинения почти разговорный, без всяких следов обработки. Факты, известные и памятные современникам, даются бегло и нечетко¹²⁶. Наиболее ценные сведения представляют воспоминания Сфрандзи о тех событиях, непосредственным участником которых он был. Так, будучи доверенным лицом императора, он совершал дипломатические поездки к султанскому двору, вел переговоры о

¹²⁰ Куц Т. В. Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.): Опыт характеристики. С. 134.

¹²¹ Там же. С. 130.

¹²² Georgii Sphrantzae Chronicon.

¹²³ George Sphrantzes. The Chronicle (1401-1477).

¹²⁴ См.: Бибиков М. В. Историческая литература Византии. С. 257; Джагацпанян Е. Д. Некоторые замечания по поводу авторства Большой хроники Псевдо-Сфрандзи // ВВ. 1982. Т. 43. С. 229–230; Carroll M. Notes on the Authorship of the «Siege» Section of the Chronicon Maius of Pseudo-Phrantzes, Book III: 3. Comparison of Interpolations // Byzantion. 1972. Т. 42. P. 5–22.

¹²⁵ Греческий ученый И. Пападопулос поставил под сомнение тождественность авторов этих двух произведений и предположил, что Chronicon maius была составлена из трудов разных историков (Сфрандзи в том числе), ибо ни одна рукопись не была датирована ранее 1511 г.; все они найдены в тех местах, где побывал Макарий (Испания, Неаполь, Италия). См.: Philippides M., Hanak W. K. The Siege and the Fall of Constantinople. P. 139–141, 146–152.

¹²⁶ См.: Бибиков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 294.

потенциальном браке Константина XI с вдовой султана Мурада II сербской княжной Марой, зафиксировал в своей Хронике численность гарнизона осажденного Константинополя (4773 грека и около 200 иностранцев), а также описал перипетии своего плена после захвата столицы.

Сфрандзи, как и Дука, связывает падение Византии с проявлением Божьей воли, а бедствия греков трактует как следствие их греховности. Однако его повествование, в противовес Дуке, практически лишено экспрессивных оценок и характеристик каких бы то ни было событий, народов или отдельных персонажей, хотя в тексте неоднократно встречаются замечания, свидетельствующие, например, о недовольстве писателя состоянием церкви в Константинополе до и после захвата, а также о том, что никто не пришел на помощь византийцам в решающий момент.

Таким образом, поздневизантийские исторические сочинения представляют собой сообщения современников падения империи, поэтому основное внимание в них уделяется описанию последних лет Византии. Лейтмотивом практически всех произведений является идея возвышения османского государства, которое авторы стремились вписать в детерминированный процесс восхождения и упадка великих империй, пытались объяснить причины, приведшие к этому.

Общим местом в сочинениях поздневизантийских писателей является упоминание пророчеств и предсказаний. Понимание истории как детерминированного процесса¹²⁷ расцвета и упадка империй, позволяло объяснить причины военных успехов турецких предводителей и принять османское завоевание как закономерное и предопределенное стечение обстоятельств, результат Божественного промысла¹²⁸ и влияния Тихи – сверхъестественной силы, от которой зависит благополучие или крах

¹²⁷ Брандес В. Византийская апокалиптическая литература как источник изучения некоторых аспектов социальной истории // ВВ. 1989. Т. 50. С. 119.

¹²⁸ Harris J. Laonikos Chalkokondyles and the Rise of the Ottoman Turks // Byzantine and Modern Greek Studies. 2003. Vol. 27. P. 153.

человеческого бытия¹²⁹. Каждый из авторов использует образы древних угасших империй, соотнося их судьбы с участью Византии.

Для авторов исторических сочинений также характерна тенденция подражания великим предкам – Фукидиду и Геродоту¹³⁰. Такую же особенность мы наблюдаем и в произведении историка Критовула, который посвятил свое сочинение описанию деяний Мехмеда II. Несмотря на то, что в историографии Критовула всегда ставят в один ряд с тремя другими поствизантийскими историками, мы считаем нужным рассмотреть его труд в контексте его принадлежности к так называемым протурецким византийским произведениям.

Михаил Критовул (ок. 1410 – после 1468) родился и провел большую часть жизни на о. Имврос. В 1456 г. Критовул стал наместником острова¹³¹. После окончательного захвата турками островов в 1466 г. судьба историка не ясна. Известно лишь, что во время страшной чумы в Константинополе летом 1467 г. он был там. Предполагается, что именно здесь он получил заказ от султана описать историю его завоеваний. Вероятно, Мехмед остался недоволен сочинением Критовула, так как оно не получило распространения и долгое время оставалось неизвестным¹³². Однако точные сведения о том, что историк как-то контактировал с султаном, отсутствуют.

Сочинение Критовула «История Мехмеда II»¹³³ состоит из пяти глав и охватывает период с 1451 по 1467 гг., т.е. первую половину царствования султана¹³⁴. Как следует из названия, содержание источника в основном касается деятельности Мехмеда II. Труд Критовула дошел до нас только в одной рукописи¹³⁵. Историк начал работу над ним, вероятно, летом 1453 г.

¹²⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм. Р. 136.

¹³⁰ Philippides M. Early Post-Byzantine Historiography. Р. 256.

¹³¹ Reinsch D. R. Kritoboulos of Imbros – Learned Historian, Ottoman Raya and Byzantine Patriot // ЗРВИ. 2003. Вып. 40. Р. 299.

¹³² Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 292.

¹³³ Critobuli Imbriotae Historiae.

¹³⁴ См.: Люблинская А. Д. Источниковедение истории Средних веков. С. 276.

¹³⁵ Reinsch D. R. Kritoboulos of Imbros – Learned Historian. Р. 297.

«История» снабжена двумя введениями: первое – в виде письма-посвящения султану, из которого можно заключить, что произведение посылалось ему на просмотр, другое – в форме предисловия к сочинению, где автор сообщает о намерении описать раннюю историю османов, чтобы показать причины превосходства над другими народами. Сочинение написано сухим и однообразным языком, содержит много общих фраз и архаизмов, по стилю и композиции напоминает «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида¹³⁶.

«История» Критовула бесценна для изучения завоевательных походов Мехмеда II – в произведении описаны все военные операции этого султана, в том числе военно-политические конфликты с венгерским воеводой Яношем Хуньяди и албанским князем Георгием Кастриотом (Скандербегом)¹³⁷, завоевания Балкан и захват последних оплотов византийского присутствия – Трапезунда (1461 г.) и Пелопоннеса (1460 г.)¹³⁸. Писатель не был очевидцем осады и взятия Константинополя, но многие сведения, сообщаемые им, уникальны и не содержатся у других историков того времени: Критовул повествует о расположении турецких войск, его оснащении и конкретных действиях османской армии в период осады. Вероятно, писатель имел возможность использовать турецкие источники, а также рассказы очевидцев для воссоздания картины захвата византийской столицы.

Протурецкая позиция автора просматривается в его хвалебных эпитетах Мехмеду II: султан в его повествовании предстает мудрым и справедливым правителем, милостивым к подданным и жестоким к врагам. Именно это определило тот факт, что в историографии историк прослыл туркофилом и

¹³⁶ Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 293.

¹³⁷ См.: Буда А. Борьба албанского народа под водительством Скандербега против турецких завоевателей / Повесть о Скандербеге. М., 1957. С. 57–92; Moore C. C. George Castriot, Surnamed Scanderbeg, King of Albania. New York, 1850. 367 p.; Paganel M. C. Histoire de Scanderbeg, au Turks et Chrétiens ac XV siècle. Paris, 1855. 461 p.

¹³⁸ См.: Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. С. 177–181; Удальцова З. В. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке // ВВ. 1951. Т. 4. С. 91–121.

ренегатом¹³⁹. Однако в его сочинении мы не находим ни положительных, ни отрицательных характеристик турок – писатель использует только нейтральные термины, никак не подчеркивая религиозную инаковость османов.

Причину возвышения турок Критовул видит в закономерности процесса смены великих цивилизаций (ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской, османской¹⁴⁰) и объясняет падение Византии изменчивостью Судьбы (Тихи), которая правит всем ходом истории. Так, историк не возлагает вину за бедствия ромеев на них самих, горячо сопереживая соотечественникам, и рассматривает возвышение османов как нечто предопределенное и неизбежное.

Если в произведении Критовула его протурецкая позиция прослеживается, главным образом, в письме-посвящении Мехмеду II, которое предшествует основному тексту «Истории», то в произведениях двух других т.н. «туркофилов» – Георгия Амирутци и Георгия Трапезундского – основная тема – это восхваление Мехмеда и его деяний. Стоит отметить, что и характер их сочинений совсем иной – в отличие от сухого и скрупулезного исторического повествования Критовула произведения означенных авторов, скорее, риторические, следовательно, написаны ярким и живым языком, украшенным эпитетами и восторженными сравнениями. Однако труды этих философов имеют также историческую ценность ввиду того, что содержат сведения о военных успехах Мехмеда II и его личных качествах.

Георгий Амирутци (1400–1470) родился в Трапезунде, где получил прекрасное образование. В 1437 г. был протонотарием, затем получил должность протовестиария¹⁴¹. Известно также, что он участвовал в работе Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг. Сильвестр Сиропул указывал

¹³⁹ См.: Удальцова З. В. Предательская политика феодальной знати Византии. С. 108-115.

¹⁴⁰ Turner C. J. G. Pages from late Byzantine Philosophy of history. P. 362–363.

¹⁴¹ См.: Карпов С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци // ВИ. 1991. № 6. С. 196; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 346–347; Vacalopoulos A. Origins of the Greek Nation. P. 195–197, 225–227.

на недостойное поведение Амирутци на соборе, отмечая, что тот вел себя по отношению к Марку Эфесскому «самым бесстыднейшим образом»¹⁴². До 1461 г. Амирутци продолжал службу при дворе Комнинов, однако именно при его содействии Трапезунд был сдан. После этого он оказался в Константинополе на службе у Мехмеда II, где, очевидно, преуспел, поскольку до нас дошел ряд самых разнообразных его сочинений¹⁴³.

В целом, о литературной деятельности Амирутци известно немногое¹⁴⁴. Самое крупное его произведение – «Диалог о вере Христовой с правителем турок»¹⁴⁵. В «Диалоге» Амирутци рассуждает об основах мусульманской веры и старается находить точки соприкосновения христианского и мусульманского вероучений. Он призывает соотечественников понять и принять особенности ислама и смириться с османским завоеванием.

Амирутци также известен своими поэтическими произведениями. Сохранилось несколько стихотворений, некоторые из них посвящены Мехмеду II, другие представлены в виде любовных посланий¹⁴⁶. Стихи, адресованные султану, написаны в панегирическом тоне, в них восторженно описываются личные качества Мехмеда, а также его военные успехи.

Одной из характерных черт, присущих как Критовулу, так и Амирутци является обозначение Мехмеда II как преемника императорской власти¹⁴⁷ – они оба именуют султана василевсом и воспринимают завоевание Константинополя как предопределенное событие. Однако ни Критовул, ни

¹⁴² Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 частях / Пер. с греч. А. Занемонца. СПб, 2010. С. 250.

¹⁴³ См.: Tomadakis N. B. Ἐτούρκευθεν ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη. P. 101–104.

¹⁴⁴ См.: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasz. 2. № 784.

¹⁴⁵ Argyriou A., Lagarrigue G. George Amiroutzès et son «Dialogue sur la Foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» // BF. 1987. Bd. 11. S. 29–222; Jorge Ameruzes de Trebisonda. El diálogo de la Fe con el sultán de los turcos Mehmet II en el siglo XV / edicion critica, traduccion y studio por O. de la Cruz Palma / Nueva Roma. Vol. 9. Madrid, 2000. 234 p.

¹⁴⁶ См.: Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμιρούτζη // ΔΙΕΕΕ. 1885. Τ. 2. P. 275–282; 279–282. Эти стихи также опубликованы в отредактированном варианте в статье: Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre // Philomathestatos: Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. by B. Janssens, B. Roosen, and P. van Deun. Leuven, 2004. P. 297–324.

¹⁴⁷ Reinsch D. R. Kritoboulos of Imbros – Learned Historian. P. 306.

Амирутци не восхваляют турок или мусульманское вероучение – главным персонажем их произведений является Мехмед II, чьи достоинства и подвиги авторы и описывают, однако другим представителям мусульманского мира в их сочинениях места практически не нашлось.

В этом смысле произведения Георгия Трапезундского (1395 – ок. 1472) превзошли все остальные. Писатель родился на Крите, однако около 1416 г. он покинул Византию и эмигрировал в Италию, как и многие другие византийские интеллектуалы¹⁴⁸. Таким образом, Георгий Трапезундский не испытал на личном опыте перипетии турецкого завоевания.

Георгий был знатоком латинского языка и написал огромное количество трактатов и других сочинений на латыни¹⁴⁹. Он преподавал в Венеции латинский и греческий языки, во Флоренции – поэзию, риторику¹⁵⁰. В 1426 г. писатель присоединился к латинской Церкви. Несмотря на смену вероисповедания и места проживания, судьба Византии не оставляла его равнодушным. В 1427 г. Георгий написал трактат, в котором призывал Запад помочь осажденному Константинополю. Одним из условий спасения Византии Георгий видел заключение унии Церквей. Накануне Ферраро-Флорентийского собора Георгий написал византийскому императору Иоанну VIII Палеологу письмо, в котором предупреждал его, что если уния Церквей не будет достигнута, то и Восточная и Западная Церкви будут обречены на разрушение¹⁵¹. Таким образом, Георгий проявил себя как горячий сторонник унии, принимая деятельное участие в Ферраро-Флорентийском соборе¹⁵².

Затем в 1452 г. он направил папе Николаю V письмо в поддержку византийского императора, убеждая иерарха в ценности византийской

¹⁴⁸ См.: Monfasani J. Greek Renaissance Migrations.

¹⁴⁹ См.: Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond.

¹⁵⁰ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasz. 2. № 4120.

¹⁵¹ Georgius Trapezuntius. Epistola ad Joannem Palaeologum // PG. Vol. 161. Col. 905.

¹⁵² Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 275–276.

столицы для Европы и добрый намерениях василевса¹⁵³. Таким образом, хотя Георгий все более приобщался культуре латинского Запада, его преданность родине оставалась неизменной, а обращение Георгия в католическую веру не уменьшало его патриотизм¹⁵⁴.

Падение византийской столицы стало поворотным моментом во взглядах Георгия. В 1453 г. Георгий Трапезундский написал трактат «Об истинности христианской веры»¹⁵⁵, адресованный Мехмеду, в котором убеждал султана стать объединителем народов и верований, став властителем христиано-мусульманской империи. Представив Мехмеду развернутую концепцию объединения христианства и мусульманства, философ предлагал султану ознакомиться с христианскими догматами и убедиться, что между христианством и исламом нет непреодолимых противоречий.

Тот же посыл содержат другие произведения Георгия Трапезундского, направляемые им впоследствии к Мехмеду¹⁵⁶ – трактаты «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве»¹⁵⁷ и «О божественности Мануила»¹⁵⁸. В последнем Георгий предлагает султану принять имя Мануил, чтобы стать достойным наследником византийских императоров.

В своих сочинениях Георгий Трапезундский, в отличие от Критовула и Амирутци, концентрирует внимание не только на фигуре Мехмеда, но также восхваляет обычаи и традиции турок, их язык и культуру, считает их хорошими торговцами и способными воинами. Вряд ли Георгий хорошо знал повседневную жизнь и религиозную практику турок – риторика его произведений полна общих определений и характеристик, но не детальных

¹⁵³ George of Trebizond. Exhortation to Pope Nicholas V ad defenda pro Europa Hellepontici claustra / Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. N.-Y., 1984. P. 434–444.

¹⁵⁴ Monfasani J. George of Trebizond. A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. P. 22.

¹⁵⁵ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры.

¹⁵⁶ См.: Monfasani J. George of Trebizond. A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. P. 1–14; P. 22.

¹⁵⁷ George of Trebizond. On the Eternal Glory of the Autocrat. P. 492–564.

¹⁵⁸ George of Trebizond. On the Divinity of Manuel. P. 564–574.

описаний, чего, впрочем, нет и у других авторов «протурецкой» направленности, хотя те и жили на подконтрольных туркам территориях – в отличие от того же Георгия Трапезундского.

Очевидно, Мехмед не был впечатлен идеями философа, поскольку Георгий так и не получил ответа от султана¹⁵⁹. Возможно, автор надеялся вовлечь Мехмеда II в интеллектуальный диспут и выйти на диалог с завоевателем Константинополя. Как бы то ни было, утопические идеи Георгия Трапезундского не нашли отклика в сердце османского государя.

Таким образом, «протурецкая» позиция рассмотренных авторов выражена в специфической риторике их сочинений, лейтмотивом которых было восхваление Мехмеда II и оправдание турецкого завоевания Византии. В отношении турок авторы применяют только нейтральные характеристики, лишённые всяких негативных коннотаций. Однако очевидно, что целью всех этих произведений было не призвать образованных византийцев или латинян принять мусульманское вероучение как равное христианству, не составить положительный образ османского султана в глазах христиан, но привлечь внимание правителя турок, наладить с ним контакт и, возможно, обеспечить тем самым себе безбедное существование на завоеванных турками территориях, что было крайне актуально для Критовула и Амирутци. Стоит, однако, отметить, что Критовул стремился также исторически обосновать причины возвышения османов и определить их место в общемировом историческом процессе.

Особая группа источников – это сочинения, написанные участниками или свидетелями конкретных исторических событий и созданные под непосредственным впечатлением от них. От рассмотренных выше произведений их отличает и время создания – все они написаны до завоевания Константинополя, соответственно, их цель – отразить

¹⁵⁹ Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель // ВВ. 2005. Т. 64. С. 142.

определенные военно-политические конфликты с османами и показать бедствия византийцев в условиях непрекращающейся турецкой экспансии.

Наряду историческими сочинениями мы не могли не обратиться к свидетельствам других византийских писателей, так или иначе затрагивающих тему взаимоотношений греков с османами – это сочинения Григория Паламы о его злключениях во время турецкого плена в 1354–1355 гг.¹⁶⁰, письма и риторические произведения Мануила II Палеолога¹⁶¹, гомилии архиепископа Фессалоники Исидора Главы¹⁶², воспоминания Сильвестра Сиропула о Ферраро-Флорентийском соборе¹⁶³, письма Михаила Апостолиса¹⁶⁴ и некоторые другие произведения, позволяющие вместе с другими источниками в полной мере восстановить картину постепенного упадка Византии и возвышения османов.

В сущности, все сочинения, написанные до падения Константинополя, выдержаны в подобном ключе – они отражают рост турецкой агрессии в Византии и попытки греков противостоять усилению османской экспансии. Их авторы еще надеялись на спасение Византии и не могли знать, что через несколько лет судьба Константинополя будет решена.

Сочинения последних византийских историков были призваны отразить события, повлекшие за собой падение Византии и рост османского могущества и, используя традиционный для византийской историографии инструментарий, объяснить причины возвышения Османского государства¹⁶⁵. Несмотря на то, что эти произведения написаны не по горячим следам, а постфактум, они, на наш взгляд, обладают высочайшей

¹⁶⁰ Gregory Palamas. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive; Gregory Palamas. To the Atheist Chiones.

¹⁶¹ Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on his brother Theodore; The Letters of Manuel II Palaeologus.

¹⁶² Λαούρδας Β. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παιδῶν καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως; Λαουρδας Β. Ἰσιδώρου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία εἰς τὰς εορτὰς τοῦ Ἁγίου Δημητρίου; Χριστοφορίδης Β. Χ. Ἰσιδώρου Γλαβά, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὁμιλίαις.

¹⁶³ Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе.

¹⁶⁴ Lettres Inédites de Michel Apostolis.

¹⁶⁵ См.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. S. 442–507.

ценностью, поскольку позволяют исследовать византийско-османские отношения в XV в. комплексно и всесторонне, увидеть специфику этих взаимоотношений и проследить эволюцию представлений византийцев об османах в частности и о мусульманах в целом.

В то же время произведения «протурецкой» направленности, которые также написаны после падения Византии, помогают выявить, каким образом византийские интеллектуалы пытались приспособиться к изменившимся историческим реалиям, используя свои литературные таланты, а также реконструировать образ завоевателя Константинополя Мехмеда II – вряд ли близкий к действительности, но отражающий ожидания и надежды византийских писателей.

Глава II. Военно-политические конфликты и контакты с османами первой половины XV в. в отражении византийских писателей

2.1. Взаимоотношения Византии и османов в первой четверти XV в.

Со второй половины XIV в. усилилась турецкая экспансия на балканские и византийские территории, которые стали подвергаться регулярным военным набегам со стороны османов. С захватом Адрианополя в 1369 г. турецким султанам открылся путь в Европу, а судьба балканских государств была решена уже в 1389 г. после битвы на Косовом поле, окончившейся разгромом сербских войск и смертью князя Лазаря. С этого времени начинается завершающий, трагичный этап в истории Византии¹⁶⁶.

Являясь свидетелем бедствий, которые причиняли византийцам турецкие войска, будущий император Мануил Палеолог в письме Димитрию Кидонису сообщал о малоазийских землях, которые «оставлены жителями, спасающимися в расселинах скал, в лесах, на горных вершинах, в попытке избежать смерти, от которой нет спасения, от жестокой и бесчеловечной смерти, без какой-либо видимости справедливости»¹⁶⁷.

Безрадостная участь ожидала не только население провинций, но и жителей крупных византийских городов. В конце XIV – начале XV вв. Константинополь, Фессалоника, Мистра и Трапезунд¹⁶⁸ оставались последними оплотами византийского сопротивления туркам. В 1394 г. войска султана Баязида I осадили византийскую столицу.

¹⁶⁶ Сметанин В. А. Византийское общество XIII–XV вв. по данным эпистографии. Свердловск, 1987. С. 215–216.

¹⁶⁷ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 16, 7–14.

¹⁶⁸ Мистра, столица Морейского деспотата, была захвачена в 1460 г., а Трапезунд пал годом позже. См.: Карпов С. П. История Трапезундской империи. Санкт-Петербург, 2007. 430–442; Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 40.

В 1399 г. император Мануил II Палеолог отправился на Запад, чтобы заручиться поддержкой латинян и найти союзников для борьбы с общехристианским врагом¹⁶⁹. Как раз в это время неожиданное спасение пришло со стороны среднеазиатских степей, когда эмир Тимур в битве при Анкаре 1402 г. разбил войско султана Баязида I и взял его в плен. Это нанесло огромный ущерб Османскому государству, внутри династии началась смута (1402–1413), а многие захваченные турками территории были потеряны¹⁷⁰. Именно битва при Анкаре стала поворотным моментом во взаимоотношениях императора Мануила II и османских правителей.

В декабре 1402 г., когда Мануил уже покинул венецианские владения, в Венецию прибыл эмиссар Сулеймана Челеби, сына Баязида I, с просьбой убедить византийского императора как можно скорее возвратиться в Константинополь и заключить с договор с потенциальным претендентом на османский престол¹⁷¹. Помимо Сулеймана на наследие Баязида I претендовали еще трое его сыновей – Иса, Мехмед и Муса¹⁷². Вероятно, по этой причине Сулейман поспешил заключить с византийцами договор, чтобы закрепиться в Анатолии и обеспечить себе надежный тыл в лице византийского императора. Поскольку Мануила II в это время не было в Константинополе, Сулейман заключил договор с его племянником Иоанном VII, который в то время занимал столицу¹⁷³. Однако по прибытии Мануила Сулейман пожелал ратифицировать подписанное с Иоанном соглашение с действующим императором, что и было сделано в 1404 г.¹⁷⁴ По словам

¹⁶⁹ См.: Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403 г.) // ЖМНП. 1912, май. Вып. 39. С. 201–304; Nicol D. M. A Byzantine Emperor in England. Manuel II's Visit to London in 1400–1401 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Vol. 12. P. 204–225.

¹⁷⁰ См.: Alexandrescu-Dersa M. M. La champagne de Timur en Anatolie (1402). London, 1977. P. 68–79; Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 9–39.

¹⁷¹ Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969. P. 223.

¹⁷² Еще один сын Баязида Мустафа пропал без вести после битвы при Анкаре.

¹⁷³ Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. P. 76.

¹⁷⁴ Ibid. P. 77.

историка Дуки, Сулейман обратился к Мануилу со словами: «Я стану тебе сыном, а ты мне – отцом. Пусть отныне не будет меж нами ни плевел, ни ссор. Только провозгласи меня правителем Фракии и прочих земель, доставшихся мне от предков»¹⁷⁵. В данном случае Сулейман, называя себя «сыном» Мануила, использует традиционную формулу взаимодействия анатолийских тюрков с византийским императором, обозначая себя как его подданного¹⁷⁶. Причем для османских правителей это было нехарактерно, поскольку уже эмир Орхан (1324–1362) старался обозначить свое положение как равное василевсу¹⁷⁷. Таким образом, Сулейман, испытывая крайнюю нужду в обретении сильных союзников, пошел на беспрецедентный для османских эмиров шаг, обозначив свое верноподданство императору. Так, несмотря на территориальные потери и военную беспомощность, Византия, очевидно, по-прежнему оставалась важным игроком на международной арене, а авторитет императорской власти среди анатолийских тюрков был по-прежнему высок.

В обмен на поддержку византийского императора Сулейман обещал возвратить Фессалонику, которая с 1387 г. находилась под властью османов, ряд крепостей на черноморском побережье и побережье Мраморного моря¹⁷⁸, некоторые земли в Македонии и на Пелопоннесе, а также передать василевсу в качестве пленников своих малолетних брата и сестру¹⁷⁹. Мануил II, вероятно, понимал, что в данном случае сотрудничество будет более продуктивной формой взаимодействия с турками, нежели открытое

¹⁷⁵ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 111. 17–21.

¹⁷⁶ См.: Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. S. 51–56.

¹⁷⁷ См.: Шукуров Р. М. Василевс и эмир: парадигмы церемониальных отношений (1328–1347 гг.). С. 163–169.

¹⁷⁸ Шукуров Р. М. Последние владения Византии в Анатолии в 1403–1419 гг. // АДСВ. 2013. Вып. 41. С. 279.

¹⁷⁹ Вероятно, в Константинополь отправились младшие дети Баязида Касим и Фатима, которые после воцарения султана Мехмеда I в 1413 г. были отосланы императором в Бурсу в знак дружбы с султаном. См.: Zachariadou E. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles. P. 270. Not. 6; Ducas Historia Turcobyzantina. Ibid. P. 111. 21–25.

противостояние, поэтому принял предложение Сулеймана¹⁸⁰, и Фессалоника вернулась в византийское владение в 1403 г.¹⁸¹ Кроме того, политический союз двух правителей было решено скрепить браком между Сулейманом и племянницей Мануила II¹⁸². Так, Сулейман заручился поддержкой императора, пожертвовав при этом частью захваченных его отцом Баязидом I территорий¹⁸³. Для византийцев же это был дипломатический триумф – императору удалось вернуть некоторые утраченные территории и наладить контакт с потенциальным претендентом на Османский престол.

Сулейман закрепился в Адрианополе (Эдирне), столице Османского государства, в то время как его братья обосновались в Малой Азии – Иса занял Бурсу (Пруса), Мехмед вместе с малолетним Мусой – Анкару¹⁸⁴. Однако уже в мае 1403 г. Иса бежал в Константинополь, а Мехмед обосновался в Бурсе¹⁸⁵. Очевидно, Сулейман предпочел бы видеть в столь важном с географической и политической точки зрения городе дружественного к нему Ису, чтобы ослабить позиции двух других братьев. Борьба за малоазийские территории между Исой и Мехмедом привела к тому, что в 1404 г. Мехмед Челеби потерпел поражение, Иса погиб¹⁸⁶, а Сулейман овладел Бурсой, сконцентрировав в своих руках значительную часть бывшей державы Баязида I¹⁸⁷. Однако политика Сулеймана по установлению союзных отношений с христианами, очевидно, привела к

¹⁸⁰ Согласно Симеону Фессалоникийскому, Сулейман не пожелал возвращать Фессалонику византийцам и всячески противодействовал представителям императора. См.: Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 44. 23–24. Однако, по мнению Дж. Мелвилл-Джонса, Симеон, вероятно, представил в излишне негативном свете обстоятельства, при которых турки покидали город, так как Сулейман действительно отчаянно нуждался в поддержке византийцев. См.: Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek Accounts. P. 95.

¹⁸¹ Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. P. 72–88.

¹⁸² Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden; Boston, 2007. P. 52.

¹⁸³ Pitcher D. E. An Historical Geography of the Ottoman Empire from Earliest Times to the End of the Sixteenth Century. Leiden, 1972. P. 58.

¹⁸⁴ См.: Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid. P. 50–51.

¹⁸⁵ Ibid. P. 79.

¹⁸⁶ Возможно, от рук Сулеймана, который опасался чрезмерного усиления любого из братьев. См.: Zachariadou E. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles. P. 290.

¹⁸⁷ Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid. P. 81.

недовольству анатолийской турецкой знати, которая предпочла поддержать притязания его брата Мусы Челеби¹⁸⁸.

В 1409 г. Муса с войском акынджи вторгся в румелийские владения Сулеймана. Примечательно, что Муса, вероятно, долгое время до этого находившийся в Валахии, был в союзнических отношениях с господарем Валахии Мирчей Старым и даже был женат на его дочери¹⁸⁹. Так, и Мануил II, поддерживающий Сулеймана, и Мирча Старый, приблизивший к себе другого претендента на османский престол, преследовали, в сущности, одну и ту же цель – рассорить между собой наследников Баязида I и ослабить позиции обоих в Румелии и Анатолии. По меткому выражению Д. Кастрициса, оба христианских правителя, находясь «за кулисами» военных действий, наблюдали за раздором в османской династии и использовали османских принцев в своих интересах¹⁹⁰.

Однако в 1411 г. Муса вступил в Адрианополь, после чего Сулейман бежал в Константинополь, но по пути был схвачен турками и убит¹⁹¹. Несмотря на то, что Муса был опечален смертью брата и жестоко наказал жителей деревни, в которой тот был пленен¹⁹², он усмотрел в действиях византийского императора, поддерживающего Сулеймана, угрозу своему авторитету. Собрав совет знати, молодой шехзаде обратился к своим подданным со словами: «О, мужи, друзья отца моего – я не говорю “слуги” – вам хорошо известно о том ужасе, который посеял Тимур в наших азиатских землях, а мой отец попал в его руки словно воробей. И не стало там никакой власти, однако Константинополь и те государи, что правят в нем, собрали скифов, персов и прочие народы, чтобы опустошить наши дома. Когда брат мой Сулейман пришел и завоевал Фракию и другие земли, что имел наш отец, он не только не воздал почести вере наших предков, но и, как говорили,

¹⁸⁸ Ibid. P. 136.

¹⁸⁹ Ibid. P. 141.

¹⁹⁰ Ibid. P. 149.

¹⁹¹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 125. 13–16.

¹⁹² См.: Ibid. P. 125. 17–27.

сам стал наполовину неверным» (καβούρ)¹⁹³. Так, Муса негативно отреагировал на договоренность между своим братом и византийским императором, считая, что Сулейман таким образом предал мусульманскую веру, воспользовавшись помощью христианского правителя. Интересно, что Дука словами Мусы называет Сулеймана «неверным», используя термин καβούρ¹⁹⁴, а не традиционное для греков ἄσεβεῖς, желая, очевидно, подчеркнуть взаимное религиозное неприятие турок и византийцев.

Упрекая Сулеймана в потворстве интересам греков и предательстве веры, Муса использовал этот аргумент, чтобы получить поддержку знати для ведения войны против византийцев и отвоевания захваченных ранее территорий, в частности, Фессалоники: «Бог покинул его (Сулеймана. – *Н. Ж.*) и вложил в мою руку меч Пророка, чтобы разрубить надвое неверных и восстановить величие веры. По этой причине Константинополь не должен обладать столь обширными землями. Города Македонии, в особенности же Фессалоника, которой мой отец завладел с таким трудом, чьи нечестивые алтари он превратил в святые храмы Бога и Пророка, не должна была быть возвращена [ромеям]. Если будет на то воля Господня, я возьму эту мать городов <...> и храмы внутри нее освящу, как и положено домам молитвы Богу и Пророку»¹⁹⁵.

В том же 1411 г. Муса осадил Фессалонику и двинулся к Константинополю, встречая на своем пути лишь пустые деревни, поскольку, как сообщает Дука, «император Мануил переселил всех людей в Город»¹⁹⁶. Турки безуспешно осаждали византийскую столицу, «теряя троих на каждого убитого ромея»¹⁹⁷. Однако даже то обстоятельство, что потери греков были

¹⁹³ Ibid. P. 125. 30–35; 127. 1–3.

¹⁹⁴ Очевидно, производное от «кафир» (перс.) или «гяур» (тур.), т.е. неверный, не исповедующий ислам. О других случаях употребления этого термина в византийских источниках см.: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Leiden, 1983. Bd. II. S.22, 149.

¹⁹⁵ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 127. 3–12.

¹⁹⁶ Ibid. P. 127. 24–25.

¹⁹⁷ Ibid. P. 127. 29–30.

не значительны, по словам автора, не доставило радости императору, поскольку «ромеи были малы числом, и он берег их как зеницу ока»¹⁹⁸.

Оказавшись фактически в безвыходном положении, Мануил принял решение обратиться за помощью к другому претенденту на османский престол – Мехмеду Челеби, который в то время управлял анатолийскими владениями османов в Бурсе. Отправив туда послов, император призывал Мехмеда прибыть в Константинополь и выступить против Мусы. В случае успеха Мануил обещал ему: «Ты станешь правителем и будешь мне как сын»¹⁹⁹. Таким образом, Мануилу вновь удалось обеспечить себе поддержку мощного военно-политического союзника, сыграв на династических амбициях молодого наследника османского престола.

Однако первые столкновения с Мусой не принесли успеха для византийско-турецкой коалиции Мануила и Мехмеда. Последний, по словам Дуки, был этим весьма опечален, но «император успокоил его дух мудрыми и благоразумными словами»²⁰⁰, на что Мехмед отвечал: «О, святой отец, <...> ты не предал меня и не передал моим врагам, хотя и был свидетелем того, какова моя удача, видел мои взлеты и падения. <...> Прикажи мне двинуть мои войска на Адрианополь и дай мне лишь добрые пожелания – как отец сыну, коим я и являюсь»²⁰¹. Мануил же в ответ, по словам Дуки, «обнял и поцеловал его, а затем устроил великолепный пир, и двое мужчин провели вместе славный и приятный вечер. На заре Мехмед покинул Город»²⁰². Так, между Мануилом и Мехмедом, вероятно, сложились теплые отношения, основанные на взаимопомощи в борьбе с Мусой и личной приязни между правителями. Таким образом, как и Сулейман в свое время, Мехмед признал свое «сыновье» подчинение Мануилу и обозначил свое подданство византийскому императору.

¹⁹⁸ Ibid. P. 127. 30–33.

¹⁹⁹ Ibid. P. 129. 21–22.

²⁰⁰ Ibid. P. 131. 1–2.

²⁰¹ Ibid. P. 131. 8–14.

²⁰² Ibid. P. 131. 14–16.

После того как в 1413 г. Мехмед Челеби нанес поражение Мусе и вошел в Адрианополь, объединив под своей властью анатолийские и румелийские владения османов, он объявил себя султаном Мехмедом I. Мануил отправил в столицу Османского государства послов с просьбой вернуть Византии обещанные Мехмедом крепости в Фессалии и на побережье Черного и Мраморного морей²⁰³. Согласно Дуке, Мехмед тепло приветствовал императорских посланцев, подтвердил договоренность священной клятвой и соответствующим документом и, нагрузив богатыми дарами, отправил обратно в Константинополь со словами: «Езжайте и передайте отцу моему, василевсу ромеев, что с Божьей помощью и помощью отца моего и государя я возвратил себе наследные владения. Отныне я буду послушен ему, как и положено сыну по отношению к отцу: я не буду неблагодарным и буду вечно признателен. Передайте ему, что чего бы он ни пожелал, я всегда выполню это с превеликой радостью»²⁰⁴.

В интерпретации Дуки, вмешательство Мануила II во внутридинастические распри османов после смерти Баязида I сыграло решающую роль в исходе этого затяжного конфликта. Умело играя на амбициях претендентов на османский престол и используя свой политический и дипломатический опыт, василевс сумел вернуть некоторые византийские территории и заручиться поддержкой новоиспеченного правителя Османского государства.

Мануил, очевидно, желал сохранить дружеские отношения с новым султаном: он отправил брата и сестру²⁰⁵ Мехмеда, которые были переданы императору Сулейманом в качестве заложников, в Бурсу. Однако другой младший сын Баязида Иса²⁰⁶, который жил в Константинополе, слишком

²⁰³ Ibid. P. 133. 7–12.

²⁰⁴ Ibid. P. 133. 13–18.

²⁰⁵ Упомянутые ранее Касим и Фатима.

²⁰⁶ Дука и Халкокондил (см.: Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 292. 12) именуют юношу Исой, однако Сфрандзи называет его Юсуфом и сообщает, что при крещении шехзаде принял имя Димитрий. По мнению Э. Захариаду, свидетельство Сфрандзи вызывает больше доверия, поскольку писатель, часто находившийся при

увлекся греческой культурой и ученостью, что беспокоило императора. Этому посвящен любопытный фрагмент в сочинении Дуки.

По словам автора, молодой мусульманин обучался вместе с наследником византийского престола Иоанном (будущим Иоанном VIII) и посвящал немало времени интеллектуальным занятиям. Это привело к неожиданному повороту: однажды «он пришел к василевсу Мануилу и обратился к нему с просьбой крестить его в соответствии с христианским законом. Ежедневно он говорил императору, что является христианином, а вовсе не верующим в догматы Мухаммеда. Василевс не желал даже слушать, поскольку это могло стать причиной скандала»²⁰⁷. Вероятно, Мануил опасался, что султан Мехмед I, узнав об этом, непременно бы разгневался, что могло навредить их союзу. Но истинная причина недовольства императора заключалась, очевидно, в том, что Иса, будучи потенциальным претендентом на османский престол, приняв христианство, навсегда бы потерял право его занять, что выбивало из рук Мануила II выгодный козырь, поскольку Иса при определенных обстоятельствах мог стать удобным для византийцев правителем османов, воспитанным при константинопольском дворе.

Юноша, однако, не желал отступить и обратился с подобной просьбой к Иоанну, который в то время уже был соправителем отца: «О, василевс ромеев, мой господин и отец, мой конец близок. Вопреки моему желанию я должен отринуть все, что было ранее, и отправиться на Суд Божий. Я признаю себя христианином и обвиняю тебя в том, что ты не даровал мне истинной веры и печати Духа Святого. Знай же, что если я умру некрещенным, я обвиню тебя перед Небесным престолом всемилостивого Господа»²⁰⁸. Растроганный таким горячим воззванием, Иоанн немедленно

императорском дворе, мог точно знать имя османского принца. См.: Zachariadou E. Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles. P. 269–270. Not. 6; Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 6. 9–10.

²⁰⁷ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 133. 13–18.

²⁰⁸ Ibid. P. 135. 15–20.

приказал крестить юношу. В отличие от своего отца, Иоанн, очевидно, не обладал той дальновидностью и политическим опытом, которые были присущи Мануилу II, и в данном случае пренебрег тонким политическим расчетом императора. Возможно, однако, что на решение Иоанна повлияла упомянутая болезнь Исы, которая не оставляла тому шансов выжить.

Однако брешь в отношениях Мануила II и Мехмеда I появилась из-за другого сына Баязида – Мустафы²⁰⁹. По сообщению Сфрандзи, осенью 1416 г. «отправился в Морею василевс кир Иоанн (Иоанн VIII Палеолог. – *Н. Ж.*); и тогда же, проезжая через Фессалонику, он взял Мустафу, мнимого сына Баязида, преследуемого его якобы братом Мехмедом, и отправил на Лемнос, а затем в Мистру»²¹⁰.

Дука более подробно останавливается на этом сюжете, отмечая, что Мехмед и Мустафа встретились у стен Фессалоники, где последний укрылся, потерпев поражение от брата. Димитрий Леонтарис²¹¹, будучи представителем императора в Фессалонике, тепло принял Мустафу, чем вызвал гнев Мехмеда. Султан обратился к Леонтарису со следующими словами: «Ты хорошо знаешь о согласии и неразрывной дружбе, что объединяет нас с василевсом ромеев. Не пытайся же разорвать ее в клочья и, в конце концов, разрушить ее, ибо это принесет вред всему ромейскому народу»²¹². Так, в интерпретации Дуки, султан, во-первых, не желал порывать отношений с императором, а во-вторых, вероятно, понимал, что Мануил II может рассматривать Мустафу как вероятного претендента на османский престол и желал этому воспрепятствовать, убеждая василевса в своих добрых чувствах и готовности к диалогу.

²⁰⁹ Мустафа был одним из сыновей султана Баязида I, пропавшим после битвы при Анкаре. Исследователи полагают, что во внутридинастических распрях участвовал самозванец, а настоящий шехзаде попал в плен к эмиру Тимуру после поражения турок у Анкары в 1402 г. и его дальнейшая судьба неизвестна. См.: Kastritsis D. J. *The Sons of Bayezid*. P. 2–3; Necipoğlu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins*. P. 34–35.

²¹⁰ Georgii Sphrantzae *Chronicon*. P. 10. 13–17.

²¹¹ См.: *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Fasz. 6. № 14676.

²¹² *Ducæ Historia Turcobyzantina*. P. 157. 18–25.

Пытаясь унять негодование султана, Леонтарис отметил: «Как ты знаешь, мой господин, я не правитель, но лишь слуга – не только василевса ромеев, но и твой, так как ты клялся быть ему сыном. <...> Это мой долг – сначала сообщить василевсу об этих событиях»²¹³. Леонтарис, таким образом, напомнил Мехмеду о том, что тот заверял императора в своем верноподданстве. В то же время представитель василевса, очевидно, полагал, что у императора может быть определенный политический расчет в отношении Мустафы – и не ошибся.

Согласно Дуке, Мануил заверил Мехмеда, что не позволит пленному Мустафе покинуть Фессалонику без его ведома и будет держать его в тюрьме, покуда Мехмед не решит, что с ним делать²¹⁴. Однако Леонтарис получил совсем другие инструкции: «После прочтения моих приказов немедленно уничтожь их. Размести Мустафу и его последователей на триреме и после отправь к нам. Но делай только то, что я приказал тебе»²¹⁵. По свидетельству Халкокондила, пленного Мустафу отправили на Пелопоннес в Монемвасию, откуда потом перевезли на Лемнос, затем на Имврос, после чего он вновь возвратился в Монемвасию, где находился до самой смерти султана Мехмеда I в 1421 г.²¹⁶ Очевидно, император рассчитывал в перспективе использовать Мустафу как инструмент внутридинастической борьбы в Османском государстве, поэтому не мог допустить смерти потенциального наследника османского престола – несомненно, именно эта участь ожидала Мустафу, если бы он оказался в руках Мехмеда I.

Таким образом, дружеские отношения между Мехмедом I и Мануилом II оставались таковыми только до тех пор, пока один не мешал другому в достижении политических целей. В случае с Мустафой, Мехмед планировал избавиться от мятежного родственника, в то время как Мануил в случае

²¹³ См.: Ibid. P. 157. 26–30.

²¹⁴ См.: Ibid. P. 159. 12–16.

²¹⁵ Ibid. P. 159. 17–10.

²¹⁶ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 336–338. 45.

очередной междоусобицы внутри Османской династии желал иметь «про запас» своего кандидата. Можно проследить эволюцию отношений Мануила II и Мехмеда I: в то время, когда на османский трон претендовал агрессивный и воинственный Муса, император предпочел поддержать более миролюбивого Мехмеда, который и сам был не прочь воспользоваться помощью византийцев и заверял василевса в своей «сыновьей» преданности и готовности быть его подданным. Однако почувствовав угрозу своему авторитету со стороны новоявленного «брата», султан дал Мануилу II понять, что в случае поддержки василевсом Мустафы их союзу придет конец. В свою очередь, Мануил II, наблюдая за ростом могущества османского султана, лишившись иных «своих» претендентов на османский престол, был готов поддержать даже сомнительную кандидатуру Мустафы, чье происхождение вызывало серьезные вопросы у современников, чтобы обрести лояльного византийцам союзника в лице потенциального османского правителя.

Летом 1420 г. султан Мехмед I подошел к Константинополю, чтобы отправиться на Восток для разрешения внутригосударственных вопросов. Император Мануил пожелал встретиться с султаном, однако столкнулся с противодействием со стороны знати и духовенства, которые, по словам Сфрандзи, побуждали василевса пленить османского правителя, так как «заранее тайно узнали от его (султана. – Н. Ж.) людей, что он направляется туда для устройства дел на Востоке, и по возвращении имеет цель и стремление пойти против Города»²¹⁷. Очевидно, Мануил не был заинтересован в эскалации напряженности в отношениях с османами, ответив следующее: «Я не нарушу клятву, которую дал ему, даже если бы убедился, что он собирается захватить нас в плен, когда будет здесь; если же, напротив, он нарушит свои клятвы, остается уповать на Бога, который много сильнее

²¹⁷ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 14. 12–18.

его»²¹⁸. Василевс, вероятно, надеялся, что и Мехмед по старой памяти не решится на открытый конфликт.

Мануил отправил к султану послов с богатыми дарами и заверил его в своей дружбе. В том же году, когда Мехмед возвращался в Адрианополь, император вновь снарядил делегацию послов во главе с Димитрием Леонтарисом, рассчитывая узнать намерения султана в отношении Константинополя и напомнить ему «о любви и почестях, которые ему были оказаны, и о переправе, и о самом посланце, и о дарах, которые он доставлял»²¹⁹. Султан принял Леонтариса «с величайшим почетом и любовью» и своим поведением не вызвал у посланника беспокойства²²⁰. Однако какими бы ни были намерения султана, осуществить ему их не удалось – Мехмед I скончался через несколько дней после этой встречи. Вскоре выяснилось, что Мехмед действительно планировал нападение на Константинополь: «Миновали дни, и вслед за этим раскрылся тайный замысел против Константинополя; и возникло много шума, тревог и мыслей, и святой василевс получил много упреков от тех, кто советовал ему захватить султана»²²¹.

Таким образом, интенсификация политических контактов между Византией и османами в начале XV в. была вызвана гражданской войной между наследниками Баязида I и стремлением того или иного кандидата на султанский престол обрести в лице византийского императора ценного политического союзника. Очевидно, авторитет византийского василевса был достаточно высок, что позволяло Мануилу II ловко лавировать в политических перипетиях сложившейся ситуации. Гибкая политика василевса по поддержке то одного, то другого шехзаде была направлена на ослабление османского двора, и император стремился использовать все

²¹⁸ Ibid. P. 14. 18–22.

²¹⁹ Ibid. P. 16. 18–24.

²²⁰ Ibid.

²²¹ Ibid. P. 18. 7–10.

возможные методы, чтобы в итоге на османском престоле оказался наиболее удобный и лояльный византийцам кандидат.

Византийцы понимали, что возобновление турецкой агрессии было лишь вопросом времени, однако политический курс императора был направлен на умиротворение османских султанов и дипломатическое урегулирование назревающих конфликтов. Поддерживая во внутридинастической борьбе потенциальных претендентов на османский престол, Мануил II надеялся в будущем обеспечить себе союзника в лице османского правителя, однако зачастую вмешательство в турецкие дела лишь обостряло отношения между византийцами и османами.

2.2. Осада Константинополя 1422 г. в восприятии византийцев

В 1421 г. внутри османской династии разразился кризис, вызванный притязаниями на трон двух претендентов, родственников покойного султана Мехмеда I – его сына Мурада и брата Мустафы, происхождение которого было под вопросом. Византийцы, желая обрести ценного союзника в лице будущего правителя Османского государства, сделали ставку на Мустафу, который, однако, потерпел поражение от своего племянника. Император Мануил II Палеолог считал, что необходимо поддержать того претендента, который завладеет «казной и янычарами»²²², однако Иоанн VIII, будучи соправителем престарелого отца, к тому времени управлял страной фактически единолично и не внял советам василевса, на что тот, согласно Сфрандзи, отвечал: «Как хочешь, так и поступай, ибо я, сын мой, стар и слаб и близок к смерти, а царство и его дела я передал тебе, и ты делай, как хочешь»²²³. Молодой император оказал поддержку Мустафе, который, по словам Дуки, «должен был стать следующим правителем при поддержке

²²² Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 368. 3.

²²³ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 18. 4–6.

ромеев»²²⁴, чем навлек на себя гнев Мурада. Так, Мануил II предлагал избрать выжидательную позицию, чтобы понять, какой из претендентов на османский престол будет более успешен, в то время как Иоанн VIII сделал ставку на Мустафу, которому некогда уже была оказана поддержка византийцев.

Вмешательство византийцев в турецкие дела привело к тому, что в июне 1422 г. турецкая армия под предводительством Михал-бея подошла к Константинополю и осадила столицу. Выстроить хронологию осады довольно просто, так как большинство писателей, повествующих о ней, практически единодушны в том, что 6²²⁵ или 8 июня турецкие войска подошли к городу, 22²²⁶ или 24 августа начался штурм, а 6 сентября турки отступили²²⁷. В данном случае вернее всего будет опереться на сведения Иоанна Канана, обстоятельно и последовательно изложившего рассказ о ходе осады, решающем штурме и поражении турецких войск. Именно его сочинение «Рассказ о войне, случившейся в Константинополе 6930 г., когда Амурат-бей с сильным войском напал на город и почти было овладел им, но Пресвятая Матерь Божия сохранила его»²²⁸ станет главным источником по исследованию восприятия греками такого резонансного события, как осада византийской столицы в 1422 г.

Вероятно, императоры Мануил II и Иоанн VIII еще надеялись на мирное разрешение вопроса. Для переговоров с султаном²²⁹ был направлен Теолог

²²⁴ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 231. 2–3.

²²⁵ См.: Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 22. 1–9.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Подробнее о датировке см.: Куц Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект. С. 263.

²²⁸ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli.

²²⁹ Сфрандзи также сообщает о византийских послых, которых Мурад пленил и затем привез с собой к стенам города. Вероятно, о тех же самых людях говорит и Канан, отмечая, что Мурад «держал в железных оковах посланников императора, которых тот отправил обсудить мир и дружбу. Как жестокий и бесчеловечный варвар он приговорил их к оковам и заключению и грозил смертью этим невинным людям, словно они были виновны». См.: Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 22. 1–6; Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 60–61. 190–195; Куц Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект. С. 3.

Коракс²³⁰, который, по словам Дуки, «был сведущ в тюркском языке и мог изъясняться на нем»²³¹. Этот персонаж интересен тем, что он, будучи уроженцем Филадельфии, некоторое время находился в плену у татар, где, возможно, и освоил язык, затем перебрался в Константинополь²³².

По сообщению Дуки, Коракс имел дурную славу среди горожан, поскольку был дружен с некоторыми турецкими чиновниками²³³. Жители столицы считали, что во время переговоров он пообещал Мураду II передать Константинополь в его руки, если тот впоследствии «даст священную клятву сделать его господином и правителем Города»²³⁴. Прослышав об этом, критяне, которые стояли на охране имперских врат, возмущенно обратились к императору Мануилу со словами: «О василевс, как несправедливо, что мы предпочли пролить свою кровь за город, не являющийся нам родным, в то время как местные жители обратились в изменников»²³⁵. Именно они стали инициаторами наказания, которому Коракс подвергся после короткого расследования: он был ослеплен, после чего скорпостижно скончался в тюрьме²³⁶.

Мурад был крайне недоволен таким поворотом событий. Вскоре он узнал, что ответственным за смерть Коракса был Михаил Пилл, который выдал византийцам неудачливого перебежчика. Пилл родился в Эфесе и служил писцом при дворе византийского императора. Он владел греческой и арабской грамотой и, по словам Дуки, через некоторое время попал в услужение к турецкому султану, который не забыл об этом инциденте и жестоко наказал доносчика: после длительных пыток Пилл был обрезан и

²³⁰ Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. P. 361–363; Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 142–144.

²³¹ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 229. 19–21.

²³² Случай, когда в качестве переводчика для переговоров с турками приглашали грека, владеющего языком, далеко не единичен, что говорит о том, что к тому времени определенный процент византийцев по тем или иным причинам занимался изучением тюркского языка. См.: Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире. С. 486–492.

²³³ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 231. 17–20.

²³⁴ Ibid. P. 231. 27–28.

²³⁵ Ibid. P. 233. 15–18.

²³⁶ Ibid. P. 233. 28–30.

обращен в ислам²³⁷. Очевидно, Дука воспринимает обращение в ислам как наказание, поскольку всячески приукрашивает страдания, которые Пиллу пришлось перенести при этом.

Исходя из вышесказанного, можно сделать несколько умозаключений: во-первых, только в одном этом фрагменте упоминаются два грека, владеющих тюркским и арабским языком, что говорит о том, что изучение этих языков не было таким уж редким явлением среди византийцев. Во-вторых, турки, очевидно, старались активно контактировать с греческим населением, предлагая различные привилегии в обмен на информацию или содействие. В-третьих, интересна реакция местного населения: внутри городских стен царил атмосфера подозрительности и недоверия, усугублявшая недовольство фактическим бездействием императора.

Эти настроения подпитывались тяжелым экономическим положением осажденного города. Из сведений Канана можно заключить, что окрестности столицы подверглись тотальному разорению. Турки «опустошили окрестности, разграбили их и пленили жителей <...>, с женщинами они вели себя непристойно и развратно, а мальчиков обрезали во имя Мухаммеда; угоняли и убивали всякую тягловую и нетягловую скотину»²³⁸.

Автор красочно описывает экономическое состояние предместий, испытавших на себе основной натиск турецкой армии: «Словно уничтожающее яркое пламя, они предавали огню все, превращая это в пепел, вырубали под самый корень плодоносные ветви и каждое фруктовое дерево, даже виноградные лозы, навлекая на нас разного рода страдания и разорение»²³⁹.

Кроме того, 20 июня к стенам города приблизилась еще одна армия под руководством самого Мурада, «словно град с небес, губительная напасть, накрыв тенью каждую частицу земли, некогда принадлежавшей ромеям»²⁴⁰.

²³⁷ Ibid. P. 235. 6–18.

²³⁸ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 54. 37–40.

²³⁹ Ibid. P. 55. 56–60.

²⁴⁰ Ibid. P. 55. 55–56.

Мурад II разослал глашатаев во все свои владения, призывая турок поучаствовать в походе на византийскую столицу, в результате чего к стенам города стекался «народ из каждой мусульманской земли, всякого рода и племени – не только опытные воины, но и те, кто такого опыта не имели: торговцы, менялы, продавцы мазей, сапожники и даже турецкие священники. Все они собрались по соответствующим причинам: солдаты – для грабежа, торговцы – для продажи награбленного, точнее пленников, кому-то нужны были женщины, кому-то мужчины, кто-то желал [захватить] мальчиков, кто-то – скот, а кто-то хотел получить домашнюю утварь. Турецкие же священники считали наших монахинь подарком и трофеем, проявлением щедрости турецкого деспота»²⁴¹.

Очевидно, византийцы к этому времени были уже хорошо знакомы с захватнической практикой турок и знали, чего ожидать от завоевателей. Из данного фрагмента также следует, что автор старался использовать в своем сочинении лексику, понятную его соотечественникам. Действительно, язык произведения отличается от традиционного литературного. Он близок скорее к разговорному языку византийцев, полон итальянских и турецких заимствований²⁴². Турецкого султана Канан именует деспотом турок (δεσπότης τῶν Τούρκων), а служителей мусульманского культа – турецкими священниками (Τουρκοκαλογέροι)²⁴³.

В этом смысле показательно также то, что Канан называет прибывшего к стенам Константинополя некоего Мирсаиту²⁴⁴ «патриархом турок» (πατριάρχης τῶν Τούρκων)²⁴⁵, желая указать на его религиозное главенство среди мусульман. По свидетельству Канана, это был «весьма почитаемый

²⁴¹ Ibid. P. 59–60. 163–178.

²⁴² Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 251; Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose. P. 289–319. P. 310.

²⁴³ Куш Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. С. 109.

²⁴⁴ Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. II. P. 189. Версии о том, кем может быть эта загадочная фигура, см. в: Christian-Muslim Relation: a Bibliographical History. P. 343.

²⁴⁵ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 62. 227.

мусульманин, считавшийся потомком Мухаммеда <...> Этот человек был настолько важным и уважаемым, что когда он похитил девственную дочь эмира и правителя турок вопреки желанию ее отца, соблазнил и взял ее силой, заточил в своей опочивальне у его ложа, никто не позволял себе острословить по этому поводу или говорить что-либо против»²⁴⁶.

Канан называет Мирсаиту «лжепророком»²⁴⁷ и высмеивает турок за почитание столь, на его взгляд, недостойного человека: «Он прибыл на муле в сопровождении пятисот монахов²⁴⁸, вел себя надменно и горделиво, и толпы мусульман всякого турецкого племени в безумном исступлении бросились к нему так, словно бы узрели ангела, спустившегося с небес, целовали ноги и руки его, а также поводья и копыта мула, на котором он ехал. Точно так же и деспот турок раболепно склонился перед ним»²⁴⁹.

Именно Мирсаита, по сведениям Канана, должен был предсказать точное время для нападения на город, для чего «отправился в свой войлочный шатер, начал читать книги Мухаммеда и исполнять Рамплию (τὰ Ῥάμπλια)²⁵⁰. Он делал все это с притворством, как актер, а турки, обманутые этим, распростерлись перед ним и считали его пророком»²⁵¹. Обращает на себя внимание знание Кананом тонкостей мусульманской религиозной практики и подробностей из жизни мусульманского «патриарха». Вероятно, состояние осады не исключало контактов между турками и горожанами, поэтому жители осажденного города могли получать сведения о жизни турок от них самих.

Канан предоставляет богатый фактологический материал о ходе осады – ничего подобного в других источниках мы не встречаем. Так, он пишет, что

²⁴⁶ Ibid. P. 61. 199–209.

²⁴⁷ Ibid. P. 62. 225.

²⁴⁸ Дервиши.

²⁴⁹ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 62. 230–235.

²⁵⁰ Вероятно, имеется в виду мусульманский обряд гадания на песке, с помощью которого Мирсаита собирался предсказать подходящую дату нападения на Константинополь. См.: Mavroudi M. Islamic Divination in the Context of Its «Eastern» and «Western» Counterparts // *Falnama: The Book of Omens* / ed. by M. Farhad with S. Bağcı. Washington, 2009. P. 228.

²⁵¹ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 63. 249–265.

турки построили вокруг стен города земляной вал на расстоянии полета стрелы от городских укреплений и могли без вреда для себя обстреливать артиллерией город, что, однако, не принесло существенного результата, поскольку стенам Константинополя эти атаки не нанесли ощутимого ущерба²⁵². Эти данные показывают, что город в то время был хорошо укреплен и был способен сопротивляться турецкому натиску.

Интересны сведения автора о подготовке турецких войск к штурму. Согласно Канану, турки «построили множество деревянных осадных башен на колесах – таких же высоких, как и башни города, а то и выше их. Было у них также множество быков и волов, чтобы подтащить эти башни ко рву [вокруг города] – посредством их они намеревались совершить нападение на внешние укрепления и уничтожить их»²⁵³. Также автор сообщает, что султан привез с собой «огромное количество самых поразительных изобретений и разрушительных военных приспособлений, которыми собирался снести часть городской стены, захватив наш город, поработив ромеев и поправ имя Христово»²⁵⁴.

Очевидно, что турки в техническом плане были блестяще подготовлены к осаде города, что оказывало определенное психологическое воздействие на жителей Константинополя: «они изготовили чудовищные машины и построили огромные деревянные бастионы с окованными железом колесами, так что те, кто видел это и не знал, что в действительности они малоэффективны, были в ужасе от их (турок. – *Н. Ж.*) смекалки»²⁵⁵.

Также горожан страшила храбрость и самоотверженность врага. Канан отдает должное рвению, с которым турки приступили к штурму города: «Когда ромеи узрели осадные орудия турок, увидели их разрастающуюся армию, состоящую из представителей разных народов, коим не было числа, стали свидетелями рвения татар и отваги мусульман, когда накануне турки

²⁵² См.: Ibid. P. 56–57. 85–111.

²⁵³ Ibid. P. 58. 123–126.

²⁵⁴ Ibid. P. 56. 67–71.

²⁵⁵ Ibid. P. 58. 130–136.

убили несколько ромеев во рву перед воротами, они были очень напуганы и помышляли о бегстве»²⁵⁶.

Канан соотносит агрессивную самоуверенность турок с их численным превосходством и тяжелой болезнью императора Мануила II. Их яростный порыв вселил в сердца греков ужас: «О, этот горький час, нестерпимое горе, момент глубочайшего отчаяния! Кто из нас не трепетал от страха в тот день? Кто не содрогался, когда мы увидели ромеев столь малодушными, а турок столь храбрыми?»²⁵⁷. Эти слова автора свидетельствуют о том, что в городе царило уныние и безразличие, жители не находили в себе силы организовать оборону.

Малодушие греков автор объясняет отсутствием помощи извне и побудительных мотивов, способных заставить ромеев сражаться, поскольку император был болен и не мог возглавить оборону: «В час великих страданий с нами не было никого, кто мог бы помочь нам или подтолкнуть нас к борьбе. Один из императоров (Мануил II. – *Н. Ж.*) был немощен в силу возраста и слабого здоровья и не мог взять в руки оружие или сесть на лошадь, но лишь находился во дворце, по мере сил предпринимая какие-то действия»²⁵⁸. О неспособности василевса справиться с ситуацией писал также архиепископ осажденной в 1422 г. Фессалоники Симеон: он сообщал о беспорядках как внутри, так и за стенами города, а также о крайней нужде, в которой находились жители столицы²⁵⁹. Исходя из рассуждений архиепископа, жители Фессалоники понимали, что Константинополь находится в трудном положении, и император не может предоставить военную или экономическую помощь второму городу Византии.

Мануил, однако, по сообщению Дуки, вел переговоры с представителями малолетнего Мустафы, другого претендента на османский

²⁵⁶ Ibid. P. 66. 330–337.

²⁵⁷ Ibid. P. 66. 337–342.

²⁵⁸ Ibid. P. 67. 355–363.

²⁵⁹ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 56. 27–33.

престол, который в то время находился в Пафлагонии²⁶⁰. Вскоре Мураду доложили, что мальчик при поддержке византийского императора отправился в Бурсу и был тепло принят местным населением. Именно это обстоятельство, по мнению Дуки, заставило Мурада впоследствии отвести войска от столицы²⁶¹.

Однако никакие дипломатические ухищрения императора не могли повлиять на настроения горожан. Турки, по сведениям Канана, повергали жителей Константинополя в ужас, выкрикивая под стенами города угрозы и издевательства: «Они громко хлопали в ладоши, <...> денно и ночью они точили свои языки о нас, словно обоюдоострый меч, и в их диких и жестоких голосах звучало бесстыдство и высокомерие: они не только посылали самые гнусные проклятия в адрес наших патриархов и императоров, но также поносили нашу веру, нагло оскорбляя нас и богохульствуя: “Где этот ваш Бог, жалкие ромеи? Где ваш Христос? Где те святые, что должны защищать вас? Завтра мы завладеем вашим городом, сделаем вас нашими пленниками и рабами, мы обесчестим ваших жен и ваших детей перед вашими глазами и отдадим ваших монахинь турецким священникам”»²⁶². Очевидно, что автор, якобы передавая слова турецких воинов, тем самым выражает реальные страхи жителей столицы перед ужасами завоевания²⁶³, которые вот-вот могли осуществиться: в назначенный Мирсаитой день огромная, блестяще подготовленная турецкая армия начала штурм города, не встречая серьезного сопротивления из-за охватившей греков паники, «ибо кто не дрогнул от страха в тот час? Кто не ужаснулся от такого вида? Какое ухо могло выдержать этот звук? Какой глаз мог вынести это зрелище?»²⁶⁴.

²⁶⁰ Bartusis M. C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. P. 117; Куц Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект. С. 266.

²⁶¹ См.: *Ducae Historia Turcobyzantina*. P. 235. 19–32; 237. 1–6.

²⁶² Giovanni Cananos. *L'assedo di Constantinopoli*. P. 64. 268–278.

²⁶³ Куц Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. С. 111.

²⁶⁴ См.: Giovanni Cananos. *L'assedo di Constantinopoli*. P. 68–69. 388–400.

Султан основательно подготовился к осаде города, а также отправил специальные отряды на поиски водопроводов, «которые с древних времен доставляли воду в городские цистерны, чтобы, обнаружив их, под покровом ночи никем не замеченными проникнуть в город»²⁶⁵. По-видимому, туркам были хорошо известны слабые места и особенности фортификационных сооружений византийских городов, что они и использовали при решающем штурме: «Некоторые применяли лестницы, чтобы подняться на укрепления, в то время как другие использовали крюки <...> Некоторые турки пытались пробивать дыры в стенах башни с помощью стволов деревьев, а другие пытались ослабить укрепления, ударяя их брусьями, иные же пытались поджечь ворота внешней крепости; эти неверные действовали отважно и храбро, старались устрасить наших людей»²⁶⁶.

Несмотря на такой серьезный физический и психологический натиск, византийцам в последний момент удалось мобилизовать силы и организовать отпор врагу: греки «заставили себя действовать, побуждая друг друга вести себя по-мужски и быть храбрыми. И те, кто были трусливыми ранее и были готовы бежать, снедаемые страхом, внезапно стали отважными, истинными воинами, храбрыми, не обращающими внимание на удары и ужасные раны и вероятную смерть. И с помощью Панагии они уверились в решимости вложить меч в руку против безбожников»²⁶⁷.

По словам Канана, греки всячески поддерживали друг друга и яростно защищали город, используя любое подручное средство в качестве оружия: «Как пчелы, потревоженные дымом, один подстрекал другого, независимо от занятий и возраста – все были побуждены к действию, и каждый из них сражался любым оружием, которое мог найти, а некоторые и вовсе без него, в то время как остальные сражались мечами и палками. Были и такие, кто и этого не имел, и они привязывали веревки к столам, на которых ели, и к крышкам бочек, чтобы использовать их вместо щитов. Кто-то вступил в

²⁶⁵ Ibid. P. 59. 150–155.

²⁶⁶ Ibid. 69. 405–410.

²⁶⁷ Ibid. P. 64. 415–422.

битву вообще без оружия, но они в одиночку сражались смело и отважно, вооружившись лишь камнями, как если бы они были защищены всеми видами оружия. И они сражались бок о бок, храбро и бесстрашно поддерживали друг друга, говоря: «Да, друзья, братья, соотечественники, давайте сражаться сегодня, первыми бросимся в атаку и примем на себя удар – ради нас самих и ради наших женщин, наших детей и за свободу нашего народа и нашей страны, и за этот великий город и, что самое важное, за истинную христианскую веру»²⁶⁸.

Автор указывает, что даже женщины и духовенство готовы были сражаться, принимая деятельное участие в обороне, воодушевляли защитников и посильно помогали им. Многие женщины, по его словам, «даже получили раны от вражеских стрел <...>, советовали солдатам быть осторожней, не появляться на открытых участках укреплений, ибо там летают турецкие стрелы, но пребывать на других частях стены»²⁶⁹. Деятельное участие женщин можно объяснить тотальной нехваткой боеспособных мужчин.

Сплоченность и слаженность усилий греков во время финального штурма повергла турок в ужас: «Неустранимость самых мужественных и самых благородных ромеев сделала турок трусливыми и изменчивыми»²⁷⁰. В результате кровопролитных боев турки отступили под натиском защитников города, «обнаружив, что усилия их тщетны, и они терпят постыдное поражение»²⁷¹. Потери греков были незначительны, как утверждает автор: не более 30 убитых и сотня раненых, в то время как со стороны турок погибло и было ранено около тысячи человек²⁷². Так, прежде самоуверенные и отважные турки в страхе отступили, впечатленные самоотверженностью греков. Для Канана было важно подчеркнуть храбрость и силу врага, на фоне

²⁶⁸ Ibid. P. 70. 428–440.

²⁶⁹ См.: Ibid. P. 71–72. 471–493.

²⁷⁰ Ibid. P. 71. 453–455.

²⁷¹ Ibid. P. 72. 496–500.

²⁷² Ibid. P. 75. 558–561.

которых отчаянный порыв греков выглядел как настоящий героический подвиг²⁷³.

Канан также соотносит эту неожиданную победу с чудесным явлением Богородицы²⁷⁴, которая предстала перед взорами горожан и турок на стенах города, одетая в фиолетовые одежды, о чем, по словам Канана, свидетельствовали и сами турки²⁷⁵. Указание на это интересно тем, что может трактоваться как своеобразный христианский ответ мусульманским завоевателям – появление святой покровительницы Константинополя обратило турок в бегство, ознаменовав собой торжество христианской веры над представителями враждебной религии.

Иными словами, заступничество Богоматери и героический порыв константинопольцев, по мнению автора, заставили турок прервать осаду и в страхе отступить. Однако встает вопрос: действительно ли горожане, снедаемые прежде ужасом от военной мощи и варварской дикости турок, смогли мобилизовать силы для решительного отпора и отбить атаку? Более вероятным кажется тот факт, что султан отозвал войска от стен Константинополя, чтобы предотвратить государственный переворот. Канан же, в свою очередь, описывая реальные или нереальные героические попытки сопротивления захватчикам, указал на то, как должно себя вести византийцам по отношению к врагу. Напоминание об этом должно было, вероятно, отвратить население от различных благ, предлагаемых турками завоеванному населению в обмен на подчинение²⁷⁶.

Сведения Канана и некоторых других византийских авторов позволяют восстановить событийную канву осады Константинополя в 1422 г., особенности ведения турками осадной войны, а также выявить настроения и противоречия внутри городского социума столицы в условиях

²⁷³ Куш Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. С. 114.

²⁷⁴ Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. P. 343.

²⁷⁵ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 74. 537–542.

²⁷⁶ О проблеме конформизма греческого населения см. ниже.

непрекращающейся османской военной агрессии. В то же время автор, описывая чудесные явления и необычайную храбрость защитников города, как кажется, старается убедить читателя в том, что византийцы еще способны противостоять завоевателям.

Огромная турецкая армия под стенами города оказывала на население серьезное психологическое воздействие, выкрикивая проклятия и угрозы и повергая горожан в ужас. Византийцам, хорошо знакомым с осадной практикой мусульман, действительно оставалось лишь надеяться на чудо и уповать на Божественное провидение, поскольку прекрасно подготовленная и оснащенная новейшими орудиями турецкая армия не оставляла городу шансов выдержать длительную осаду.

На наш взгляд, показательно, что Иоанн Канан, называя причины поражения турок, указывает лишь на чудесное заступничество Богородицы и внезапный героический порыв уже отчаявшихся было греков. По всей видимости, иных средств защиты от турок византийцы уже не имели.

2.3. Фессалоника в 1422–1430 гг.: настроения горожан в условиях турецкой осады

Фессалоника была крупнейшим экономическим и политическим центром Византийской империи после Константинополя. Являя собой едва ли не последний оплот сопротивления туркам, город был желаемой целью османских султанов. Согласно одной турецкой легенде, султану Мураду II (1421–1444, 1446–1451) во сне явился Бог и протянул ему прекрасную благоухающую розу. Султан был поражен красотой цветка и умолял Бога о праве владеть им, на что Бог ответил ему: «Эта роза, Мурад, есть Фессалоника. Знай же, что Небесами тебе предопределено наслаждаться ею. Так что не теряй времени, иди же и возьми ее»²⁷⁷.

²⁷⁷ Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki. P. 73.

Однако впервые турки появились под стенами Фессалоники еще в 1382 г., а в 1387 г. после длительной осады город был захвачен османскими войсками. Лишь в 1403 г. Фессалоника была возвращена византийцам после турецкого поражения от Тимура²⁷⁸. Затем, в 1412 и 1414 гг., город подвергся новым атакам со стороны представителей Османской династии, которые, однако, оказались безуспешными²⁷⁹. Последняя осада Фессалоники 1422–1430 гг. завершилась окончательным подчинением города османам²⁸⁰. К тому времени Фессалоника уже 7 лет находилась во власти венецианцев, которые получили город согласно договоренности с греческим правительством в 1423 г.²⁸¹

Сведения о судьбе Фессалоники в период с 1422 по 1430 гг. содержатся, главным образом, в сочинениях Иоанна Анагноста «Повесть об окончательном завоевании Фессалоники»²⁸² и Симеона Фессалоникийского «Слово о великомученике Димитрии»²⁸³, который был архиепископом города в 1417–1429 гг. Сведения Анагноста и Симеона иллюстративны и полны подробностей, не встречающихся ни в каких других источниках, тем более что оба писателя были свидетелями описываемых событий и находились в городе в указанный период. Произведение Анагноста по форме изложения схоже с сочинением Иоанна Канана и написано более простым языком, нежели полный эвфемизмов и традиционных литературных формул труд Симеона.

Оба сочинения ценны богатым фактологическим материалом, позволяющим оценить степень важности Фессалоники как второго политического и экономического центра империи, а также выявить настроения, царившие в городе в период турецкой осады. Фокус нашего

²⁷⁸ Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. P. 72–88.

²⁷⁹ Dimitriades V. Byzantine and Ottoman Thessaloniki. P. 266–267.

²⁸⁰ См.: Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica. S. 53–61; Vryonis S. The Ottoman Conquest of Thessaloniki in 1430 // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society. Birmingham, 1986. P. 281–321.

²⁸¹ Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423-1430. P. 125.

²⁸² Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις.

²⁸³ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 39–69.

внимания будет сосредоточен на внутренних противоречиях городского социума Фессалоники, таких как проблема конформизма греческого населения²⁸⁴, антилатинских настроений горожан²⁸⁵ и взаимоотношений населения с местной светской и духовной властью.

В произведении Симеона красной нитью проходит мысль о греках–предателях, готовых по разным причинам перейти на сторону турок. Стоит отдельно сказать об истоках этого явления, которые берут свое начало еще в XIV в. Симеон был не единственным из византийских интеллектуалов, кто был обеспокоен проблемой перехода греков на сторону турок. Еще Мануил II Палеолог в «Надгробной речи», посвященной памяти его брата Феодора, осуждал христиан, которые предали свою веру, родину и императора и переходили в стан врагов.

Мануил был возмущен поведением христиан-перебежчиков, которые занимали сторону турок. Говоря о предателях, Мануил прежде всего имел в виду своего племянника Иоанна VII, упрекая его в сотрудничестве с турецким султаном²⁸⁶. Он считал, что «христиане, которые примкнули к нашим врагам, неверным, явно сумасшедшие, ведут себя даже хуже, чем те, кто лишился рассудка»²⁸⁷. Он также добавлял, что «любому разумному человеку следует чувствовать огромную ненависть к этим людям, потому что они охотно обесчестили свои души, будучи при этом в полном рассудке»²⁸⁸.

²⁸⁴ См. Жигалова Н. Э. Конформизм греков в условиях турецкой экспансии: взгляд поздневизантийских писателей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 116–124.

²⁸⁵ См.: Жигалова Н. Э. Фессалоника под властью венецианцев (1423–1430): антилатинские настроения горожан в условиях турецкой осады // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (1–4 декабря 2015 года). СПб., 2017. С. 43–51.

²⁸⁶ Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-mother on Marriage. P. 98. 698–715.

²⁸⁷ Речь идет о времени, когда султан Баязид I (1389–1402) пришел к власти и начал экспансию на византийские земли. Manuel II Palaeologos. Funeral Oration on His Brother Theodore. P. 129. 7–15.

²⁸⁸ Ibid.

Причины такого поведения христиан-предателей, которые «сами намеренно отдали себя злу, навредив более своим душам, чем телу»²⁸⁹, Мануил, как и Симеон Фессалоникийский, видел в корыстных интересах. По его мнению, «они искали то, что изначально побуждало их присоединиться к врагам нашей веры; я говорю о богатстве и славе, а также о другом, что считается удовольствиями жизни»²⁹⁰.

Предательство греков задевало Мануила не только из-за корыстного характера их побуждений, но также по причине того, «что они должны были жить согласно варварским обычаям и охотно бесчестить свои души незаконными деяниями»²⁹¹. Так, Мануила волновал скорее этический аспект сущности такого предательства.

Эти предатели, по мнению Мануила, и у самих турок вызывали недоверие: «Они стали тот час же презираемы ввиду того, что они не стояли с ними в одном ряду, и, как можно представить, находились в стороне, <...> они были справедливо ненавидимы за их свирепость по отношению к своим собственным людям»²⁹². Продолжая эту мысль, Мануил писал, что в стремлении этих христиан приобщиться к обычаям османов «их постигла неудача в попытке получить одобрение турок, так как они казались излишне готовыми подчиниться их желаниям»²⁹³. Очевидно, что, по мнению Мануила, турки не испытывали особого доверия к ренегатам и не считали их за равных. В такой оценке можно усмотреть элементы морализаторства, поскольку Мануил обличал ренегатство как в высшей степени унижительное и недопустимое явление.

Презрение и недоверие турок понятно Мануилу: по его мнению, «для человека невозможно строго соблюдать то, к чему он примкнул под влиянием минуты, когда он столь легко растаптывает обычаи всей его

²⁸⁹ Ibid. P. 129. 21–24.

²⁹⁰ Ibid. P. 129. 14–18.

²⁹¹ Ibid. P. 129. 19–21.

²⁹² Ibid. P. 131. 5–9.

²⁹³ Ibid. P. 131. 10–13.

жизни»²⁹⁴. По словам Мануила, бегство греков в стан врага стало неизлечимым бедствием²⁹⁵.

Многие греки стремились примкнуть к туркам и в период первой осады Фессалоники османами в 1382–1387 гг. Симеон сообщал, что «некоторые враги проникли в город и стали зазывать народ примкнуть к ним. Они вступили в сговор с командиром и сбили его с толку, что обычно для неверных, и сказали ему, чтобы он остался в городе, и тогда можно будет заключить мир, пока деспот отсутствует; если же нет, то они полностью вырежут весь город»²⁹⁶. Агитация и угрозы, по мнению Симеона, повлияли на переход многих горожан, как простолюдинов, так и знатных господ, на сторону турок.

На протяжении нескольких лет второй по значению город империи с трудом сдерживал турецкую осаду, однако турки сумели им овладеть. По словам Симеона, в отличие от константинопольцев, которые отчаянно сопротивлялись туркам в период осады столицы Баязидом I 1394–1402 гг., жители Фессалоники в 1387 г. сдали город почти без сопротивления, чем заслужили осуждение архиепископа²⁹⁷. Однако доподлинно неизвестно, так ли уж рьяно жители столицы обороняли город, учитывая означенные выше рассуждения Мануила II. Несомненно, Константинополь был лучше укреплен и мог выдерживать длительные осады. Симеон же, вероятно, желал подчеркнуть пассивность фессалоникийцев перед лицом опасности и укорить горожан в недостаточном рвении.

Во время османского владычества в Фессалонике в 1387–1403 гг. турецкое правительство было милостиво по отношению к завоеванным грекам, даровало некоторые привилегии и имущество, позволяло исповедовать христианство и придерживаться привычных обычаев²⁹⁸.

²⁹⁴ Ibid. P. 131. 13–16.

²⁹⁵ Ibid. P. 161. 20–22.

²⁹⁶ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 57. 31–34.

²⁹⁷ Ibid. P. 42. 15–17.

²⁹⁸ Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 86–87.

Неудивительно, что фессалоникийцы, желавшие сохранить свое материальное положение, были готовы добровольно сдаться под власть турок, обещавших спокойную жизнь.

За время турецкого присутствия в Фессалонике выросло целое поколение, и местные жители имели за плечами опыт сосуществования с завоевателями²⁹⁹. Исидор Глава, бывший в то время архиепископом Фессалоники, отмечал, что турецкий султан оказывал разного рода благодеяния горожанам, к которым можно отнести ослабление налогового гнета, временную отмену девширме³⁰⁰, возможность грекам выкупиться из плена, веротерпимость турок и пр.³⁰¹ Исидор в своих воззваниях фессалоникийцам категорично высказывался против подчинения, а тем паче подражания туркам, призывая горожан не прельщаться увещеваниями и посулами неверных и стойко переносить тяготы осады, почитая за счастье «пролить свою кровь за Господа, который пролил за нас свою»³⁰². Тот факт, что Исидор неоднократно в своих сочинениях порицал византийцев, желавших получить деньги или имущество от турок, демонстрирует попытки архиепископа отвратить греков от получения материальных благ, обещанных завоевателями. Ту же цель, вероятно, преследовал Симеон Фессалоникийский, порицая перебежчиков.

По условиям договора, заключенного с турками в 1403 г., Фессалоника была возвращена византийскому правительству, однако в городе не воцарились мир и благоденствие, а внешняя опасность, хоть и отступила на время, периодически напоминала о себе грабительскими набегами турок на македонские земли. Многие горожане, желая сохранить свое материальное положение, по-прежнему находили более предпочтительным подчиниться воле лояльных завоевателей, нежели жить в условиях перманентной

²⁹⁹ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. 2013. С. 322.

³⁰⁰ Набор мальчиков из христианских семей для несения службы султану. Подробнее об этом см. ниже.

³⁰¹ Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica. P. 58.

³⁰² Цит по: Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam. S. 17.

политической и экономической нестабильности, что нашло свое воплощение в последующие годы.

К этому добавлялось также недовольство греков местной администрацией, которая, по их мнению, не предпринимала достаточных усилий для улучшения жизни горожан. Симеон указывал, что в честь освобождения города был устроен праздник, однако подчеркивал, что такая радость была преждевременной, поскольку жители города «своей праздностью и равнодушием, отсутствием должных чувств признательности, нежелания видеть дара, едва он был получен, неспособностью ни делом, ни словом выразить благодарность или проявить покорность деспоту, нашему благодетелю»³⁰³ не заслужили благоволения Господа. Симеон сетовал на падение нравов среди населения, распутство, неумеренность и стяжательство знати. По всей видимости, жители Фессалоники, привыкшие к спокойной жизни под властью турок, не слишком обрадовались перспективе вновь подвергаться страданиям и лишениям, которые бы принесла с собой очередная осада города.

Повествуя о годах последней осады Фессалоники, Симеон был возмущен готовностью верующих обратиться к религии и обычаям завоевателей: «Поскольку змий не может не заразить своим ядом, так и волк не может не трогать овец: многие верующие в городе были уличены в своей приверженности стороне неверных, тем самым погубили они как свою душу, так и тело»³⁰⁴. «Некоторые же, – пишет Симеон, – поработанные своей плотью, бременем налогов и появлением диких и жестоких мытарей, были вынуждены искать себе пристанище в других землях»³⁰⁵. Слова Симеона свидетельствуют о бегстве горожан, отягощенных налоговым гнетом, из атакуемой турецкими войсками Фессалоники. Автор прямо связывал переход фессалоникийцев в ислам с бедственным положением жителей осажденного города.

³⁰³ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 47. 3–4.

³⁰⁴ Ibid P. 43. 8–10.

³⁰⁵ Ibid. P. 43. 13–15.

Многие, по словам автора, «подчинились нечестивцам, заботясь о собственном достатке, <...> поскольку, как уже было сказано, они заботились лишь о своем брюхе, запятнав нас позором. Рабы собственного чрева и страстей, не видящие разницы между священным и мирским, готовые делить свою долю с нечестивцами, с этими детьми Израилевыми, которые ропщут против Господа»³⁰⁶. Так, основной причиной перехода греков на сторону турок и обращения их в ислам, судя по данным архиепископа, являлась тяжелая экономическая ситуация в осажденном городе, вынуждавшая горожан искать способы спасти шаткое материальное положение своих семей. Именно в «корыстолюбии», означавшем на самом деле элементарное желание выжить, архиепископ видел причину падения нравов в городе и неспособность жителей противостоять вражескому натиску.

Завершая характеристику положения дел в Фессалонике в период последней ее осады, Симеон так отозвался о царящих в городе настроениях: «Большинство населения бежало или передало себя в руки неверных, другие уехали в изгнание на острова или в деревни и другие города, некоторые попали в плен и были казнены, иные же остались в городе, кто-то умер от голода, другие же страдали от бедности; и у всех перед глазами стоял ужас перед смертью как изнутри, так и снаружи»³⁰⁷. Очевидно, ситуация в Фессалонике была катастрофической: часть горожан страдала от голода и нищеты, другие в поисках лучшей жизни бежали из города или сдавались под власть турок, надеясь получить спасение от голодной смерти.

Сетую на тяжелое экономическое положение города, падение нравов, склонность знати к излишествам, неспособность властей помочь жителям и постоянные нападения турок, Симеон заключал: «Таков был ход событий, в городе царила путаница и беспорядок, пока враги атаковали нас снаружи и

³⁰⁶ Ibid. P. 63. 4–9.

³⁰⁷ Ibid., P. 59. 13–17.

были в одном шаге от того, чтобы заглотив город, окружая его, словно дикие звери с раскрытыми пастьями, рассчитывая поскорее его захватить»³⁰⁸.

Симеон показал картину царившего в городе хаоса и передал атмосферу ужаса и недоверия. В городе замерла всякая коммерческая деятельность из-за блокады как с суши, так и с моря, а урожай был уничтожен турками³⁰⁹. Автор задавался вопросом, почему жители Фессалоники были готовы предать отечество и перейти на сторону врагов. По его мнению, на такой шаг горожан толкала крайняя нужда, голод, довлеющий страх за собственную жизнь, неуверенность в способности правительства организовать оборону, недостаток веры, потворство собственным интересам, стремление обогатиться и получить выгодные должности. Автор никоим образом не оправдывал такие шаги, однако, красочно описывая бедствия жителей Фессалоники, показывал, что конформизм греков был в какой-то мере закономерным явлением.

Автор также наглядно показал, как с началом последней осады в 1422 г. стремительно поднимался градус неприязни фессалоникийцев в отношении местной администрации и церковных служителей: «Они (жители города. – *Н. Ж.*) возмущались и роптали против властей, даже напали на меня целой толпой, продолжая бунтовать, угрожали сокрушить святыне церкви и нас вместе с ними, если мы не выполним их волю»³¹⁰.

Церковные служители, в том числе и Симеон, в то время были крайне непопулярны в Фессалонике (хотя после его смерти архиепископа будут весьма почитать³¹¹). Об этом свидетельствуют собственные слова Симеона, который заметил, что он «стал объектом насмешек и оскорблений со стороны многих людей. И что же тут еще сказать вдобавок? “Если б не было архиепископа и если б церковь не сохраняла свою организацию, дела общества были бы в мире и порядке”. Я же отвечал им следующее: Что до

³⁰⁸ Ibid., P. 57. 11–14.

³⁰⁹ Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 64–65.

³¹⁰ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 56. 16–17.

³¹¹ Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423-1430: the Greek Accounts. P. 123.

блага общества, то оно заключается в том, чтобы следовать православным доктринам, быть под присмотром Церкви и ее управлением, и прилежно следовать законам истинной веры; если же нет, то лучше уж умереть»³¹². Так, Симеон предстает истовым ревнителем христианства и церковной организации, порицая отступников и противников церкви.

Теме защиты авторитета местного духовенства в сочинении Симеона посвящено немало внимания. По всей видимости, антицерковные настроения широко распространились в среде горожан, и Симеон, восхваляя церковную организацию и прославляя христианских святых, стремился тем самым образумить своих соотечественников и вернуть их уважение и почитание служителей церкви. Однако, как с сожалением отмечал архиепископ, «они не обращали на мои слова никакого внимания, <...> а потому события, которые произошли далее, есть плод зависти и коварства тех, кто думал лишь о своих собственных интересах»³¹³.

По сообщению архиепископа Симеона, народ выражал недовольство властями и лично им, поскольку считал, что никто не прилагал усилий, чтобы облегчить жизнь жителям осажденного города³¹⁴. Более того, население, согласно Симеону, не скрывало своих предательских настроений: «Им не терпелось, как они сами сказали, отдать себя в руки неверных. И это было для меня больнее, нежели десять тысяч смертей»³¹⁵. Архиепископа, стремившегося поднять боевой дух горожан, крайне беспокоило, что умонастроения фессалоникийцев все больше склонялись к мысли о переходе под власть турок. «Не только простой народ, – пишет Симеон, – но и известные люди, хоть и иначе, но желали кормиться как домашние животные»³¹⁶, требовали должностей, одеяний и лошадей, «не взывая при

³¹² Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 58. 4–8.

³¹³ Ibid. P. 58. 26–28.

³¹⁴ Ibid. P. 55. 32–34.

³¹⁵ Ibid. P. 55–56. 34, 1.

³¹⁶ Ibid. P. 56. 3–6.

этом к Создателю»³¹⁷. По мнению Д. Балфура, Симеон принадлежал к тому меньшинству видных горожан, которое не видело перспектив сосуществования с османами и вступало в конфронтацию с соотечественниками, готовыми ради собственных выгод и благополучия приспособиться к власти «неверных»³¹⁸. Однако попытки архиепископа образумить свою паству, предотвратить бегство жителей Фессалоники в стан врага, демонизируя турок и порицая византийцев за отказ от своей веры и обычаев, очевидно, не имели успеха.

Интересно, что историк Дука также сообщал о стремлении жителей Фессалоники выйти из подчинения власти византийского императора. Однако его рассуждения касались пролатинских взглядов горожан.

В то время деспотом Фессалоники был болезненный Андроник³¹⁹, третий сын императора Мануила II Палеолога. По сообщению Дуки, фессалоникийцы отправили нескольких чиновников к венецианцам с предложением взять город под свое крыло³²⁰, «с позволения деспота Андроника или без него»³²¹. Дука, известный своими пролатинскими взглядами, отмечал, что венецианцы с большой радостью приняли данное предложение, пообещав «защищать город, содержать его в достатке и процветании и превратить его во вторую Венецию»³²².

Фессалоникийцы выдвинули ряд условий, при которых Венеция могла осуществлять власть в городе: жители Фессалоники будут жить согласно византийскому законодательству; архиепископ и духовенство сохранят свои

³¹⁷ Ibid. P. 56. 8–9.

³¹⁸ Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica. P. 159.

³¹⁹ Молодой Андроник, предположительно, страдал от слоновой болезни, хотя некоторые источники сообщают, что это была либо эпилепсия, либо проказа. См.: Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391-1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. P. 372. Not. 128.

³²⁰ Ранее в историографии бытовало мнение, что Фессалоника была продана за 50 000 золотых монет, однако дальнейшие исследования показали, что город был передан венецианскому правительству на безвозмездной основе. См.: Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπό τοῦς Βυζαντινοῦς στοῦς Βενετσιάνους (1423-1430). Σ. 85–123.

³²¹ Dukas. Historia Turco-Byzantina. P. 247. 23.

³²² Ibid. P. 247. 19

полномочия; горожане по-прежнему смогут свободно распоряжаться своим имуществом³²³.

В свою очередь, жители Фессалоники клялись быть верными венецианской власти «так, словно родились и выросли в Венеции»³²⁴. Если говорить о причинах такого беспрецедентного шага со стороны византийцев, то они, вероятно, ожидали таким образом обеспечить городу защиту от турок, учитывая, что местная администрация была не способна организовать сопротивление захватчикам. Не приходилось ждать помощи и от императора, поскольку в том же 1422 г. Константинополь также был осажден турецкими войсками.

Одной из причин также можно назвать то обстоятельство, что чиновники и состоятельные граждане по призыву деспота должны были отдать часть своих сбережений в специальный фонд, чтобы организовать оборону города и «совершить это во благо своей страны»³²⁵. Однако, как заметил Симеон, «большинство людей не желали этого делать, поскольку они были напуганы и разгневаны. Некоторые бежали, другие выбрали иные пути, и это стало причиной неразберихи, из-за которой ни один не доверял другому»³²⁶.

В итоге в 1423 г. Фессалоника была передана венецианцам, однако приход к власти новых владельцев не улучшил ситуации. По мнению Иоанна Анагноста, напротив, по отношению к латинянам горожане проявляли открытую неприязнь. Анагност так писал о настроениях, царивших среди его соотечественников: «Как вы знаете, город страдал от владычества латинян; каждый день они приносили нам одни несчастья, и мы часто говорили друг с другом о том, как избавиться от них, но не было никакого плана, как

³²³ Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki. P. 63.

³²⁴ Dukas. Historia Turco-Byzantina. P. 247. 20–21.

³²⁵ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 57. 16–18.

³²⁶ Ibid. P. 57. 18–21.

освободиться от этого отвратительного договора»³²⁷. Как свидетельствует Анагност, жители Фессалоники воспринимали подчинение венецианцам как испытание. В городе ширились антилатинские настроения, что только усугубляло и без того незавидное положение венецианских властей – сделка оказалась невыгодной для венецианцев: в городе царил голод, снабжение было нарушено, сухопутные подступы перекрыты турецкой армией³²⁸.

К 1425 г. положение жителей города было крайне плачевным: «Люди, оставшиеся в городе, были в большой нужде, не хватало хлеба, не было даже пригодных к употреблению овощей, лишь дикий редис и другие растения, которые не могли бы спасти человеческое тело от голода»³²⁹. По свидетельству Симеона, горожане были вынуждены смешивать отруби льна, ячменя и пшеницы, чтобы как-то прокормиться. Но и эти крохи, по мнению автора, были дарованы жителям города усилиями св. Димитрия, который своим вмешательством помогал населению Фессалоники.

Венецианцы предпринимали попытки договориться с султаном об условиях снятия осады, однако для турок, по словам Анагноста, переговоры с венецианским правительством Фессалоники не представляли никакого интереса, хотя впоследствии и было отправлено немало послов и с той, и с другой стороны³³⁰. Эти сведения подтверждает также историк Дука, сообщая, что венецианцы неоднократно предлагали султану мир, обещая деньги и разного рода уступки. Однако, по мнению писателя, султан даже не пожелал выслушать предложения латинян, лишь заметив: «Этот город принадлежит мне по праву рождения. Мой дед Баязид своими руками вырвал его у ромеев. Если бы они одержали надо мной победу, они бы имели право провозгласить: "Он не прав!". Но поскольку вы – латиняне из Италии, с чего бы вам посягать

³²⁷ Очевидно, автор имеет в виду договор о передаче Фессалоники Венеции 1423 г. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 6, 8. 31–33, 1–2.

³²⁸ Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 64–65.

³²⁹ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 59. 23–27.

³³⁰ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 18. 4–11.

на эти места?»³³¹. Заметим, что Мурад, действительно желавший договориться с византийцами, таким образом давал венецианцам понять, что им здесь не место, а дела турок и греков касаются только их самих.

Турки, очевидно, сознавая готовность населения перейти под власть османского правительства, угрозами, посулами и увещеваниями методично склоняли фессалоникийцев на свою сторону. Известно, что в это время даже некоторые монахи снабжали османов сведениями, как лучше и быстрее захватить город, например, перекрыв городское водоснабжение³³². Очевидно, что протурецкие симпатии жителей Фессалоники и их конформизм были определены прежним опытом и близким знакомством с характером османского правления, в котором они не видели ничего страшного.

Так, большинство фессалоникийцев, действительно, уже не возражало против сдачи города врагам, к чему их, кроме голода, подталкивали и другие причины. Султан Мурад II неоднократно отправлял в город послов с предложением сдать Фессалонику добровольно, обещая горожанам сохранить их права и имущество. По мнению Анагноста, султан стремился настроить горожан против венецианского правительства, которое в последний момент неожиданно активизировало оборонительные действия: «Он отправил некоторых христиан из других городов, которые советовали нам спасти собственные жизни и прилагали усилия, чтобы возбудить нас против латинян»³³³.

Султан, однако, надеялся использовать неприязнь греческого населения к латинянам и не оставлял попыток склонить горожан к подчинению: «Он в очередной раз отправил вестника, чтобы пообещать нам свободу и прочие воздаяния, если мы внемлем его словам и сдадим город, заверив нас в форме клятвы, которую они приносят; также он пообещал обратное, а то и хуже,

³³¹ Dukas. *Historia Turco-Byzantina*. P. 249. 4–13.

³³² Vryonis S. *The Ottoman Conquest of Thessaloniki in 1430*. P. 309.

³³³ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 18. 7–9.

если мы не уступим»³³⁴. Однако увещевания турецких агентов, по мнению Анагноста, не имели успеха среди греческого населения.

Писатель был возмущен этим фактом, поскольку считал последующий захват и разграбление города страшнейшим бедствием. Он сетовал на бездействие и нерешительность греков, выражая свое осуждение их позицией в форме риторических вопросов: «Где вы были, когда Мурад давал свои обещания? Разве вы не были в городе, не слышали тех заявлений, которые были сделаны? Почему вы не дали на то своего согласия? Почему не сделали ничего, чтобы дела ваши соответствовали вашим мыслям? Почему же вы сами не сделали того, за что стыдите других сейчас, когда возможность утрачена?»³³⁵. Вероятно, фессалоникийцы, пострадавшие после захвата города, высказывали мысли о том, что лучше было бы сдать город мирным путем, как того просил султан.

Однако, в отличие от Симеона, который упрекал фессалоникийцев в пассивности и малодушии, Анагност считает, что защитники города хоть и претерпевали всяческие беды, но сражались храбро и самоотверженно. Писатель сообщает, что «все восстали и приготовились биться насмерть. Истинно, и мужчины, и женщины, даже высокого положения, мужественно воевали, сбрасывая камни со всей энергией, чтобы защитить нас от тех, кто нападал на нас. Многие, забыв, что они женщины, демонстрируя мужские качества, стояли рядом с мужчинами, были полны усердия, упорно сражались точно так же»³³⁶, в то время как турки «рушили стены [города] словно дикие звери»³³⁷.

Турки, однако, по мнению Анагноста, проявили себя храбрыми и неутомимыми воинами: «Враг показал себя сильным во всех отношениях, не прекращал своих усилий»³³⁸. Как кажется, это не было попыткой автора

³³⁴ Ibid. Σ. 20. 20–28.

³³⁵ Ibid. Σ. 20, 22. 28–31, 1.

³³⁶ Ibid. Σ. 30. 3–9.

³³⁷ Ibid. Σ. 34. 5.

³³⁸ Ibid. Σ. 34. 21–22.

превознести военные способности завоевателей, но, скорее, подчеркнуть отвагу и героизм жителей Фессалоники, которые, столкнувшись с превосходящими силами врага, не сложили оружие, а продолжили самоотверженно отбивать атаки противника. В этом плане сочинение Анагноста схоже с произведением Иоанна Канана, повествовавшего об осаде Константинополя 1422 г. По всей видимости, Канан был столь же далек от возвышенной интеллектуальной риторики, как и Иоанн Анагност, поэтому при описании врага и в том, и другом случае использовались характеристики, сформированные не столько литературной традицией, сколько под воздействием реального опыта взаимодействия с захватчиком. Существенное отличие между этими сочинениями состоит в том, что Канан писал о городе, который не был захвачен, в то время как Фессалоника пала под ударами османской армии. Если упоминание о героическом порыве жителей Константинополя, благодаря которому якобы осада была снята, можно интерпретировать как напутствие византийцам, чтобы продолжали противостоять врагу, то в сочинении Анагноста отчаянное сопротивление жителей Фессалоники как бы являлось свидетельством нежелания греков подчиниться захватчикам. Однако вопрос, насколько это соответствовало действительности, остается открытым.

К 1430 г. ситуация в осажденном городе осложнилась тем, что в 1429 г. умер архиепископ Симеон, что еще больше ввергло горожан в уныние. Это подтверждает Анагност, передавая настроения фессалоникийцев: «Все в городе – мужчины, женщины, дети, латиняне и даже евреи – скорбно обратились друг к другу, позабыв все остальные проблемы, гнетущие нас»³³⁹. Учитывая предыдущие сетования Симеона, можно предположить, что в последний момент жители Фессалоники все же образумились и решились организовать сопротивление врагу. Однако неизвестно, каков был процент горожан, по-прежнему не желавших продолжать противостояние. Страдающих жителей Фессалоники автор сравнивал с «кораблем, попавшим

³³⁹ Ibid. Σ. 10. 22–24.

в шторм и лишенным рулевого»³⁴⁰. По словам Анагноста, все они сошлись во мнении, что происходящие события – знак Божьего наказания, поскольку дела горожан становились все хуже и хуже. Недобрым предзнаменованием было и землетрясение, «вселившее ужас в сердца людей»³⁴¹. Это, по всей вероятности, только усилило желание некоторых жителей бежать из города и сдаться под власть турок.

Повествуя о событиях 1430 г. – времени, когда город уже несколько лет находился в осаде и его судьба уже вот-вот должна была решиться, – Иоанн Анагност сетовал, что венецианцы до момента финальной осады не заботились об организации должной обороны города. Причину такой медлительности автор видел в том, что «латиняне никогда ранее не сталкивались с турками. Да и могли бы они получить о них какие-либо сведения, когда они родились у моря и жили там до старости, разве что курсируя на своих галерах у собственных границ? Оттого и не были они подготовлены к тем столкновениям и битвам, какие были в обычаях у турецкого рода»³⁴². Очевидно, что автор был невысокого мнения о венецианцах и их способности противостоять турецкой угрозе. Он особо подчеркивал, что греки обладали гораздо большим военным опытом сдерживания восточного соседа.

Когда до финального штурма оставались считанные дни, венецианцы, наконец, начали приготовления. «Прежде всего, – пишет Анагност, – они (латиняне. – *Н. Ж.*) завершили ту работу, которую делали ранее, но с гораздо большей прытью»³⁴³. Венецианцы в спешке приступили к возведению баррикад, укреплению стен, учету боеспособных защитников города и пр. Однако, по мнению автора, воины не были готовы к обороне, многие из них

³⁴⁰ Ibid. Σ. 12. 1–2.

³⁴¹ Ibid. Σ. 16. 8–10.

³⁴² Ibid. Σ. 12. 11–18.

³⁴³ Ibid. Σ. 12. 26–17.

не имели оружия и необходимого снаряжения, да и малое их число не позволило бы оказать достойный отпор захватчикам³⁴⁴.

Первоначально венецианцы надеялись организовать оборону силами греческого населения, однако, по словам Анагноста, «латиняне, поскольку у них не было выбора (ибо у них не было воинов, кроме тех, кто был в городе), пришли к неизбежному решению, что им необходимо готовится к войне самостоятельно»³⁴⁵.

Вероятно, греки не вызывали доверия у венецианского правительства из-за напряженных отношений между итальянскими властями и местным населением. Это подтверждает Анагност, сообщая, что «те, кто управлял городом, не доверяя нам, разделили нас, латинян и греков, разместив среди нас всяких разбойников, пригрозив смертью любому, кто помыслит о предательстве, назначив для этой цели, как они звались на общем языке, цетариев (τοὺς Τζεταρίους) в качестве стражи – они были сборищем разбойников, собранных вместе из разных мест»³⁴⁶.

Разместив горожан на стенах города, венецианцы сосредоточили силы на укреплении гавани, где стояли три итальянских галеры. Исходя из сообщения Анагноста, многие другие важные участки оказались незащищенными, поскольку венецианцы, не особо заботясь о судьбе греков, были более заинтересованы в сохранении собственных кораблей³⁴⁷. Это обстоятельство лишь усугубило пропасть между латинянами и византийцами и внесло смуту в ряды защитников города.

Рассуждая о захвате города в 1430 г., Анагност обвинял в трагедии как латинян, так и греков. Первые, по его мнению, заботились о собственных кораблях и усиленно обороняли гавань, оставив без защиты другие важные объекты. Греки же, снедаемые ужасом, бросили свои посты и укрылись в

³⁴⁴ Ibid. Σ. 14. 8–13.

³⁴⁵ Ibid. Σ. 14. 13–17.

³⁴⁶ Ibid. Σ. 20. 1–9.

³⁴⁷ Ibid. Σ. 28. 4–8.

своих домах. Как заметил писатель: «Вряд ли город бы устоял, но, не случись всего этого, вероятно, он не был бы взят столь легко»³⁴⁸.

Когда турки ворвались в город, жители, вынужденные отступить, пытались прорваться в гавань к кораблям. Однако венецианцы, сами спасавшиеся тем же путем, приказали своим верным цетариям блокировать выход к морю, бросив греков на произвол судьбы³⁴⁹. Так латиняне отплатили византийцам за ненависть и неподчинение.

Отношения греков и венецианцев в Фессалонике в период 1423–1430 гг., вероятно, можно охарактеризовать как подозрительные и даже враждебные. Однако трудно сказать, что послужило тому причиной. Источники не оставили нам сведений о притеснениях греческого населения или о конфликтах горожан с венецианской властью³⁵⁰. Скорее, здесь сыграло роль давнее неприятие греками латинян.

Неудивительно, что венецианское правительство не прилагало особых усилий для защиты местного населения. Фессалоника оказалась в руках венецианцев уже весьма в плачевном виде, доставив больше проблем, чем пользы. В свою очередь, византийцы отвечали латинянам неприязнью и нежеланием подчиниться новоиспеченным владельцам города, что не создавало условий для консолидации сил для борьбы с общим врагом. За несколько лет правления венецианцев греческое население так и не смирилось с перспективой жить под властью латинян³⁵¹. Вспомним слова Ш. Дилья о том, что за три столетия постоянных отношений с латинянами греческий Восток так и не смог прийти к соглашению с ними³⁵². Стоило ли ожидать, что это вдруг случится за семь лет?

³⁴⁸ Ibid. Σ. 28. 12–14.

³⁴⁹ Ibid. Σ. 38. 27–30.

³⁵⁰ Можно отметить, однако, желание венецианских сановников подчинить себе церковную юрисдикцию Фессалоники. См.: Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 103–104.

³⁵¹ Vryonis S. The Ottoman conquest of Thessaloniki in 1430. P. 300–301.

³⁵² Дилья Ш. Византийские портреты. М., 2011. Т. 2. С. 670–671.

Таким образом, Фессалоника в последние десятилетия своей византийской истории переживала глубочайший социальный, политический и экономический кризис. В условиях постоянной военной агрессии со стороны турок городской социум был раздираем внутренними противоречиями, которые выражались, прежде всего, в желании местного населения перейти на сторону захватчиков.

Рассуждения Симеона Фессалоникийского (как, впрочем, и Мануила II) о греках, перешедших в стан врага, показывают, что конформизм был распространенным явлением в византийской среде. Многие фессалоникийцы не считали предосудительным переход на сторону турок: спокойная жизнь под османским владычеством выглядела более привлекательной перспективой, нежели полное волнений, бед, лишений и неопределенности существование в качестве византийских подданных. Симеон, понимая мотивы, толкавшие ищущих лучшей доли сограждан в объятия врагов, признавал, что участь византийцев в осажденных турками городах была нелегкой, и простые горожане, чтобы облегчить свое существование, поддавались на увещевания и обещания протурецких агитаторов. Видеть распространяющиеся в византийском обществе конформистские настроения было для Симеона, как противника всякого сотрудничества с турками, тяжким испытанием.

Одной из причин этого явления, очевидно, было недовольство горожан представителями византийской светской и духовной администрации, которые были не способны совладать с ситуацией в городе и за его пределами. Смена власти в Фессалонике не только не решила эту проблему, но лишь обострила внутренние противоречия, выразившиеся в столкновении интересов греков и венецианцев. Антилатинские настроения горожан, согласно Иоанну Анагносту, привели к пассивности части городского населения и неспособности властей организовать эффективную оборону Фессалоники, в результате чего город был навсегда потерян для византийцев.

2.4. Турецкая угроза во второй четверти XV в.

После захвата Фессалоники в 1430 г. и опустошительных пелопоннесских кампаний Турахан-бея в 1420-х гг.³⁵³ отношения между византийским императором и турецким султаном продолжали ухудшаться. Весной 1431 г., по сведениям Сфрандзи, Турахан-бей вновь разрушил Гексамиллион³⁵⁴, в 1435 г. взял Фивы³⁵⁵, продолжая агрессивную экспансионистскую политику Мурада II против византийцев и венецианцев, которые еще сохраняли свои владения в Мореи и на материковой части Греции³⁵⁶.

Однако судьбоносным моментом для Византии стал запланированный в 1438 г. папой Евгением IV³⁵⁷ собор в Ферраре, на котором предполагалось решить ряд вопросов, в частности, проблему организации крестового похода против турок-османов, а также оказание помощи Византии, фактически зажатой в тисках «неверных». По сообщению Лаоника Халкокондила, папа Евгений IV обещал императору Иоанну VIII Палеологу, «который очень нуждался в поддержке, любую посильную помощь в защите его города, и что отныне он позаботится о его царстве и всех эллинах»³⁵⁸.

Георгий Сфрандзи считал, что именно Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. стал причиной, «по которой произошло нападение на Константинополь нечестивых, осада, плен и столь великое наше несчастье»³⁵⁹. Согласно Сфрандзи, некогда император Мануил II в разговоре с Иоанном VIII отмечал: «Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых, что их очень страшит, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им

³⁵³ См.: Медведев И. П. Мистра. С. 35–36.

³⁵⁴ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 72. 1–2.

³⁵⁵ Ibid. P. 74. 5–8.

³⁵⁶ См.: Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 271–273.

³⁵⁷ См.: Gill J. S. J. Personalities of the Council of Florence and Other Essays. Oxford, 1964. P. 35–45.

³⁵⁸ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 22. 15.

³⁵⁹ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 80. 26–29.

будет причинено из-за нас большое зло христианами Запада. Так вот о соборе: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши были способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия»³⁶⁰.

В будущем Иоанн не прислушался к советам отца. Понимая, однако, что поездка в Феррару неизбежно вызовет гнев Мурада II, василевс отправил к султану послов с целью уведомить его, «якобы как друга и брата»³⁶¹, о предстоящей поездке. Мурад отвечал: «Мне не кажется правильным, что он (император. – *Н. Ж.*) поедет, утруждая себя этим и тратясь. И что он выиграет? Вот я, если он имеет нужду в деньгах из-за расходов, ренты или чего-нибудь другого, относящегося к возмещению его убытков, я готов ее удовлетворить»³⁶². Султан, вероятно, не желал обострения отношений с византийцами, рассчитывая, что и василевс не вступит в открытую конфронтацию. Очевидно, для византийцев решение императора – ехать или не ехать на собор – должно было поставить точку в вопросе выбора союзников. Иоанн VIII не внял увещаниям Мурада, «и стало так, как захотел василевс, или, вернее, злая судьба»³⁶³.

Дука также сообщал об опасениях султана: «Мурад встревожился из-за того, что василевс ездил во Франкию и заключил договор о согласии с франками и сам к тому же стал франком»³⁶⁴. Мурад, очевидно, считал, что соглашение византийцев с латинянами приведет к формированию коалиции западных стран против Османского государства, что фактически и произошло.

В 1439 г. на Ферраро-Флорентийском соборе было принято решение об организации крестового похода против турок. Инициаторов похода папу

³⁶⁰ См.: Ibid. P. 82. 1–15.

³⁶¹ Ibid. P. 84. 3–4.

³⁶² Ibid. P. 84. 4–10.

³⁶³ Ibid. P. 84. 9–10.

³⁶⁴ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 269. 23–25.

Евгения IV и его поверенного кардинала Джулиано Чезарини³⁶⁵ поддержали польский и венгерский король Владислав III Ягеллончик³⁶⁶, трансильванский воевода Янош Хуньяди и сербский деспот Георгий Бранкович.

Мурад II, стремясь как можно скорее завершить военные действия с сербами и венграми в 1443–1444 г., в первую очередь направил послов к сербскому деспоту Георгию Бранковичу, предлагая ему в случае заключения мира восстановить сербские крепости и города, в том числе и разрушенный Смедерево³⁶⁷. Сразу после этого послы были направлены к «саксонскому» или «католическому» королю Владиславу³⁶⁸. В июне 1444 г. в городе Сегед был заключен мирный договор, из которого следовало, что ни одна из сторон не может в течение 10 лет переходить Дунай; обе стороны обменялись священными клятвами.

Однако уже через несколько месяцев христиане нарушили договоренность и переправились через Дунай. Очевидно, в стане союзников царили разногласия: сербский деспот Георгий Бранкович, также входивший в антитурецкую коалицию, уговаривал короля Владислава отказаться от нарушения Сегедского перемирия, но, как сообщает сербский автор Константин Михайлович, «видя, что иначе, чем сказал Янкул³⁶⁹, не будет, они, горестно попрощавшись, разъехались, ибо Янкул обладал большей властью, чем сам король, и никому не желал уступать королевства»³⁷⁰. И затем, уже после сокрушительного поражения христианских войск, когда Янош обратился к деспоту Георгию с предложением нового похода против

³⁶⁵ См.: Gill J. S. J. *Personalities of the Council of Florence*. P. 95–104.

³⁶⁶ После битвы при Варне 1444 г. короля стали именовать Варненчиком.

³⁶⁷ Заинтересованность Георгия Бранковича в этом договоре обуславливалась еще и тем, что в это время в плену у султана находилось два сына деспота, которых собирались ослепить. Договор был заключен слишком поздно для последних – люди султана, которым было поручено ослепление сербских принцев, слишком поспешили с выполнением приказа. См.: Ducae *Historia Turcobyzantina*. P. 273. 10–15.

³⁶⁸ См.: *Ibid.* P. 273. 18–21.

³⁶⁹ Янош Хуньяди, венгерский воевода, один из лидеров Варненского похода.

³⁷⁰ Константин Михайлович. Хроника о турецких делах Константина, сына Михаила Константиновича из Островицы, раца, который был взят турками среди янычар / пер. и ком. А. И. Рогова / Записки янычара. М., 1978. С. 64.

турок, последний отвечал: «Ты же <...> начал войну с ними (турками. – *Н. Ж.*) без моего совета и без моего ведома, <...> а что вы там нашли – известно всем землям»³⁷¹. Деспот также замечает, что «без государя» не будет выступать против турок³⁷², подчеркивая, что пока отсутствует лидер, способный собрать войско для похода, он не станет участвовать в новой антитурецкой акции.

По сообщению Сфрандзи, в 1444 г. папский легат Джулиано Чезарини прибыл в Константинополь, чтобы, вероятно, обговорить детали похода против турок, возглавляемого Владиславом Ягеллончиком, королем Польши и Венгрии³⁷³. Как повествует венгерский хронист Янош Туроци, позиция папского легата в этом вопросе была решающей: «Господин кардинал Юлиан перед королем и господином воеводой настоял, чтобы заключенный договор, во что бы то ни стало, должен быть прекращен, ибо турецкий царь нападет с войском. Он твердил, что не требуется исполнять обещанное неверным, и сказал, что без благодарности в сердце относятся они к дарованной свыше победе, и что разменяли они Божию волю на волю врагов их»³⁷⁴. Таким образом, кардинал объявил, что клятва, данная «неверным», недействительна, что впоследствии, как отметил Туроци, очень возмутило византийского императора Иоанна VIII Палеолога, более других опасавшегося разгневать султана, а потому отказавшегося принимать участие в походе. Решение Иоанна вполне обоснованно – в случае неповиновения Константинополь бы первым пал жертвой мести османского государя.

Результатом этого крестового похода стала битва при Варне 10 ноября 1444 г., которая была фактически последним общехристианским рывком в противостоянии туркам. События 1444 г. получили широкий отклик в исторических сочинениях XV в. Это, в основном, нарративные источники, в

³⁷¹ Там же. С. 66.

³⁷² Там же.

³⁷³ См. Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 94. 1–4.

³⁷⁴ Йоан де Туроц. Унгарска хроника / увод и бележки Хр. Димитров, Ил. Илиев; текст и перевод: Ил. Илиев / Латински извори за българската история. Т. 5. Ч. 1. София, 2001. С. 116.

число которых входят польские и венгерские хроники, исторические сочинения польских, сербских и византийских авторов, воспоминания участников походов против турок³⁷⁵, а также турецкие свидетельства. Особенно иллюстративны сведения грека Параспондила Зотикоса, который, очевидно, был свидетелем битвы при Варне.

Несмотря на то, что в сочинениях византийских историков это событие нашло слабое отражение, а также невзирая на тот факт, что Параспондил не описывал роль византийцев в этих событиях (которые, к слову, в битве не участвовали), именно его произведение представляет наибольшую ценность при изучении восприятия греками столь резонансного события.

Главным героем произведения Параспондила является венгерский воевода Янош Хуньяди, которого автор ставит в один ряд с прославленными героями древности – Александром Македонским и «царем христиан <...> великим Константином»³⁷⁶. На наш взгляд показательно, что писатель использует этот традиционный для византийской литературы прием, характерный для грекоязычного нарратива, что указывает на близость автора к византийской литературной традиции.

Судя по многочисленным пассажам Параспондила, Хуньяди для него – это несомненный герой, великий воин и надежда для христиан. В произведении неоднократно отмечается, что этот прославленный венгр – самый ярый защитник «веры и народа ромейского»³⁷⁷, который «прольет реки агарянской крови, освободит ромеев от рук неприятеля и воодушевит павших духом ромеев»³⁷⁸. Причина восторгов Параспондила становится более ясной – он видел в Яноше не просто способного военачальника, но прежде всего спасителя своей родины от «агарян», т.е. турок.

³⁷⁵ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С. 237; Imber C. Crusade of Varna, 1443-1445. Manchester, 2006. 226

³⁷⁶ Παρασπόνδουλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. Ρ. 346. 17–21.

³⁷⁷ Ibid. Ρ. 346. 54.

³⁷⁸ Ibid. Ρ. 350. 129–131.

Венгры, впечатленные огромным войском, подготовленным Мурадом для битвы, стали сомневаться в успехе кампании, однако, по словам Параспондила, вспомнили, как «константинопольский василевс Палеолог и его ромеи некогда с легкостью разбили турок и Амурата»³⁷⁹, отчего воспряли духом. Учитывая, что византийская армия в это время фактически не предпринимала никаких масштабных военных кампаний, скорее всего этот факт, приводимый Зотикосом, должен был лишь подчеркнуть роль византийского императора в общехристианском антитурецком сопротивлении, а не указать на какое-то конкретное сражение.

Первоначально христианскому войску удалось завладеть преимуществом на поле боя: «Венгры напали на измаильтян и перебили всех амуратовых азапов»³⁸⁰, а в одном из сражений «все анатолийские войска, пешие азапы³⁸¹ и акынджи³⁸² были повержены»³⁸³. Однако дальнейшие события складывались для христиан неудачно – превосходящее по численности и прекрасно подготовленное к битве войско султана одерживало верх над разрозненной и деморализованной «крестоносной» армией. Кульминацией сражения стало убийство короля Владислава турецким янычаром³⁸⁴. Грек Параспондил Зотикос, очевидно, хорошо знал принципы организации турецкого войска, что, впрочем, для середины XV в. не было новым явлением.

Битва при Варне 10 ноября 1444 г. закончилась полным поражением христианского войска, сведя на нет дальнейшее сопротивление туркам, что

³⁷⁹ Ibid. P. 351. 146–150.

³⁸⁰ Ibid. P. 353. 199–201.

³⁸¹ Азапы, как и акынджи, набирались из числа тюркских народов и должны были самостоятельно обеспечить себя вооружением и обмундированием на время ведения военных действий. Uyar M., Erickson E. J. *A Military History of the Ottomans. From Osman to Ataturk*. Santa Barbara, Denver, Colorado, 2009. P. 20–21.

³⁸² Иррегулярная турецкая легкая конница, набираемая только из числа турок для участия в военных кампаниях за пределами Османского государства. См. Akindji // *The Encyclopedia of Islam. New Edition* / ed. by H. A. R. Gibb, J. H. Kramers, E. Lévi-Provençal, J. Schacht. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 340.

³⁸³ Παρασπόνδουλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. P. 358. 322–323.

³⁸⁴ Laonikos Chalkokondyles. *The Histories*. Vol. II. P. 94.

впоследствии обрекло Византийскую империю на гибель³⁸⁵. Крестоносная идея освобождения Юго-Восточной Европы от турок получила окончательное завершение, не принеся сколько-нибудь значительных результатов³⁸⁶.

Параспондил Зотикос делится с читателем своими переживаниями, утверждая, что любой исход битвы люди должны были воспринять как должное: «Стоял я на одной горе в лесу, и был как мрамор, словно каменный от страха. <...> Нельзя сказать, что было это все случайностью. <...> Но я сказал вам, твердо и правдиво, что ничего не делается без повеления Господня. Недостижимо сие таинство для человеческого ума»³⁸⁷.

Оценка историка Дуки этого события также связана с рассуждениями о каре, постигшей христиан за их грехи; именно это, по его мнению, обеспечило туркам победу, а христианскому государю – поражение и гибель: «Поскольку мы, христиане, отказались признать, что грехи наши поработили нас, и что дела наши бесчестные явились причиной наших бед, Фортуна обернула свой гнев против нас»³⁸⁸. Таким образом, в глазах многих авторов возвышение турок было следствием клятвопреступления христиан, а также их многочисленных прегрешений. С другой стороны, писатели соглашались также и с тем, что любое положение дел необходимо воспринимать как волю Господа.

Параспондил, описывая битву при Варне 1444 г., стремится показать, что причинами поражения христиан являются разногласия в стане союзников, нежелание молодого короля Владислава прислушаться к советам мудрого полководца. При этом автор нисколько не сомневается, что лишь стараниями Янко было возможно прогнать турок с захваченных земель, ведь для него воевода является надеждой и истовым защитником христианской веры и народа ромейского. Именно в сочинении грека Зотикоса идея

³⁸⁵ Павлов П. Тютюнджиев И. Българите и османското завоевание. С. 136.

³⁸⁶ Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през Средновековието. С. 276.

³⁸⁷ См.: Παρασπόνδουλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. Ρ. 363–364, 438–458.

³⁸⁸ Ducas Historia Turcobyzantina. Ρ. 277. 16–18.

спасения Византии от турецкой агрессии проявляется наиболее ярко, что, вероятно, обусловлено греческим происхождением автора.

После смерти Мурада II в 1451 г. османский престол унаследовал его сын Мехмед II, что весьма опечалило хрониста Сфрандзи, «потому что тот (Мурад. – *Н. Ж.*) был стар, и попытка выступить против Города была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, но желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином, — молод и с детства враг христиан»³⁸⁹.

Константин Палеолог немедленно отправил послов к новому султану, и Мехмед заверил императора в своей дружбе и намерении сохранить союз с византийцами, следуя политическому курсу своего отца³⁹⁰.

Однако между султаном и василевсом возникли разногласия из-за Орхана Челеби, который был правнуком Баязида I и внуком Сулеймана Челеби. Орхан проживал в Константинополе, и на его содержание турецкий султан ежегодно выплачивал три тысячи асперов. По сообщению Дуки, к Мехмеду были отправлены послы с требованием выплатить положенную сумму, отмечая, что Орхан «достиг совершеннолетия, и ежедневно многие люди стекаются к нему, называя его господином и государем»³⁹¹.

Очевидно, эти высказывания византийцев были восприняты султаном как оскорбление и завуалированная угроза. Разгневанный Халиль-паша обратился к византийским посланникам: «О, глупые и неразумные ромеи, я давно знаю ваши искусные ухищрения. Довольствуйтесь тем, что имеете! Покойный правитель был кроток и для всех он был добрым другом и человеком с чистой совестью. Наш нынешний правитель имеет другой нрав, не такой, какой вам представляется»³⁹².

Историк Дука полагает, что именно этот инцидент спровоцировал Мехмеда начать приготовления для осады византийской столицы. По словам

³⁸⁹ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 106. 7–15.

³⁹⁰ См.: Ducae Historia Turcobyantina. P. 289. 22–30.

³⁹¹ Ibid. P. 293. 14–15.

³⁹² Ibid. P. 293. 27–31.

автора, «когда ромеи услышали об этом, то христиане Константинополя, Азии, Фракии и островов затрепетали в преддверии страшных бедствий. Все, что они могли сказать: “Теперь конец Города предрешен. Это знаки грядущей гибели нашего народа. Настали дни Антихриста. Что с нами будет и что нам теперь делать? Отними у нас наши жизни, Господи. Не дай глазам слуг Твоих видеть разрушение Города. Не дай врагам твоим сказать: василевс, где же святые, что охраняют этот Город?”»³⁹³.

Подводя итог, отметим, что взаимоотношения византийцев и турок в последние десятилетия существования империи отличались нестабильностью, переживали взлеты и падения. После сокрушительного поражения Баязида I у Анкары в 1402 г. император Мануил II Палеолог, талантливый дипломат и расчетливый политик, в течение двух десятилетий умело играл на династических амбициях наследников Баязида, поддерживая то одного, то другого претендента на османский престол. В свою очередь, представители османской династии, участвовавшие в междоусобной борьбе за наследие Баязида, охотно пользовались помощью ромеев, возвращая византийцам захваченные ранее земли. Однако с воцарением Мурада II ситуация резко изменилась: молодой султан стремился завершить дело своего деда Баязида I и подчинить Византию окончательно. Едва не захватив в 1422 г. византийскую столицу, он сконцентрировал силы на втором по значимости городе империи, и в 1430 г. Фессалоника пала под натиском турок.

Византийское общество, находясь в глубочайшем кризисе, не могло дать достойный отпор захватчикам ввиду плачевного положения жителей византийских городов и провинций. Население страдало от голода и постоянных набегов турок, поэтому неудивительно, что греки, многие десятилетия жившие в тесном – как военном, экономическом, так и бытовом – контакте с османами, нередко предпочитали турецкое владычество ослабленной и не способной защитить их византийской администрации.

³⁹³ Ibid. P. 297. 5–11.

Можно заключить, что последние годы существования Византийской империи характеризуются усилением турецкой экспансии на Балканах и в Византии, а также активизацией сил латинского Запада, внезапно осознавших всю степень опасности, исходившей от «варваров-иноверцев». Наблюдая за агонизирующей Византией, латиняне предприняли попытку дать отпор туркам и, вместе с тем, подчинить Восточную церковь папе. В результате Ферраро-Флорентийского собора в 1438–1439 гг. формально этих целей удалось достигнуть. Однако фактически византийцы так никогда и не приняли «папскую тиару», а крестоносное движение потерпело неудачу у Варны в 1444 г. Битва закончилась полным поражением христианского войска, сведя на нет дальнейшее сопротивление туркам, что впоследствии обрекло Византийскую империю на гибель, а в Европе больше не осталось достаточно мощной политической и военной силы, способной противостоять турецкому натиску.

Глава III. Восприятие турок в поздневизантийской интеллектуальной мысли

3.1. Обозначения турок в сочинениях поздневизантийских историков

Обозначая тот или иной народ, в соприкосновение с которым приходила Византийская империя на протяжении своей долгой истории, ромеи не ограничивались лишь использованием грецизированных самоназваний этих этнических групп. Одной из особенностей византийского этнонимического лексикона, широко употребительного прежде всего в литературной практике, было воспроизведение архаизированных этнонимов, заимствованных из классической древности³⁹⁴. Для современных им реалий византийцы применяли античную номенклатуру названий народов. В результате такой лингвистической подмены соседями ромеев поздневизантийского времени оказывались скифы, персы, трибаллы, иллирийцы, которые в действительности были монголами, турками, сербами и албанцами³⁹⁵. Зачастую византийские авторы применяли к народам, проживавшим за пределами империи, уничижительное название «варвары» (βάρβαροι)³⁹⁶, подчеркивая свое цивилизационное превосходство над ними. Еще одним способом идентификации носителей иной культуры и религии было

³⁹⁴ О принципах антиквизации и архаизации в византийских произведениях см.: Bartusis M. C. The Functions of Archaizing in Byzantium // BS. 1995. Т. 56/2. P. 271–278; Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38; Jenkins J. H. The Hellenistic Origins of Byzantine Literature // DOP. 1963. Vol. 17. P. 37–52.

³⁹⁵ См.: Бибииков М. В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 32; Бибииков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 71; Шукуров Р. М. Некоторые замечания о византийских моделях «этнической» идентификации // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 49–51.

³⁹⁶ См.: Ditten H. Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XII Congrès international d'études Byzantines. Beograd, 1964. Т. 2. S. 273–275.

обозначение их собирательным наименованием (например, «латиняне», «мусульмане»), которое также несло в себе оценочный посыл. С помощью этнонимов писатели не только идентифицировали, но и иерархизировали соседей, классифицируя их по локативному, конфессиональному, языковому или морально-этическому принципам. Такие маркеры позволяли обозначить их инаковость и подчеркнуть особенности, отличающие их от византийцев³⁹⁷.

Выбор византийскими авторами той или иной номинации применительно к конкретному народу отражает характер культурного восприятия ромеями другого этноса и отношение к нему. Цель настоящего исследования – проанализировать синонимический ряд обозначений османов поздневизантийскими историками Дукой и Лаоником Халкокондиллом, выявить особенности употребления этих названий, а также заключенную в них культурно-историческую характеристику. Анализ лексики самых объемных – и с лексической точки зрения разнообразных – сочинений этих двух историков позволяет выявить различные уровни восприятия ромеями турок в условиях завоевания теми Византийской империи³⁹⁸.

Для обозначения турок-османов, занимающих центральное место в повествовании этих историков, используется широкий синонимический ряд. Однако первое, что бросается в глаза, – отсутствие архаизированных этнонимов для их обозначения, хотя другие народы появляются на страницах их повествований под античными именами. Еще одно предварительное замечание, которое необходимо сделать перед тем, как перейти непосредственно к анализу этнонимической лексики, касается использования традиционного обозначения чужаков как «варваров», которое, по меткому замечанию М. В. Бибикова, исчерпывающе определяло пестрый в

³⁹⁷ См.: Mullet M. The 'Other' in Byzantium // *Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-second Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998* / ed. by D. C. Smythe. Aldershot, 2000. P. 21.

³⁹⁸ См.: Жигалова Н. Э. Обозначения османов в византийских исторических сочинениях Дуки и Лаоника Халкокондила // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 84–96.*

этническом отношении окружающий византийцев мир³⁹⁹. Но если у писателей XIV – начала XV в. еще можно встретить наименование «варвары» в отношении, например, латинян⁴⁰⁰, то у историков, создававших свои произведения уже после падения Константинополя в 1453 г., эта номинация применяется исключительно к мусульманским народам.

Синонимический ряд, используемый Дукой и Халкокондилем для обозначения народа-завоевателя Византии, представлен следующими словами: «турки»⁴⁰¹, «варвары», «османы»⁴⁰², «мусульмане»⁴⁰³, «неверные» / «нечестивцы». Частотность употребления этих синонимов и производных от них прилагательных отражена в таблице.

**Частотность употребления различных наименований турок
в сочинениях Дуки и Халкокондила**

Наименования турок	Халкокондил		Дука	
	количество	доля (в процентах)	количество	доля (в процентах)
οἱ Τοῦρκοι («турки»)	202	73,4 %	319	80,7 %
οἱ βάρβαροι («варвары»)	56	20,3 %	22	5,5 %
οἱ Οτμάνοι («османы»)	14	5,0 %	13	3,2 %
οἱ Μουσουλμάνοι («мусульмане»)	3	1,0 %	16	4,0 %
οἱ ἀσέβοι («неверные» / «нечестивцы»)	1	0,3 %	25	6,3 %

³⁹⁹ Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 93.

⁴⁰⁰ Куц Т. В. Латиняне в восприятии латинофилов // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 323–325.

⁴⁰¹ Об употреблении этого термина в византийских источниках см.: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 320–327.

⁴⁰² Ibid. S. 214–216.

⁴⁰³ Ibid. S. 198–199.

Как следует из таблицы, самое часто встречающееся словоупотребление – нейтральный этноним «турки» (οἱ Τοῦρκοι). Для Дуки это собирательное название для всех мусульманских бейликов Анатолии. Так, повествуя о захвате сельджуками части Малой Азии, автор называет их «турками»⁴⁰⁴, не обозначая, о каких именно бейликах идет речь: «правителем турок» писатель именуется и Орхана⁴⁰⁵, эмира османских турок, и Умура, властителя айдынского бейлика⁴⁰⁶. При этом иных этнических наименований (кроме как «османы») в их отношении историк не допускает. То же можно сказать о труде Халкокондила – «турками» писатель называет все тюркоязычные племена Малой Азии, однако чаще всего он, как и Дука, использует данный этноним применительно к османам. Учитывая, что термин «турки» употребляется авторами в подавляющем большинстве случаев (70-80%), можно сделать вывод, что для писателей и их современников это было обычное и самое распространенное наименование восточных соседей⁴⁰⁷, которое, вероятно, использовалось не только в литературе, но и в повседневной речевой практике. Отметим, что и в сочинении Георгия Сфрандзи обозначение «турки» – самое распространенное и часто употребляемое, в то время как именованья «османы» или «мусульмане» не используются историком вообще. В произведении же Михаила Критовула турки абсолютно лишены какой-либо этнической или религиозной принадлежности и обозначаются лишь как «воины», «они» и пр.

Примечательно, что при частом употреблении антиквизированных этнонимов в отношении других народов (например, «скифы», «трибаллы», «иллирийцы») ни Дука, ни Халкокондил не именуют турок «персами»⁴⁰⁸, хотя предшествующая византийская историография следовала этой

⁴⁰⁴ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 33. 21.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 35. 18–19.

⁴⁰⁶ Ibid. P. 35. 9.

⁴⁰⁷ Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). С. 74.

⁴⁰⁸ Об употреблении этого термина в византийских источниках см.: Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). С. 79–84; Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 252–254.

традиции. По словам Р.М. Шукурова, данные этнонимические обозначения передавали обобщенную информацию о среде обитания, нравах и обычаях их носителей⁴⁰⁹. Вероятно, в поздневизантийской историографической традиции термин «персы» уже не был актуален ввиду того, что не нес в себе конкретных, исключительно туркам присущих историко-культурных коннотаций. Это, возможно, также свидетельствует об определенных изменениях в восприятии восточного соседа.

Семантически богатое понятие «варвар», традиционно используемое византийскими интеллектуалами для именования представителей иных народов⁴¹⁰, в сочинениях последних византийских историков встречается лишь в трудах Дуки и Халкокондила и не обнаруживается у их современников Критовула и Сфрандзи. Частотность упоминания слов «варвар», «варварский» в изучаемых текстах составляет 5,5% от общего числа синонимов у Дуки и 20% у Халкокондила, что свидетельствует об актуальности для них подобной характеристики турок.

В сочинении Халкокондила именование турок «варварами» – общее место. Историк не наделяет понятие «варвар» какими-то специфическими характеристиками и использует его, как правило, описывая завоевания турок: «Когда я родился, эллины и царство эллинов находились в упадке из-за <...> варваров, которые прогнали их с остатков их земель»⁴¹¹. Так, обозначение «варвары» – это собирательное название для завоевателей вообще и главный антагонист ромеев. Интересно, что «варварами» в сочинении Халкокондила именуется зачастую лишь турки, к другим мусульманским народам этот термин почти не применяется. К примеру, Халкокондил пишет, что множество родственных «скифам» (монголам) народов, «следующих их обычаям», включали в себя «варварские народы турок, которые проживали в

⁴⁰⁹ Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). С. 68.

⁴¹⁰ Куц Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. С. 108.

⁴¹¹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 10. 8.

Азии»⁴¹². Так, «варварами» именуются не только турки-османы, но и представители других турецких бейликов: «Орхан атаковал Филадельфию, но не смог ее захватить, поскольку там было много защитников. После этого, как говорили, он рассорился с варварскими правителями в Азии: заключив с одними союзы, он беспрестанно вел войны с другими»⁴¹³. Неоднократно упоминая о раздорах среди турецких эмиров, Халкокондил называет их «правителями варваров»: «До него (Мурада I. – Н. Ж.) дошли вести, что правители варваров в Азии заключили союзы и теперь побуждают [население] его земель восстать против него»⁴¹⁴. «Храбрейшим варваром Азии» именуется Искандер, сын Кара Юсуфа, захватившего в 1410 г. Армению⁴¹⁵. Несмотря на то, что государство Кара-Коюнлу не являлось турецким бейликом, его правители, тем не менее, были потомками огузских тюрок⁴¹⁶ – поэтому Халкокондил относит их к «азиатским варварам». Следовательно, к «варварам» писатель причисляет только мусульманские народы Азии, имевшие тюркское происхождение, и лишь в некоторых случаях арабов⁴¹⁷. Вероятно, историк делает это осознанно, желая обозначить мусульманские, прежде всего тюркоязычные племена в качестве главных антагонистов в его повествовании.

Рассказывая о своем деде, Дука отмечает, что тот повстречался в Азии с Исой, сыном Айдына, основателя айдынского бейлика, и впоследствии «почитал и прославлял [этого] инородца и варвара» (τὸν ἀλλογενῆ καὶ βάρβαρον)⁴¹⁸. Так, «варвар» в данном случае – не то же самое, что «инородец», из чего следует, что «варвар» в понимании Дуки – это не только «не грек», но и представитель иного культурного пространства.

⁴¹² Ibid. Vol. I. P. 12. 9.

⁴¹³ Ibid. Vol. I. P. 36. 27.

⁴¹⁴ Ibid. Vol. I. P. 60. 43.

⁴¹⁵ См.: Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia / Transl. from French by N. Walford. New Brunswick, New Jersey, 1970. P. 458–459.

⁴¹⁶ Zachariadou E. The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources. P. 285–286.

⁴¹⁷ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 140–142. 32–33.

⁴¹⁸ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 47. 10.

По словам Дуки, пленных ромеев «варвары (турки. – *Н. Ж.*) жестоко наказывали»⁴¹⁹, если их не удавалось сразу продать, «и не было им жалости ни от эллинов («Ελληνη») ⁴²⁰, ни от варваров»⁴²¹. Примечательно, что в данном случае писатель четко разграничивает турок-мусульман и так называемых «эллинов», т.е., вероятно, тех, кто поклоняется языческим богам. Следовательно, Дука не причисляет последователей ислама к язычникам, что неоднократно отражено в его сочинении. Деление тех, кто совершает злодеяния, на варваров и язычников, на наш взгляд, показательное, поскольку позволяет предположить, что для историка понятие «варвар» несет также и некоторые религиозные коннотации.

Данный термин часто употребляется историком в контексте его переживаний о несчастной судьбе ромеев, за свои грехи ставших жертвой жестоких турок: «Неудачи, разброд и войны друг с другом привели к тому, что ромеи попали под власть варваров и [всякого] сброда»⁴²². Аналогичные высказывания Дука допускает, рассуждая о завоеваниях турок: «Варвары разграбили все дикие и цивилизованные народы. <...> Господом было предначертано, что мы будем порабощены неверными»⁴²³. Так, писатель именует турок «варварами», желая подчеркнуть их религиозную инаковость и жестокость в отношении покоренных христиан. У Халкокондила этот термин не окрашен в подобные однозначно негативные тона, однако также употребляется им, когда необходимо подчеркнуть бедствия греков: «Когда они (эллины. – *Н. Ж.*) бросились к городу, варвары атаковали их, убив многих эллинов»⁴²⁴. Повествуя об осаде Филадельфии Баязидом I, историк отмечает, что жители города отвергли предложение сдать город, «признать

⁴¹⁹ Ibid. P. 57. 23–24.

⁴²⁰ Под «эллинами» здесь, вероятно, подразумеваются приверженцы язычества, однако точно установить семантику этого термина не представляется возможным. См.: Magoulias H. J. *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. An Annotated Translation of "Historia Turco-Byzantina"*. Detroit, 1975. P. 272. Not. 47.

⁴²¹ Ducae *Historia Turcobyzantina*. P. 57. 28–29.

⁴²² Ibid. P. 49. 26–28.

⁴²³ Ibid. P. 177. 16, 20–21.

⁴²⁴ Laonikos Chalkokondyles. *The Histories*. Vol. I. P. 34. 26.

Турка (султана. – *Н. Ж.*) в качестве их господина и правителя, сказав, что они не желают оказаться в руках варваров»⁴²⁵. Однако, замечает Халкокондил, в результате многократных нападений Баязида на Константинополь «многие жители города умерли от голода или переметнулись к варварам»⁴²⁶. По мнению автора, бедствия греков «от рук варваров были им наказанием за то, что они содеяли с Троей»⁴²⁷. Так, «варвары» в повествовании историка предстают некой разрушительной силой, принесшей беды византийцам.

Однако понятие «варвар» у Дуки не всегда свидетельствует о негативном отношении писателя к тем фигурантам его сочинения, к которым оно применяется. Султан Мурад II, например, именуется «варваром», не лишенным, однако, положительных качеств: «Этот варвар после победы не впадает в гнев и не гонится за убегающим врагом»⁴²⁸. За многочисленные добродетели Господь, по мнению автора, «даровал этому варвару спокойную смерть вместо гибели от меча»⁴²⁹.

В то же время Мехмед II также назван «варваром»⁴³⁰, что затрудняет идентификацию этого термина как однозначно негативного или нейтрального. Очевидно, что для Дуки «варварский» означает не только «чужой», «другой», но еще и обозначает представителя другой веры и иной культуры, поскольку в его сочинении этот термин всегда идет в тесной коннотации с религиозными предпочтениями названного «варвара». Сетуя, например, о продажности и бесчестности некоторых священнослужителей, писатель отмечает, что «видел собственными глазами монахиню, принявшую священный обет, которая мало того, что ест мясо, так еще и облачается в варварские одеяния, приносит жертвы лживому пророку и бесстыдно поклоняется его нечестивой вере»⁴³¹. Также Дука указывает, что после

⁴²⁵ Ibid. Vol. I. P. 102. 7.

⁴²⁶ Ibid. Vol. I. P. 132. 27.

⁴²⁷ Ibid. Vol. II. P. 206. 30.

⁴²⁸ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 285. 10–11.

⁴²⁹ Ibid. P. 285. 13–14.

⁴³⁰ Ibid. P. 309. 4–5.

⁴³¹ Ibid. P. 319. 28–31.

захвата Константинополя в 1453 г. «Великая Церковь (собор Святой Софии. – Н. Ж.) стала алтарем варваров, была переименована и обратилась в дом Мухаммеда»⁴³². У Халкокондила же понятие «варвары» зачастую хоть и не несет в себе однозначных религиозных коннотаций, но все же обозначает именно представителей мусульманского мира. Так, сообщая о попытках западных правителей противостоять османской угрозе накануне битвы при Никополе в 1396 г., историк отмечает, что венгерский король Сигизмунд призывал папу Бонифация IX «поддержать деньгами и людьми поход против варваров, который он спланировал»⁴³³. Кроме того, Халкокондил подчеркивает, что рыцарские ордена, активно боровшиеся с турецкой экспансией⁴³⁴, «были основаны во всем мире, чтобы защитить религию Иисуса от варваров»⁴³⁵. Следовательно, в текстах обоих авторов термин «варвар» означает не только «чужой», «другой», но, прежде всего, представитель иного, враждебного вероисповедания. Так, в сочинении Халкокондила указание на «варварство» является едва ли не единственным обозначением человека другой веры.

Редкий этноним «османы» (οἱ Οτμάνοι) употребляется в труде Дуки и лишь в тех случаях, когда необходимо сделать акцент на том, что речь идет именно об османском бейлике и его правителях: «Вернемся же к современным нам правителям османов и выясним, как они пришли к власти»⁴³⁶. Так, правитель айдынского бейлика Джунейд⁴³⁷ сетует, что он за оказание поддержки османским государям «не получил от османов ни богатств, ни титулов»⁴³⁸.

⁴³² Ibid. P. 375. 29–30.

⁴³³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 118. 19.

⁴³⁴ См.: Luttrell A., Zachariadou E. A. Sources for Turkish History in the Hospitallers' Rhodian Archive 1389–1422. Athens, 2008. P. 72–81.

⁴³⁵ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 216. 28.

⁴³⁶ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 111. 9–10.

⁴³⁷ Wright C. The Gattilusio Lordships and the Aegean World 1355–1462. P. 380–383.

⁴³⁸ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 219. 3–5.

Халкокондил также дает обозначение «османы» только когда необходимо подчеркнуть их место среди турецких бейликов. Так, согласно историку, «османы принадлежат племени огузов»⁴³⁹. Описывая разногласия между османами и караманидами, писатель отмечает, что после смерти Мурада II Ибрагим-бей, правитель караманидского бейлика, «поднял восстание против османов»⁴⁴⁰.

Другой пример употребления этого этнонима – словосочетание «последователи Османа» (διαβάντες τοῦ Ὀτμάν)⁴⁴¹ – встречается в редких случаях, как, например, у Дуки во время скорбной речи Баязида, бывшего визирем Мехмеда I, по поводу кончины его господина. Кроме того, писатель отмечает, что основным критерием для претендента на османский престол является лишь его принадлежность к Османской династии: «Важно лишь, чтобы правитель был потомком Османа»⁴⁴². Особенно остро эта проблема встала после смерти султана Мехмеда I в 1421 г., когда его сын Мурад II, пытаясь занять султанский престол, столкнулся с противодействием своего дяди Мустафы, желавшем, в свою очередь, при поддержке византийцев завладеть османским тронem. По сообщению Дуки, турки были уверены, что Мустафа не имел прав на престол, поскольку, «как все говорят, он не являлся потомком Османов»⁴⁴³.

Таким образом, историк использует обозначение «османы» или «потомки Османа» лишь в тех случаях, когда это представляет принципиальную важность для понимания сути повествования, для конкретизации этнической принадлежности тюркских племен, а также в речах, приписываемых Дукой самим туркам. Именованье «османы» должно было подчеркнуть принадлежность тех или иных турок именно к османской династии, и никак иначе.

⁴³⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 18. 13.

⁴⁴⁰ Ibid. Vol. II. P. 162. 66.

⁴⁴¹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 169. 30.

⁴⁴² Ibid. P. 175. 19–20.

⁴⁴³ Ibid. P. 217. 8–9.

По мнению Халкокондила, если бы сыновья Баязида I после его смерти не воевали между собой, то «царство османов не разделилось бы на две части»⁴⁴⁴. Повествуя об этой междоусобной войне, историк передает слова Хасана, предводителя янычар: «Сыновья мои! Чего же вы ждете? Почему вы не отправитесь как можно скорее к вашему повелителю (Мехмеду Челеби. – *Н. Ж.*), потомку рода Османов?»⁴⁴⁵. Очевидно, Халкокондил, как и Дука, понимал, что принадлежность к Османской династии для любого из претендентов была единственным легитимирующим фактором, позволяющим потомкам Баязида предъявлять права на султанский трон. Так, именование «османы» очень ситуативно и зачастую употребляется лишь для того, чтобы определить одного из претендентов как представителя рода Османов.

Не менее редким является обозначение «мусульмане» (*οἱ Μουσουλμάνοι*), которое используется Дукой лишь при описании совместных военных кампаний османов и представителей других бейликов⁴⁴⁶. Воинов эмира Тимура, победившего в 1402 г. при Анкаре султана Баязида I, писатель именует не иначе как «скифами», хотя они (воины), безусловно, тоже были мусульманами. Лишь однажды Дука отмечает, что в Филадельфии «во времена скифского вторжения один злой и коварный человек, будучи видным чиновником, отдал многих христиан в руки нечестивого врага, <...> затем варвары предали их огню»⁴⁴⁷. Таким образом, несмотря на то, что в отношении «скифов» Дука использует преимущественно нейтральные характеристики, он все же отмечает их «нечестивость», т.е. принадлежность к исламу, хотя ни разу не именует их мусульманами.

В положительном ключе термин «мусульмане» употребляется автором только при передаче речей турецких вельможей или правителей. Так, Баязид,

⁴⁴⁴ Laonikos Chalkokondyles. *The Histories*. Vol. I. P. 176. 59.

⁴⁴⁵ *Ibid.* P. 298. 16.

⁴⁴⁶ *Ducac Historia Turcobyzantina*. P. 149. 23–26.

⁴⁴⁷ *Ibid.* P. 161. 11–14.

визирь почившего Мехмеда I, призывает знатных турок оказать поддержку его сыну Мураду II, который был вынужден бороться за престол с другим претендентом, своим дядей Мустафой: «Целью его (Мурада. – *Н. Ж.*) было преувеличить род Пророка и преуменьшить род ромеев. Много городов и провинций присоединил он к владениям мусульман»⁴⁴⁸. В свою очередь, Мустафа, поддерживаемый византийским правительством, обращаясь к греческим сановникам, отмечал, что он вынужден нарушить договор с ними и захватить некоторые города, поскольку «иначе род мусульман никогда не признает меня повелителем, <...> и города эти и провинции должны быть вырваны из рук неверных (христиан. – *Н. Ж.*), чтобы снова стать мусульманскими»⁴⁴⁹.

Камнем преткновения в отношениях между Мехмедом II и правителям караманидского бейлика Ибрагимом II, по мнению Дуки, было то, что Ибрагим-бей был «истинным другом христиан»⁴⁵⁰ и несмотря на то, что «был мусульманином и приверженцем веры Мухаммеда, он предпочитал вести войны и сеять неразбериху в своих собственных интересах»⁴⁵¹. Также Мехмед II сетовал, что «гяуры торжествовали, в то время как мусульманский род бедствовал»⁴⁵². Таким образом, принадлежность к мусульманской религии, очевидно, обязывала турок проявлять солидарность к своим единоверцам. Заключение же договоров с христианами против своих соплеменников грозило потерей политического авторитета и фактически лишало турецких лидеров возможности выстраивать мирные отношения с другими мусульманскими эмирами.

Показательно, что в труде Халкокондила обозначение «мусульмане» встречается лишь трижды – один раз в речи Мурада II, взывающего к своим

⁴⁴⁸ Ibid. P. 187. 29–31.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 197. 28–29, 199. 4–5.

⁴⁵⁰ Ibid. P. 291. 10–11.

⁴⁵¹ Ibid. P. 291. 12–14.

⁴⁵² Ibid. P. 299. 14–15.

воинам накануне Варненской битвы 1444 г.⁴⁵³, другой раз в пересказе: «Говорят, что <...> они (турки. – *Н. Ж.*) доставили голову правителя венгров правителю мусульман»⁴⁵⁴. В третьем случае глашатаи султана обращаются к турецким воинам с призывом удерживать позиции и противостоять врагам⁴⁵⁵. Таким образом, автор ни разу напрямую не использовал данный термин применительно к туркам. Вероятно, историк намеренно избегал какой-либо религиозной идентификации главных действующих лиц своего сочинения, акцентируя внимание на культурных, но не конфессиональных различиях турок и византийцев. Возможно, именно поэтому в его сочинении невозможно встретить обозначения турок как «неверных». То же касается произведения другого историка эпохи Критовула, что, впрочем, легко объясняется его «протурецкой» позицией. В свою очередь, текст Сфрандзи изобилует обозначением ἀσεβής в отношении турок. Автор использует эту характеристику 14 раз, что, в целом, немало, учитывая, что произведение Сфрандзи по объему значительно уступает сочинениям трех других историков. Как правило, Сфрандзи употребляет термин ἀσεβής при описании завоеваний турок или, например, когда передает слова Мануила II, обращенные к его сыну Иоанну VIII, о том, что заключение церковной унии с латинянами повлечет за собой раскол среди византийцев, «и тогда мы раскрылись бы перед неверными»⁴⁵⁶. 4 раза это обозначение встречается в словосочетании «повелитель неверных» (ὁ τῶν ἀσεβῶν ἐξάρχων, ἄρχων)⁴⁵⁷, под которым всегда подразумевается Мехмед II, при этом в отношении других султанов это словосочетание не употребляется. Возможно, тем самым автор желал подчеркнуть статус Мехмеда II как властителя обширных владений, заселенных мусульманскими народами. Примечательно, что лаконичное и бесстрастное сочинение Сфрандзи,

⁴⁵³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 46. 35.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 94. 11.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 386. 100.

⁴⁵⁶ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 82. 13–15.

⁴⁵⁷ См.: Ibid. P. 170. 23; 176. 27; 188. 2; 192. 23.

практически лишённое оценочных характеристик турок, включает в себя множественные обозначения их как «неверных»/«нечестивцев». Лишь это указывает на восприятие автором османов как представителей враждебной христианству религии.

Но особенно часто подобные высказывания встречаются в произведении Дуки. Автор не скупится на колкие замечания в адрес мусульман. По словам Дуки, во время осады Константинополя в 1394 г. император Мануил, взывая о помощи, отправил послов к папе, французскому и венгерскому королям, иначе «враги христианской веры (ἐχθρῶν τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως) возьмут город»⁴⁵⁸, а «город (Константинополь. – Н. Ж.) и его драгоценные священные реликвии окажутся во власти нечестивцев и поработителей христиан (τοῖς ἀσεβέσι καὶ χριστομάχοις)»⁴⁵⁹.

Впрочем, упоминания «нечестивой веры» турок в труде Дуки довольно скудны и присутствуют лишь в исключительных случаях, например, в сравнительных характеристиках. Так, султан Мурад II, по сведениям Дуки, славился тем, что симпатизировал неимущим независимо от того, «были это люди его рода и нечестивой веры, либо же христиане»⁴⁶⁰. В тексте Халкокондила обозначение «неверный»/«нечестивый» (ἀσεβής) упоминается лишь однажды – в рассказе о том, что некогда иверийцы, т.е. жители Иверии (современная Грузия), узрев чудеса св. Нино, «отвергли свою нечестивую веру; так она сделала их христианами»⁴⁶¹. Однако в данном случае, во-первых, этот термин никак не соотнесен с мусульманской религией, во-вторых, фрагмент, содержащий его, по мнению Э. Калделлиса, является более поздней интерполяцией⁴⁶², следовательно, не принадлежит перу Халкокондила.

⁴⁵⁸ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 79. 17–19.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 85. 12.

⁴⁶⁰ Ibid. P. 285. 4–5.

⁴⁶¹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 314. 36.

⁴⁶² Ibid. P. 512. Not. 47.

Однако словоупотребление ἀσεβής часто используется Дукой при описании тяжелых испытаний, которые христианам пришлось перенести из-за турок. Описывая осаду Константинополя в 1453 г., Дука объясняет успех османов тем, что «судьба отвернулась от ромеев и улыбнулась неверным»⁴⁶³, отмечая, что под стенами города турки выкрикивали проклятия и издевательства «на своем скверном и нечестивом языке»⁴⁶⁴. Примечательно, что именно в этом фрагменте термин «неверные»/«нечестивые» встречается чаще, чем во всем остальном тексте. Главы, посвященные захвату византийской столицы, изобилуют красочными описаниями турецких злодеяний, и именно поэтому здесь нейтральные характеристики уступают место исключительно негативным обозначениям османов. Так, «один из неверных <...> на четыре части разрубил икону топором»⁴⁶⁵, а тем временем «бесчисленная орда конных нечестивцев устремилась по улице, ведущей к Великой Церкви»⁴⁶⁶.

Очевидно, что сочинение Дуки в большей степени насыщено разнообразными оценочными характеристиками османов, нежели произведение Халкокондила. Вероятно, для Халкокондила это был своеобразный способ сгладить острые углы и свести к минимуму негативный посыл в сторону турок, в то время как Дука, напротив, старался использовать доступный ему языковой инструментарий, чтобы подчеркнуть бедствия христиан от «нечестивых» османов.

Таким образом, термины «турки», «османы» и «мусульмане» у этих историков практически совсем лишены эмоциональной окраски – они употребляются ситуативно, исходя из строго определенного контекста, и не несут в себе никаких отрицательных или положительных коннотаций. В то же время авторам было хорошо известно отношение самих турок к своим единоверцам – неслучайно обозначения «османы» или «мусульмане» звучат

⁴⁶³ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 343. 16–17.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 351. 21–22.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 363. 6–7.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 363. 15–16.

из уст турецких правителей или визирей, которые призывают своих соплеменников поддержать истинного потомка Османа в гонке за султанский престол, либо рассуждают о том, сколь вредны союзы турецких лидеров с христианами для единства мусульманских народов.

Из проведенного анализа следует, что традиционный для византийских литературных произведений термин «варвары» применялся историками исключительно для того, чтобы подчеркнуть религиозное «варварское» отличие турок-мусульман от «цивилизованных» христиан, для которых столкновение с таким «варварским» миром было разрушительно. Однако даже в процентном соотношении в сочинениях обоих авторов употребление характеристики «варвар» в разы уступает нейтральному и бесцветному этнониму «турки», который именно так – нейтрально и бесцветно – обозначал уже привычных обитателей некогда византийского пространства.

3.2. Религиозная и этническая характеристика турок в трудах византийских писателей XV в.

Почти четыре века непрерывной турецкой военной агрессии в отношении малоазийских и балканских территорий Византийской империи сформировали в византийской литературной традиции вполне конкретный образ опасного восточного соседа: турки-мусульмане были жестокими варварами, безбожниками, предтечами Антихриста, любителями грабежа и насилия⁴⁶⁷. Однако такая описательная практика имеет глубокие корни, ведущие к истокам антиисламской полемики в Византии⁴⁶⁸.

⁴⁶⁷ Beihammer A. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries). P. 15–18; Vryonis S. Byzantine Attitudes toward Islam. P. 285.

⁴⁶⁸ См.: Zachariadou E. Religious Dialogue between Byzantines and Turks during the Ottoman Expansion. P. 289–304; Khoury A.-T. Polémique byzantine contre L'Islam; Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought. P. 169–175; Meyendorff J. Byzantine Views of Islam. P. 115–132.

На протяжении столетий риторика византийских произведений, содержащих сведения о мусульманах, фактически не менялась. Согласно Льву Диакону, еще византийский полководец Никифор Фока в 960 г. во время похода на Хандак (Ираклион) с целью освобождения города от арабов, обращаясь к своим воинам, отмечал «жестокость и зверства потомков рабыни, агарян», которые «нападали и уводили в рабство людей», причиняя ромеям всяческие беды⁴⁶⁹. Никифор называл мусульман лжецами, ненасытными зверями, праздными обжорами, стремящимися истребить христианский народ⁴⁷⁰. В оценке воинственных восточных соседей на первый план выходил именно религиозный аспект, который был определяющим в византийских описаниях мусульманских народов.

С VIII–IX вв. в религиозно-полемических сочинениях авторы ставили цель не просто показать отличие и превосходство веры Христа, но защитить христианское вероучение от влияния и нападков со стороны мусульман⁴⁷¹. В XI–XII вв. после крестовых походов средневековые хронисты стали все больше уделять внимание осуждению ислама, оценивая носителей этой веры как язычников или еретиков⁴⁷². Нарастание же османской угрозы в XIV в. актуализировало необходимость идейного отпора наступлению исламской цивилизации⁴⁷³, поэтому рассуждения мыслителей этого времени сводились к отрицанию ислама в качестве религии как таковой. Теперь мусульманское вероучение не воспринималось даже на уровне ереси, как, например, монофизитство, несторианство или католицизм – ислам понимался как псевдо-религия, политический и военный триумф которой был для христианского мира Божьим наказанием⁴⁷⁴.

⁴⁶⁹ Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко, вступит. статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 11.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Vryonis S. Byzantine Attitudes toward Islam. P. 264, 270-271.

⁴⁷² См.: Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. С. 41.

⁴⁷³ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. С. 325.

⁴⁷⁴ Vryonis S. Byzantine Attitudes toward Islam. P. 276.

Для западноевропейского сознания именованя «турецкий» и «мусульманский» были полными синонимами⁴⁷⁵, поэтому лейтмотивом антитурецких сочинений XV в. был призыв к освободительному крестовому походу против турок⁴⁷⁶. Для византийских же исторических сочинений конца XIV–XV вв. это было нехарактерно, поскольку их создатели неотступно следовали сложившейся литературной традиции, восходящей еще к Иоанну Дамаскину⁴⁷⁷, и идея крестоносного движения так и не укоренилась в сознании византийцев.

Религиозный аспект восприятия турок на протяжении столетий был превалирующим: носители мусульманской веры считались еретиками или даже язычниками, ислам – религией, враждебной христианству. В сочинениях византийских авторов конца XIV–XV вв. негативный образ турок не трансформировался, но лишь обогащался новыми отрицательными чертами.

Симеон Фессалоникийский сообщает, что после захвата Фессалоники в 1387 г. город «склонился перед варварами и получил их в качестве правителей»⁴⁷⁸. Вследствие этого «многие святые здания попали в их (турок. – *Н. Ж.*) лапы, и первой оказалась церковь Спасителя на акрополе, а также другие церкви, находящиеся там, включая ближайшие монастыри, которые были растоптаны и стали объектом насмешек и издевательств со стороны безбожников. Многие священные строения в городе были осквернены, их алтари были разрушены, а святые реликвии опоганены. А помимо прочего, священнейший из монастырей <...> стал из-за бесчисленных наших грехов,

⁴⁷⁵ Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной византистике. С. 265.

⁴⁷⁶ Особенно это отразилось в трудах итальянских гуманистов, таких как Эней Сильвий Пикколомини, Флавио Бьондо, Франческо Филельфо и др. См.: Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996. С. 67–68; Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought. P. 13.

⁴⁷⁷ См.: Khoury P. Jean Damascène et l'Islam. Wurzburg, 1994. P. 38–47.

⁴⁷⁸ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 42. 6–7.

увы, пристанищем скверных людей, <...> логовом разбойников, обителью демонов, где были крики и танцы убийц и богохульников»⁴⁷⁹.

Описывая период турецкого владычества, Симеон показывает жестокость завоевателей⁴⁸⁰ и особо подчеркивает, что объектом разрушений и осквернения стали в первую очередь святые места (храмы), стремясь продемонстрировать крайне враждебное отношение турок к христианским святыням. Сами же турки в целом представлялись Симеону жестокими и неистовыми «звероподобными существами», «безбожным народом»⁴⁸¹, «дикими зверями с раскрытыми пастьями»⁴⁸², «нечестивыми агарянами» «демонами», «варварами»⁴⁸³, «безбожниками, детьми Израилевыми, которые ропщут против Господа и жаждут свиного мяса»⁴⁸⁴.

К традиционной характеристике турок как диких и невежественных варваров добавляется не менее традиционное восприятие их как Божьей кары за грехи ромеев⁴⁸⁵. Причину всех бед жителей Фессалоники Симеон видит в греховности горожан, объясняя, что захват города турками есть «наказание за многочисленные грехи, которые посмели совершить верующие»⁴⁸⁶, из-за своего малодушия потерявшие надежду и веру в Бога.

Также и по мнению Иоанна Анагноста захват Фессалоники в 1430 г. стал следствием Божьего гнева: «Во всем виноваты наши грехи, ибо они вызвали против нас гнев Того, кто свободен от них, чтобы покарать нас»⁴⁸⁷. Он, как и Симеон, расценивает бедствия греков от турок как Божью кару за прегрешения византийцев.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 42. 29–36.

⁴⁸⁰ Учитывая, что Симеон составлял свой труд в период очередной, последней осады Фессалоники 1422–1430 гг., вероятной целью его было предостеречь жителей от повторной сдачи города туркам.

⁴⁸¹ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 46. 26.

⁴⁸² Ibid. P. 57. 12–13.

⁴⁸³ Ibid. P. 60. 15, 19, 30.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 63. 8–9.

⁴⁸⁵ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. С. 327; Meyendorff J. Byzantine Views of Islam. P. 115–120.

⁴⁸⁶ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 42. 19–20.

⁴⁸⁷ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 22. 8–9.

Подобные рассуждения встречаются и в труде историка Дуки. Захват Фессалоники в 1430 г. он воспринимает как следствие греховности христиан: «То были дурные и злосчастные первые плоды будущих бедствий, предрекающих падение имперской столицы. Дома были опустошены, храмы разорены, церковная утварь и священные реликвии оказались в нечистых руках. Нетронутые девы попали в лапы распутников, знатные дамы – в руки простолюдинов! Все вокруг обратилось в порок. Что, как, почему? Все это из-за грехов наших»⁴⁸⁸.

Расценивать военные успехи турок как Божье наказание за грехи христиан было традиционным для Византии. Подобная интерпретация мусульманских завоеваний восходит к св. Иоанну Дамаскину, который считал мусульман пособниками Антихриста⁴⁸⁹. Рассуждения на эту тему мы также находим у многих поздневизантийских авторов, среди которых можно отметить св. Григория Паламу, Алексея Макремволита, Иосифа Вриенния, Геннадия Схолария, Георгия Трапезундского, императоров Иоанна VI Кантакузина и Мануила II Палеолога⁴⁹⁰. Однако в трудах последних византийских историков эта идея отражена довольно слабо⁴⁹¹ – Лаоник Халкокондил и Михаил Критовул рассматривают завоевания мусульман как фатальное стечение обстоятельств, детерминированный процесс, поэтому для них возвышение османов стало закономерным и неизбежным событием. Георгий Сфрандзи практически не уделяет внимание каким-либо религиозным вопросам, и лишь у Дуки идея Божественного промысла представлена в какой-то мере: «Они (турки. – *Н. Ж.*) нападают на христиан, хватая их как овец, и сам Господь обратил свой гнев против нас в своем

⁴⁸⁸ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 251. 5–9.

⁴⁸⁹ Meyendorff J. Byzantine Views of Islam. P. 115–120.

⁴⁹⁰ Лобовикова К.И. Турки и турецкая экспансия в восприятии Георгия Трапезундского / Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / пер. с древнегреч. К.И. Лобовиковой. Самарканд, 2009. С. 132–134.

⁴⁹¹ См.: Досталова Р. Византийская историография (характер и формы). С. 31–33; Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 104–123; Turner C. J. G. Pages from late Byzantine Philosophy of history. P. 352–365.

безмолвном правосудии из-за многочисленных грехов нашего народа»⁴⁹². Турки-мусульмане, таким образом, воспринимались автором как справедливая и неминуемая Божья кара, которую христиане, несомненно, заслужили. Надо сказать, данный тезис красной нитью проходит через все повествование историка. У Сфрандзи же лишь однажды упоминается о том, что Бог, очевидно, руками турок наказывает христиан за какие-то грехи⁴⁹³. Тем не менее, очевидно, что восприятие турок как Божьего наказания стало общим местом практически во всех византийских произведениях подобного рода.

По мнению Симеона Фессалоникийского, турки – это «грабители, антихристы, восставшие против Христа, враги Церкви, вышедшие из врат ада, спутники дьявола, осквернители крови, обладающие пиратской и развратной жестокостью, демоны в человеческом обличье, враги Сына Божьего, нечестивые твари, отвергающие и Его Божественное воплощение, и Крест, и страсти Христовы, и святое Крещение и Воскресение, богохульствующие против Святого Духа! Они являются теми, кто преследует тех из нас, кто был благословлен и взывал к Христу и Его крови, и по этой причине противоборствовал бесам; [эти люди] подвергались гонениям нечестивцев и в особенности тех безбожников, которые превосходили неверующих в их неверии, распущенности и скверне»⁴⁹⁴.

Взгляды Симеона на воинственных иноверцев полностью совпадают с традиционным для византийской литературы образом турок как поработителей христианской веры. То же касается и Иоанна Канана, описывающего осаду Константинополя в 1422 г.: по его мнению, захват города повлек бы за собой «порабощение его народа, поругание его женщин, распутство в отношении целомудренных, обрезание младенцев, разрушение церквей, глумление над святыми образами и мудростью всевеличайшего Господа, чтобы вместо этого восхвалять Мухаммеда в обители демонов и

⁴⁹² Ducae Historia Turcobyzantina. P. 177. 6–8.

⁴⁹³ См.: Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 87. 9–13.

⁴⁹⁴ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 42. 7–16.

мечети Расула и Мухаммеда. Но более вредоносно другое, что хуже всего, в десять тысяч раз хуже самой страшной смерти – это порабощение святой веры христиан и их обращение в мусульманскую веру и обрезание во имя Мухаммеда»⁴⁹⁵.

С одной стороны, захватчики совершенно лишены каких-либо положительных качеств – они кровожадны, вероломны, развратны и жестоки. С другой стороны, ключевой характеристикой является их принадлежность к мусульманской религии – религии воинственной, враждебной христианству, попирающей все святые законы. В сочинении Симеона Фессалоникийского и отчасти Иоанна Канана именно этот аспект прослеживается особенно явно.

Как было показано в предыдущем параграфе, в сочинениях последних византийских историков термин «мусульманин» использовался крайне редко и в особых случаях. Однако по контексту все же можно проследить отношение авторов к мусульманскому вероучению. «Малая хроника», составленная Георгием Сфрандзи, показывает, что историк очень сдержан в оценке ислама и турок в целом. Тем не менее, в сочинении Сфрандзи наименование «неверный» или «нечестивый» (ἄσεβής) встречается едва ли не чаще, чем «турецкий». Очевидно, что для автора это абсолютные синонимы, и только это указывает на отношение писателя к туркам как представителям мусульманской религии.

При упоминании подготовительных мероприятий, предшествующих заключению церковной унии 1439 г., историк отмечал, что «собор был единственным и самым значительным обстоятельством, приведшим к нападению нечестивых, которое те предприняли против нашего Города, и которое окончилось осадой, нашим порабощением и великими нашими несчастиями»⁴⁹⁶. Такая характеристика турок впервые встречается в произведении, но с этого момента все немногочисленные упоминания о

⁴⁹⁵ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 66–67. 345–355.

⁴⁹⁶ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 80. 26–30.

турках носят резко негативный характер, что, несомненно, замешано на горечи пережитых автором невзгод⁴⁹⁷.

В отношении мусульманской веры мы не наблюдаем со стороны Сфрандзи никаких ярко окрашенных оценок – он дипломатично обходит стороной вопрос о межконфессиональных различиях христиан и мусульман. Напротив, для Сфрандзи кажется вполне естественным наличие у османов веры с отличными от христианских обычаями и обрядами. Любопытно, что историк, рассказывая о турецком посольстве при дворе императора Мануила II Палеолога, сообщает, что «турки <...> с удивлением говорили, что он (Мануил. – *Н. Ж.*) похож на основоположника их веры Мухаммеда»⁴⁹⁸. Очевидно, Сфрандзи оценивал реакцию турок от встречи с василевсом как положительную, добавляя, что «некогда и Баязид, враг его, сказал о нем, что даже тот, кто не знает, что он василевс, едва взглянув, сказал бы, что ему пристало царствовать»⁴⁹⁹.

Несмотря на порой откровенно враждебное отношение Сфрандзи к захватчикам его родины (например, в одном из фрагментов сочинения он называет турок «творцами зла»⁵⁰⁰), автор отмечал, что его «жена и дети были взяты в плен старыми и добрыми турками»⁵⁰¹. Таким образом, Сфрандзи показывает возможность межэтнического диалога между турками и греками, невзирая на конфессиональные отличия. Для него османы – это, несомненно, враги, принесшие много бед его родине, но в то же время они предстают в интерпретации автора соседями, порой даже партнерами, которые помимо отрицательных качеств имеют также и некоторые достоинства.

Сфрандзи не уделяет внимания религиозным вопросам, концентрируя внимание читателя на описываемых им событиях и фактах. Можно отметить,

⁴⁹⁷ После захвата города Сфрандзи вместе с семьей попал в турецкий плен и был разлучен с детьми, которые были направлены в гарем Мехмеда II.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 22. 16–18.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 22. 18–21.

⁵⁰⁰ Ibid. P. 152. 16–17.

⁵⁰¹ Ibid. P. 134. 19.

что из всех четырех историков Георгий Сфрандзи – самый беспристрастный и сдержанный рассказчик.

Историческое произведение другого поздневизантийского историка Дуки, на первый взгляд, по стилю и композиции напоминает хронику Сфрандзи, однако Дука в своем произведении с большей решимостью, чем Сфрандзи, расставляет акценты. Несмотря на то, что в историографии Дука прослыл убежденным латинофилом⁵⁰² ввиду его повсеместных замечаний в поддержку союза с Западом, он, тем не менее, так же не был заинтересован в рассмотрении религиозных вопросов – даже заключение Флорентийской унии 1439 г. писатель расценивает лишь как политический акт, необходимый империи на тот момент.

Несмотря на враждебное отношение Дуки к исламу, он все же признавал его в качестве вероучения: в приведенной Дукой беседе между турецким чиновником и албанским рабом последний, в ответ на вопрос турка относительно его вероисповедания, говорит, что «раньше был неверным (καβούρο), теперь же мусульманин»⁵⁰³. Любопытно, что в данном случае автор, цитируя албанца-рenegата, использовал для характеристики христиан именно такой термин, который в самом деле мог быть применен по отношению к лицу, не исповедовавшему ислам. Отсюда ясно, что Дука четко разграничивал два противоборствующих вероучения, взаимно отвергающих друг друга, но при этом объективно уравнивал их, указывая, что для турок-мусульман представители христианского вероучения были такими же неверными нечестивцами, как и османы для христиан.

По мере приближения повествования к событиям, непосредственным современником или участником которых был автор, его оценки приобретают более острый, яркий характер. Рассуждая о бедах христиан в захваченном Константинополе, Дука, преисполненный горечи из-за страшной участи,

⁵⁰² Бибиков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии. С. 290–291; Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка. С. 97–111.

⁵⁰³ Duae Historia Turcobyzantina. P. 143. 2–3.

постигшей его город, сетовал, что теперь «Великая Церковь... стала алтарем варваров, была переименована и обращена в дом Мухаммеда»⁵⁰⁴, а «один из его мерзких священников вошел на кафедру и вознес свою скверную молитву. Дитя зла, предтеча Антихриста, взошедший на святой алтарь»⁵⁰⁵. Так, некоторые рассуждения Дуки выдержаны в том же тоне, что и пылкие антиисламские высказывания Симеона. Дука выступал ярким противником ислама и нередко проявлял нетерпимость по отношению к мусульманскому вероучению, являясь горячим ревнителем христианства.

Георгий Сфрандзи же не был столь категоричен в отношении мусульман и не делал грубых акцентов на межэтнических и конфессиональных различиях турок и византийцев. Однако даже хладнокровный и сдержанный Сфрандзи не в силах умолчать о бедах и лишениях, постигших христиан в результате завоевания турками Византии. При этом победоносное шествие мусульман по христианским землям обоими авторами воспринималось как заслуженное наказание Господа за многочисленные грехи ромеев, а турки и их правители зачастую выступали в качестве предтеч Антихриста или посланников Сатаны.

Историк Критовул за объяснением причин порабощения ромеев нередко обращается к Божественному провидению. Повествуя о различных приметах и знамениях, предшествующих захвату города, он указывает, что «много других удивительных и необычных знаков указывало на Божественные силы, предвещавшие будущее и ознаменовавшие новый порядок вещей»⁵⁰⁶.

Очевидно, что Критовула не особо интересовали конфессиональные вопросы – невозможно проследить отношение Критовула к исламу и его представителям, поскольку автор старательно замалчивает обстоятельства турецких бесчинств в отношении христиан. Даже рассуждая о разграблении церкви и поругании церковных служителей, писатель лишь сообщает сами факты, никак не оценивая их.

⁵⁰⁴ Ibid. P. 375. 28–30.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 375. 18–21.

⁵⁰⁶ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 37.

После захвата Константинополя Мехмедом II были приняты меры по репопуляции города⁵⁰⁷, о которых Критовул также упоминает. Однако даже здесь автор обходит стороной притеснения христианского населения. Историк не просто не касается, но прямо избегает обращаться к вопросу религиозной и этнической принадлежности турок. Так, говоря о возможности переселения людей из других частей турецкого государства, Критовул указывает, что Мехмед распорядился, что это будут «не только христиане, но и люди его собственного рода, а также евреи»⁵⁰⁸.

Лаоник Халкокондил, как Критовул и Сфрандзи, совершенно не акцентирует внимания на религиозных вопросах. В его сочинении можно встретить лишь косвенные упоминания о религиозной принадлежности того или иного народа, которые он описывает. Так, он пишет, что «ливийский народ говорит по-арабски, следует религии Мухаммеда и одевается отчасти как варвары, отчасти как иберы»⁵⁰⁹. Здесь, как и в случае с Критовулом, автор не дает своей оценки мусульманскому вероучению.

Гораздо больший интерес представляет не личное отношение автора к исламу и его приверженцам, а место, которое османы в глазах Халкокондила занимают в азиатском мире.

Почти вся первая книга сочинения Халкокондила посвящена ранней турецкой истории, что соответствует, по утверждению автора, основной его задаче – показать возвышение османского государства⁵¹⁰. Писатель делает акцент на взаимоотношениях османских правителей с главами соседних султанатов, поскольку они наиболее ярко освещают завоевательную деятельность и военные успехи турок-османов на заре становления их государства.

⁵⁰⁷ См.: Inalcik H. The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 229–249.

⁵⁰⁸ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 90.

⁵⁰⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 142. 33.

⁵¹⁰ Ibid. P. 2. 1.

В XIII–XIV вв., по мнению американского ученого Сп. Вриониса, присутствие турок в Анатолии стало определяющим фактором становления на этой территории двух соперничающих сил – с одной стороны, это отдельные бейлики, с другой – Османское государство⁵¹¹. По данным Халкокондила, отношения между отдельными мусульманскими правителями и военачальниками были чрезвычайно сложными и неоднозначными. Повествуя о становлении османской династии, Халкокондил сообщает, что полководцы Аллаэдина⁵¹² после его смерти предложили Осману вести совместные военные действия в отношении «эллинов», и, «как говорят, Осман согласился с ними, и поклялись они друг другу быть союзниками и соратниками»⁵¹³. Именно этим союзом Халкокондил объясняет успех Османа в покорении новых земель: «Так, они впоследствии будут все войны вести вместе и выступать против стольких земель, скольких смогут»⁵¹⁴.

Однако, судя по данным историка, отношения первых правителей османской династии с правителями султанатов отличались нестабильностью. По мнению Халкокондила, Орхан, наследник Османа, не сумел сохранить мир в бейлике своего отца и не стремился к мирному сосуществованию с правителями соседних султанатов: «Говорят, что его (Орхана. – *Н. Ж.*) отношения с варварскими азиатскими правителями ухудшились: некоторых из них он сделал своими союзниками и вел войны с оставшимися. То было вскоре после его женитьбы на дочери Кантакузина, недавно ставшего василевсом эллинов. Совершив это, он заключил мир с эллинами и продолжил вести войну с теми варварскими правителями Фригии, с которыми был в ссоре»⁵¹⁵.

⁵¹¹ Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 43; Langer W. L., Blake R. P. The Rise of the Ottoman Turks and Its Historical Background // The American Historical Review. 1932. Vol. 37. № 3. P. 468-505.

⁵¹² Аллаэдин III Кей-Кубад (1283-1304 гг.), сельджукский султан.

⁵¹³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 20. 13.

⁵¹⁴ Ibid.

⁵¹⁵ Ibid. P. 37. 27.

Из повествования Халкокондила ясно, что османы с самого их появления в Анатолии и на Балканах вели себя как неоспоримый лидер, диктовавший свою волю другим мусульманским эмирам. Так, сообщает Халкокондил, после смерти Орхана в 1359 г. до его преемника Мурада I «дошли вести, что варварские азиатские правители собрались вместе и заняли многие его земли. <...> И как только Мурад о том услышал, он возвратился в Азию, совершил необходимые приготовления и выступил против них, готовый сделать все, что может, дабы победить их»⁵¹⁶. В данном эпизоде нет и намека на родственность происхождения османов и других азиатских народов, которые показаны как враги и захватчики османских земель. Сведения Халкокондила о дальнейшем поведении азиатских руководителей подтверждают тот факт, что историк стремился выделить османских правителей как единственно возможных предводителей анатолийского мира: «<Азиатские> правители отправили послов, ища мира и сотрудничества, понимая, что они должны следовать за Мурадом, куда бы он их ни повел»⁵¹⁷.

Историк писал, что Мурада уважали и другие правители, и даже завоеватель Тимур предпочитал не вести с ним войн⁵¹⁸. Гораздо более сложные отношения связывали этого полководца с наследником Мурада Баязидом I. Этому конфликту посвящен любопытный фрагмент в сочинении Халкокондила.

Баязида I, по мнению Халкокондила, боялись и опасались все азиатские правители. Военная агрессия османского султана вынудила их обратиться за помощью в Самарканд к Тимуру, владения которого граничили с новыми приобретениями Баязида⁵¹⁹. По словам Халкокондила, Тимур не желал войны с Баязидом, полагая, что они, как представители родственных народов и одной религии, смогут мирно договориться. Тимур, согласно византийскому

⁵¹⁶ Ibid. P. 62. 43.

⁵¹⁷ Ibid.

⁵¹⁸ Ibid. P. 90. 59.

⁵¹⁹ Ibid. P. 105. 9.

историку, уважительно отзывался о завоеваниях Баязида на Балканах, считая его своим союзником в деле противостояния немусульманским народам. «Известно же, – пишет автор, – что мир поделен на две религии – [религию] Иисуса и другие, которые исповедуют иные заповеди»⁵²⁰. Тимур снисходительно отнесся к вторжению Баязида на его территории, убеждая султана, что «поскольку Баязид сражался против вражеских героев, последователи Мухаммеда не должны гневаться, но должны благодарить его за это»⁵²¹. Однако Баязид не внял вежливому предупреждению Тимура, высокомерно ответил его послам: «Вы и те в Азии, кто принадлежит нашей религии, должны быть благодарны мне за избавление от ваших худших врагов. Однако ж вы, вместо того, чтобы любым способом содействовать мне войсками и деньгами в моей борьбе, даете лишь ненужные советы»⁵²².

Халкокондил показывает некую солидарность мусульманских правителей, которую и Тимур, и Баязид проявляют в различной мере. И хотя историк определяет ислам просто как «другую» религию, он, однако, признавал его самостоятельным вероучением, которое осознанно противопоставлялось христианскому как самим автором, так и персонажами его сочинения.

Отношения Баязида и Тимура обострились к 1401 г. Халкокондил описал переговоры между султаном Баязидом I и Тимуром накануне их столкновения у Анкары в 1402 г.⁵²³, закончившегося поражением войск султана. Тимур был обеспокоен азиатскими завоеваниями Баязида, однако хотел обсудить ситуацию с султаном, который помнил «о старой связи с народом Тимура и его религией»⁵²⁴. Тимур, желая избежать недопонимания, «отправляет послов Баязиду, чтобы заключить с ним мир, если это возможно.

⁵²⁰ Ibid. P. 166. 50.

⁵²¹ Ibid.

⁵²² Ibid. P. 168. 53.

⁵²³ См.: Alexandrescu-Dersa M. M. La champagne de Timur en Anatolie (1402). P. 33–38; Руи Гонсалес де Клавиho. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. со староиспанского, предисловие и комментарии И. С. Мироковой. М., 1990. С. 66–69.

⁵²⁴ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 164. 50.

Также он посылает одеяния, чтобы угодить Баязиду, в соответствии с обычаями азиатских правителей»⁵²⁵. Таким образом, историк указывает на родственность происхождения и обычаев азиатских народов (с которыми напрямую отождествляет турок), что, вероятно, являлось достаточным аргументом для прекращения разногласий между правителями. Тимур предложил султану увести войска с территорий, находившихся под его управлением, отмечая, что «если не будешь ты расположен к людям твоего рода, как будешь ты бороться против врагов твоих?»⁵²⁶. Однако Баязид пренебрег увещеваниями Тимура, отверг предложение о мире и вдобавок оскорбил жену последнего⁵²⁷, что, по мнению Халкокондила, сыграло немалую роль в объявлении Тимуром войны султану⁵²⁸. Так, пишет автор, «турецкое могущество будет расширяться на Запад, однако <сейчас> было приостановлено правителем Тимуром на самом его пике»⁵²⁹.

Данный сюжет показывает желание Халкокондила подчеркнуть родственность азиатских народов друг другу, что, по сути, они должны быть связаны одними целями, поскольку и воины Тимура, и османы под руководством Баязида имеют общее происхождение и схожие обычаи.

Однако основой таких отношений, по мнению историка, являлось соперничество за право встать во главе малоазийских народов в борьбе против христианских государств. Византийский историк стремится описать как успехи турецких войск, так и их неудачи. Османские правители, по убеждению Халкокондила, были лишь немного более удачливыми и амбициозными, нежели руководители других султанатов. Таким образом, турки в первый век правления османской династии воспринимались Халкокондилем как неоспоримый лидер в Анатолии и на Балканах,

⁵²⁵ Ibid. P. 166. 51.

⁵²⁶ Ibid. P. 168. 52.

⁵²⁷ Жена Тимура, однако, уговаривала мужа «не ссориться с Баязидом, человеком их религии, достойным похвалы за его борьбу против христиан, но оставить его с миром и не чинить ему препятствий». См.: Ibid. P. 170. 54.

⁵²⁸ См.: Ibid. P. 170, 172. 55–56.

⁵²⁹ Ibid. P. 176. 59.

сознающий себя главным претендентом на звание властителя всего мусульманского мира.

Интересен и тот факт, что Халкокондил рассматривает арабов отдельно от азиатских народов. Турок он относил именно к азиатским народам, в то время как на арабах останавливается особо, говоря, что «род арабов велик и процветает, <...> страна <их> превосходит все азиатские страны. Она населена очень культурными людьми, знающими свою религию»⁵³⁰. Отметим, что, в отличие от Халкокондила, историк Дука не проводил четкой границы между арабами и другими мусульманскими народами – повествуя о Баязиде I, автор называет его последователем «религии арабов»⁵³¹, хотя в данном случае это скорее простое указание на то, что ислам возник в Аравии.

Историк Критовул также не выделяет турок в качестве отдельного азиатского народа – в начале своего сочинения писатель, объясняя, почему он пишет по-гречески, говорит, что делает это для того, чтобы «не только персы и арабы и те, кто знаком с их языком, <...> не только греки, но и западные народы <...> узнали об этих делах»⁵³².

В арабах Халкокондил видит более культурный и развитый народ, нежели во всех азиатах, сообщая, что «этот народ считался священным и благословенным, поскольку Законодатель Мухаммед был оттуда»⁵³³. Халкокондил подчеркивает, что «сын Али, Мухаммед, их законодатель <...> никого не заставлял принимать его учение, но лишь обратил в свою веру арабов и сирийцев»⁵³⁴. Таким образом, автор обращает внимание скорее на культурный уровень и обычаи тех или иных народов, нежели на их религиозные предпочтения, так как именно в случае с тюркскими и арабскими мусульманами мы видим, что для Халкокондила приверженцы ислама отнюдь не равны. А тот факт, что в своем повествовании автор

⁵³⁰ Ibid. P. 192, 194. P. 13.

⁵³¹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 39. 4–5.

⁵³² Critobuli Imbriotae Historiae. S. 5.

⁵³³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 194, 196. 14.

⁵³⁴ Ibid. P. 196. 15.

обстоятельно и беспристрастно описывает мусульманские обычаи и культовую практику ислама⁵³⁵, подтверждает вывод, что для историка мусульмане во многом представляются фактически равными христианам по своим убеждениям⁵³⁶.

В отношении этнической и религиозной принадлежности турок оценки историка Критовула совершенно нейтральны. Отождествляя их с персами и арабами, писатель ни разу за все сочинение не использовал этноним «турки» или «османы», говоря обычно «они отправились» или «воины устремились», лишь изредка характеризуя их как «неприятелей» (οἱ πολέμιοι)⁵³⁷ или «нападающих», которыми они были в глазах греков. Лишь при описании смерти Орхана, родственника султана, Критовул сообщает, что тот был «из рода Османов»⁵³⁸.

Как было показано ранее, в сочинении Халкокондила, напротив, этноним «турки» встречается повсеместно, лишь изредка изменяясь на «османы», однако зачастую под турками автор понимает некую целостную тюркоязычную общность, расселившуюся по всей Азии. В начале своей «Истории» писатель приводит несколько версий происхождения турок. Он пишет, что «некоторые думают, что турки – это потомки скифов»⁵³⁹, так как те имеют такие же обычаи и похожий язык. Отчасти автор согласен с этим, поскольку турки, как и скифы в свое время, «сейчас рассеяны по всей Азии, <...> и до сих пор варварские турки, которые живут в нижних частях Азии, в Лидии, Карию, Фригии и Каппадокии, говорят на таком же языке и во многом используют то же снаряжение, что и скифы, которые живут в Сарматии у Танаиса»⁵⁴⁰.

⁵³⁵ См.: Ibid. P. 196–204. 15–20.

⁵³⁶ Автор отмечает наличие единого Бога у мусульман, признание Христа посланником Божьим и т.д.

⁵³⁷ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 39.

⁵³⁸ Ibid. S. 73.

⁵³⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 10. 9.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 12. 9.

Затем автор приводит точку зрения, по которой турки являются потомками парфян, и, поскольку они ведут кочевой образ жизни, то их можно называть турками⁵⁴¹. Очевидно, что Халкокондил выводит происхождение турок из азиатских кочевых племен. Но он также допускает мысль, что турки-кочевники могли быть «последователями Омара⁵⁴², который распространил учение Мухаммеда и получил контроль над Азией»⁵⁴³. Однако автор оговаривался, что определенно не может сказать, какая из этих теорий наиболее правдива⁵⁴⁴, но сам он вполне согласен, что турки являются потомками скифов ввиду схожести языка и нравов.

Халкокондил проявляет поразительную осведомленность, рассуждая об отдельных племенах турок, из чего следует, что из всех последних византийских историков он лучше других был осведомлен о различиях между турецкими бейликами⁵⁴⁵.

Несмотря на то, что турки уже с начала сочинения историка выступают как более отсталый в культурном и военном отношении народ, нежели все другие, он все же упоминает, что предводитель турок Сулейман был «храбрым военачальником»⁵⁴⁶, при этом именует его василевсом. Василевсом также является и Мурад I в глазах турецкого военачальника, беседу которых Халкокондил приводит, описывая организацию очередного военного похода Мурада⁵⁴⁷, и Баязид I⁵⁴⁸. Вероятно, под словом «василевс» Халкокондил подразумевал просто «правитель» или «царь». Этот вывод справедлив также и потому, что такое применение данного титула вполне соответствовало желанию историка «эллинизировать» стиль своего сочинения, что подтверждается использованием этого термина по отношению и к западноевропейским, и балканским правителям.

⁵⁴¹ Ibid. P. 12. 10.

⁵⁴² Второй праведный халиф (634–644 гг.).

⁵⁴³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 12, 14. 10.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 14. 10.

⁵⁴⁵ См.: Turner C. J. G. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. P. 360.

⁵⁴⁶ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 50. 35.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 76. 51.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 96. 4–5.

Очевидно, что Халкокондил практически не противопоставляет азиатские народы друг другу – для него все они – это последователи Мухаммеда, которые понимаются как отдельный, недружелюбный к христианскому, мусульманский мир. Однако, несмотря на уважительное отношение Халкокондила к исламу, многих его приверженцев (в частности, всех азиатов) он характеризует как варваров, что показывает, в целом, противопоставление христианского мира «варварскому» азиатскому, где арабы, однако, занимают особое положение как более развитый народ.

В большинстве рассмотренных сочинений содержатся преимущественно негативные оценки мусульманского вероучения – клишированные и стереотипные. Это говорит о том, что в сочинениях поздневизантийских писателей, несущих на себе печать литературной традиции, существовал практически неизменный набор штампов, включающий в себя восприятие мусульман как демонических созданий, предтеч Антихриста, гонителей христианской веры, Божьей кары и пр. Интересно, однако, отношение византийских историков к азиатским народам, которые исповедовали ислам – для образованных византийцев XV в. мусульмане уже не были монолитной абстрактной враждебной силой. Эта трансформация во взглядах византийских писателей хоть и была закономерной, но, в сущности, не меняла общий тон их произведений.

Писатели понимали, что и для мусульман христианское вероучение было чужим и непонятным. Так, на примере произведений рассмотренных авторов мы наблюдаем существование некой зеркальности в восприятии друг друга. Обе стороны в равной степени демонстрировали враждебность, но в то же время отмечали и наличие достоинств у противника.

Это явно отразилось в одних из самых значительных полотен византийской историографии – в сочинениях Халкокондила, Критовула и Сфрандзи. Отсюда следует, что после захвата Византии в сознании византийских историков происходила ломка традиционных стереотипов, выражавшаяся в отсутствии однозначно негативных характеристик

мусульманского вероучения. Безусловно, для всех рассмотренных писателей турки-мусульмане были врагами, поработителями Отечества и христиан и, в сущности, эти два религиозных мира остались непроницаемы друг для друга⁵⁴⁹. Однако на смену клишированным оценкам приходило осознание, что османы отныне являются полноправными участниками исторического процесса, к которым прежние оценочные категории уже были неприменимы.

3.3. Морально-этическая характеристика турок

Традиционным в современной науке является мнение, выдвинутое американским ученым греческого происхождения Сп. Врионисом, что взаимосвязанные процессы деэллинизации и исламизации в так называемой «зоне контакта»⁵⁵⁰ турок и греков являются основными движущими силами в освоении турками византийского мира⁵⁵¹. Турки в данном случае выступают в качестве внешней враждебной силы, которая была разрушительной для эллинизма⁵⁵². Однако, как показывают сведения византийских писателей конца XIV–XV вв., опыт взаимодействия греков и турок на завоеванных османами территориях не был однозначно негативным.

Так, еще в середине XIV в. византийский интеллектуал и богослов Григорий Палама (1296–1359), бывший архиепископом Фессалоники в 1347–1359 гг., попав в 1354 г. в плен к турецким пиратам⁵⁵³, получил неоценимый опыт общения с османскими завоевателями, пробыв у турок около года. Его

⁵⁴⁹ Мейендорф И. Византийское наследие в Православной Церкви. Киев, 2007. С. 153.

⁵⁵⁰ Территории, находящиеся под властью турок, например, Анатолия. Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной византистике. С. 260.

⁵⁵¹ См.: Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 43–71.

⁵⁵² Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной византистике. С. 260.

⁵⁵³ См.: Dennis G. T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike. P. 256; Pahlitzsch J. Byzantine Saints in Turkish Captivity in Anatolia (Late Thirteenth to Fourteenth Centuries) // Union in Separation. Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800). Roma, 2015. P. 225–228.

впечатления нашли отражение в «Письме своей церкви»⁵⁵⁴, составленном, вероятно, в конце 1355 г.

Не отходя от традиционного для византийских авторов восприятия мусульман, Палама характеризует турок как поработителей, варваров, погрязших в распутстве и содомском грехе, любителей наживы и убийств: «Живут они постыдно, не по-человечески и богопротивно, <...> они живут луком и мечом, в распутстве, находя удовольствие в порабощении людей, убивая, грабя и похищая, предаваясь бесчинству, разврату, содомскому греху. И они не только совершают все это, но и вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия»⁵⁵⁵.

Однако архиепископа удивляла относительно благоприятная картина жизни христиан на завоеванных османами территориях. Он отмечает, что христианам не возбранялось исповедовать свою веру, местное население сохраняло свои традиции и не притеснялось со стороны завоевателей. Палама также сообщает, что стражи терпимо относились к пленным: им позволяли посещать любые места, встречаться с кем угодно и жить там, где они хотели бы: «Как только стражники приводили нас в указанную им местность или город, каждый из них уходил к своим близким, позволяя нам жить, где мы хотим, посещать, что мы хотим, и встречаться, с кем бы мы ни пожелали»⁵⁵⁶.

В надежде получить выкуп турки предпочитали держать пленников при себе, передав их, однако, на содержание местным христианам. Так, во всех малоазийских городах, в которых Паламе пришлось побывать за время плена, он со своими спутниками находил кров и утешение у христианского населения. К примеру, в одном из городов местный чиновник «предоставил нам возможность проповедовать в церкви, как это принято, и утешать духовно как местных христиан, так и приводимых туда пленников»⁵⁵⁷.

⁵⁵⁴ Gregory Palamas. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive. P. 411–432.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 414.

⁵⁵⁶ Ibid. P. 424.

⁵⁵⁷ Ibid.

В Бурсе Паламу принял на постой Исмаил, внук османского правителя Орхана. Исмаил произвел на архиепископа благоприятное впечатление: Палама описывает его как человека, сведущего в религиозных вопросах, учтливового и в целом приятного собеседника.

Именно в Бурсе состоялся диспут Паламы с так называемыми хионами о христианской вере, который инициировал сам эмир Орхан. Не углубляясь в содержание этой беседы, обратим внимание, кем были эти хионы. По их собственным словам, они «научены десяти заповедям, которые принес Моисей, высеченным на каменных скрижалях. Мы также знаем, что турки им привержены. Оттого мы оставили веру, которую имели раньше, пришли к ним и стали турками тоже»⁵⁵⁸.

Таким образом, хионы, которых эмир пригласил для ведения богословского диспута с архиепископом Паламой, по своему этническому происхождению не принадлежали к туркам. По словам Паламы, хионы – «скорее, иудеи, нежели мусульмане, посему я буду говорить с мусульманами [но не иудеями]». Согласно рассуждениям И. Мейендорфа, хионы также не были и евреями. Этот вывод ученый делает на основе более раннего документа, в котором о хионах говорится так: «Они предстали перед судом в Фессалонике за отречение от истинной веры и принятие иудаизма»⁵⁵⁹. Отсюда следует, что хионы – это бывшие христиане, принявшие иудаизм. Такой интересный феномен можно объяснить тем, что османское правительство благосклонно относилось к иудеям, а обратившиеся христиане, таким образом, могли получить определенные социальные привилегии, «стать турками», не отрекаясь полностью от Священного Писания.

Так, диспут с хионами не был элементом антимусульманской полемики, но, скорее, антииудейской. Турки были удовлетворены доводами Паламы,

⁵⁵⁸ Gregory Palamas. To the Atheist Chiones. An Exchange Written by, and Taken Place in the Presence of, Taronites the Doctor, an Ear-witness. P. 418.

⁵⁵⁹ См.: Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение. СПб., 1997. С. 151.

однако негодующие хионы даже попытались напасть на архиепископа. Тот факт, что данный богословский диспут состоялся по инициативе османского правителя, показывает, во-первых, веротерпимость турецкой власти, во-вторых, открытость диалогу с представителями иных религий. Эмир, будучи мусульманином, выступил в данном случае в роли арбитра между иудеями и христианами. Соответственно, позиция турецких властей была такова: завоеванное население имеет возможность следовать своим религиозным традициям при условии, что ислам будет играть ведущую роль.

Григорию Паламе, побывавшем в турецком обществе на завоеванной османами территории, многие турки показались спокойными и рассудительными людьми, любителями поучаствовать в богословских диспутах, умеющими внимать доводам собеседника. По словам архиепископа, «один из них сказал: "Настанет когда-нибудь время, когда мы придем к согласию друг с другом". И я согласился с этим и высказал пожелание, чтобы такое время пришло как можно скорее»⁵⁶⁰.

Надо сказать, подобные отзывы неоднозначно воспринимались в византийском интеллектуальном сообществе. К примеру, давний противник Паламы по богословским спорам Григорий Акиндин еще задолго до пленения архиепископа считал подобные отзывы о «неверных» преступными, а другой полемист Никифор Григора нарочно преувеличивал злключения Паламы, указывая, что они были следствием Божьего наказания за то, что тот поддерживал протурецкую политику Иоанна Кантакузина⁵⁶¹.

Для Паламы не существовало собирательного образа турка: писатель воспринимал завоевателей как отдельных индивидов, наделенных как положительными, так и отрицательными качествами⁵⁶². Несомненно, положение пленного скорректировало взгляды архиепископа в отношении османов. В этом немаловажную роль сыграло то, что Палама, во-первых, лично познакомился с некоторыми турками и имел возможность вести с

⁵⁶⁰ Gregory Palamas. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive. P. 429.

⁵⁶¹ Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. С. 148–149.

⁵⁶² Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. С. 328.

ними беседы, а во-вторых, положение христиан, оказавшихся на завоеванных территориях. На протяжении всего времени, которое Паламе пришлось находиться в плену, архиепископ, по большей части, жил с христианами и даже имел возможность проповедовать.

Пребывание Григория Паламы в плену не омрачилось лишениями и страданиями, которые можно было ожидать со стороны турецких пиратов. Находясь в адекватных условиях, архиепископу удалось получить сведения о жизни христианского населения на оккупированных османами территориях и пообщаться с различными представителями турецкой власти. «Письмо своей церкви» свидетельствует, что подобный опыт оставил глубокий отпечаток в восприятии Григорием турок и османского владычества. Турки уже не были безликой враждебной ордой, сметающей в своем варварском неистовстве византийское культурное своеобразие. Они оказались снисходительными господами, вдумчивыми и вполне учтивыми собеседниками, чему, кажется, и сам писатель был удивлен.

Однако свидетельство Паламы – уникальное в своем роде. Скорее всего, другим византийским интеллектуалам не представлялось возможности столь близко и продуктивно взаимодействовать с турками, поэтому их сочинения более явно несут в себе отпечаток традиции, а потому содержат преимущественно стереотипные оценки восточных соседей.

Тем не менее, согласно предшественнику Симеона Фессалоникийского по архиепископской кафедре Исидору Главе (1380–1396), турки проявляли известную веротерпимость и предоставляли налоговые льготы жителям захваченной в 1387 г. Фессалоники⁵⁶³. Исидор сообщает этот факт, оговариваясь однако, что «не стоит прельщаться увещеваниями и посулами неверных и [следует] стойко переносить тяготы»⁵⁶⁴. Таким образом, даже некоторые благодеяния со стороны османов не могли заставить

⁵⁶³ Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam. S. 17; Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica. P. 58.

⁵⁶⁴ Цит. по: Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam. S. 17.

образованных византийцев в их произведениях отклониться от традиционного клише, обозначающего турок как жестоких и вероломных варваров.

Подтверждением тому служат рассуждения Симеона Фессалоникийского. Писатель не отрицал, что подобные благосклонные жесты со стороны османов имели место. Однако, по мнению архиепископа, «язычники лицемерно проявляли мягкость, поскольку они разевали рты на великий имперский город и явно думали лишь о его захвате, ибо не будь этого, они бы сравнивали Фессалонику с землей, как сделали это с Прусой, Никеей и особенно с Филадельфией»⁵⁶⁵. Так, Симеон связывал терпимое отношение турок к населению Фессалоники с тем, что основной их целью было завоевание Константинополя, и лишь поэтому усилия захватчиков не были направлены на ущемления и издевательства греков.

У Иоанна Анагноста завоевание Фессалоники в 1430 г. оставило тяжелые воспоминания: турки были «словно рой пчел или как дикие звери, вопя и жажда разрушений, были везде – в священных храмах, святых монастырях, на улицах и в домах; <...> [они] набросились на нас словно кровожадные волки, жаждущие добычи. Они как попало волокли мужчин, женщин и детей, людей всех возрастов, связав их словно неразумных животных»⁵⁶⁶.

По его словам, было захвачено около семи тысяч горожан, «везде были слезы и траур, дети и воспитанники, привыкшие к заботе материнских рук, взывали к ним с жалобными криками, в то время как их матери, расцарапывая в кровь свои щеки, искали их. <...> Многие девы, доселе не виденные ни одним мужчиной, никогда не смевшие сделать и шага из родительского дома, охраняемые, дабы затем вступить в законный брак и не известные большинству людей, были ввергнуты в руки мужчин и принуждены сожительствовать с ними в палатках. <...> И монахов оставляли

⁵⁶⁵ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 43. 14–17.

⁵⁶⁶ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 40. 6–21,

вместе с женщинами – такое постыдное дело! – а те, кто так сделал, громко смеялись»⁵⁶⁷. Турки, таким образом, предстают перед читателем совершенно в ином свете, нежели это было в начале сочинения Анагноста: это дикий и разнузданный, жадный и распутный народ, стремящийся попать христианские ценности и нажиться на бедствиях византийцев.

Столкнувшись с реальной картиной завоевания, нейтральные оценки Анагноста уступили место исключительно пейоративным характеристикам захватчиков, которые, очевидно, также проявились в результате конкретного негативного опыта столкновения с врагом. Анагност, будучи свидетелем описываемых событий, наблюдал за жизнью горожан и после завоевания Фессалоники⁵⁶⁸, что добавляло штрихи в его характеристику турок.

Город подвергся жесточайшему разрушению, «все в городе было разорено и разгромлено, ничто не осталось невредимым, ни святые церкви и монастыри, ни простые дома»⁵⁶⁹. Причину этого автор видит в том обстоятельстве, что многие богатые жители, желая сохранить свои сокровища, прятали их в церкви и гробницы, надеясь, что, возможно, их потомки смогут воспользоваться этими богатствами. Их надежды, однако, не оправдались – турки угрозами и уговорами, обещая горожанам свободу, выманивали сведения о запрятанных деньгах и ценностях. По словам Анагноста, «будучи хитрыми и сообразительными, имея в этих делах большой опыт, турки увещевали своих пленников, соблазняя их обещаниями, особенно же женщин, ибо их легко сбить с толку»⁵⁷⁰. Подобные увещевания, ко всему прочему, приносили желаемый результат: фессалоникийцы отдавали не только свои сбережения, но также сообщали о тайниках своих соседей. Таким образом, к конструируемому образу захватчиков добавляются такие качества, как расчетливость, хитрость и сообразительность.

⁵⁶⁷ См.: Ibid. Σ. 42, 44. 15–31, 1–9.

⁵⁶⁸ Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. P. 353.

⁵⁶⁹ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 44. 19–22.

⁵⁷⁰ См.: Ibid. Σ. 46. 11–24.

Заметив, что греки трепетно относятся к мироточивым останкам св. Димитрия, турки выспрашивали их о том, какую ценность представляет миро для христиан. Уверенные в его целебных свойствах, они набирали миро в емкости с целью увезти на родину или выгодно продать⁵⁷¹. Очевидно, османы были хорошо осведомлены о христианских обычаях и старались извлечь из этого возможную выгоду.

Анагност сетует, что многие церкви и монастыри были обращены в мечети, общественные здания или «места сбора его (султана. – *Н. Ж.*) людей»⁵⁷², однако другие были возвращены под власть монахов. К слову, базилика св. Димитрия – главный собор города – не была обращена в мечеть (по крайней мере, сразу после захвата), а была отдана христианам для совершения богослужений. В центре города была построена общественная баня, лучшие дома византийцев были отданы знатным туркам⁵⁷³.

Если сравнивать сведения Симеона Фессалоникийского и Иоанна Анагноста об осаде Фессалоники 1422–1430 гг., то стоит отметить, что их произведения отличаются по стилистике, структуре и целевой аудитории. Сочинение Анагноста написано более простым языком и, очевидно, для менее взыскательной аудитории, нежели полное эвфемизмов и иносказаний произведение Симеона, адресованное образованным читателям. Отсюда, вероятно, и разница в характеристике завоевателей – Симеон верен литературной традиции, его образы иноверцев ничем не отличаются от тех, которые мы встречаем еще у Иоанна Дамаскина в VIII в.⁵⁷⁴: это жестокие и коварные варвары, агаряне, нечестивые приспешники дьявола, демонические создания. Анагност же наделяет своих «героев» более человеческими качествами, такими как жадность, хитрость, расчетливость, в то время как религиозные характеристики уступают место морально-этическим. Кроме того, турки у Анагноста готовы идти на контакт с греческим населением, что

⁵⁷¹ Ibid. Σ. 48. 25–26.

⁵⁷² Ibid. Σ. 56. 18–19.

⁵⁷³ Vryonis S. The Ottoman conquest of Thessaloniki in 1430. P. 302–304.

⁵⁷⁴ См.: Khoury P. Jean Damascène et l'Islam. P. 38–47.

делает их не абстрактными демоническими фигурами, а реальными людьми, с которыми не только можно, но и придется взаимодействовать.

Причины же, побуждавшие турок склонять фессалоникийцев к сотрудничеству дипломатическим, а не принудительным путем, не станут до конца ясными, пока не найдутся соответствующие свидетельства с турецкой стороны. Как кажется, основанием этого служило, во-первых, стремление турецкого правительства сохранить город в целости и обеспечить нормальное экономическое функционирование такого важного пункта, как Фессалоника. Во-вторых, и на Балканах, и в городах Малой Азии на завоеванных территориях османы не стремились ассимилировать местное население – важно было добиться подчинения мирным путем, избегая восстаний и беспорядков, не нарушая хозяйственную деятельность.

Особое внимание обычаям турок уделили византийские историки. Дука, как и Халкокондил, подробно останавливается на описании обычаев и характера представителей турецкого народа. Однако, если Халкокондил, как уже было отмечено, старается быть объективным и беспристрастным, то Дука отнюдь к этому не стремится. Напротив, все, что есть в турках, представляется ему варварским и недостойным. К примеру, для Дуки обычай турок истязать рабов в случае, если они не будут проданы сразу, кажется возмутительным и совершенно варварским⁵⁷⁵. Этот вопрос особенно беспокоит его, когда речь идет о рабах-греках, однако, стоит отметить, описывая зверства турок в отношении других народов, автор более сдержан и зачастую особо не останавливается на этих сюжетах.

Автор обвиняет турок в «варварской невоздержанности», склонности к излишествам, отмечает, что они «похотливы как никто другой», «невоздержанны больше, чем все другие народы», «ненасытны и распущены»⁵⁷⁶. Особенно много внимания Дука уделяет отношению турок к женщинам. Если у Халкокондила мы находим описание, главным образом,

⁵⁷⁵ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 47. 10.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 57. 23–24.

семейных отношений, то Дука больше останавливается на сексуальных предпочтениях турок. Так, они «воспламененные неугасимой страстью, бессовестны и разнузданы, имеют сношения как с женщинами, так и с мужчинами и бессловесными животными. Люди эти бесстыдны и свирепы, и творят они следующее: если они захватывают греческих или итальянских женщин, или же женщин другого рода, то хватают их в объятия словно Афродиту или Семелу⁵⁷⁷, но женщин их собственного рода или языка они берут неохотно, с отвращением, будто это медведь или гиена»⁵⁷⁸.

Выбор автором именно этих животных вполне объясним: с XII в. медведь фактически демонизируется, воспринимается как нечистое, ленивое и похотливое животное⁵⁷⁹, а гиена еще в «Физиологе» понималась как «скверный зверь – из-за того, что меняется у него естество»⁵⁸⁰, т.е. олицетворяет собой содомский грех, поскольку, по мнению составителей данного документа, является гермафродитом⁵⁸¹.

Византийские писатели также не обошли вниманием проблему заключения браков между византийцами и турками⁵⁸². Исидор Глава, бывший архиепископом Фессалоники в 1380–1396 гг., отмечал, что турецкий султан оказывал «разного рода благодеяния горожанам»⁵⁸³ захваченной в 1387 г. Фессалоники. По мнению Дж. Денниса, к таковым можно отнести ослабление налогового гнета, временную отмену девширме⁵⁸⁴, возможность грекам выкупиться из плена, веротерпимость турок и пр.⁵⁸⁵ Это, однако, не

⁵⁷⁷ Одна из возлюбленных Зевса, от которой родился Дионис.

⁵⁷⁸ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 59. 12–18.

⁵⁷⁹ Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012. С. 62–65.

⁵⁸⁰ Физиолог / Перевод и комментарии Е. И. Ванеевой. СПб., 1996. С. 140.

⁵⁸¹ Интересно отметить, что Аристотель, который также упоминает о «двуполости» гиен, считает данное утверждение ложным. См.: Аристотель. История животных / Предисл. и примеч. Б. А. Старостина, пер. с древнегреч. В. П. Карпова. М., 1996. С. 277.

⁵⁸² См.: Rakintzakis G. M. Orthodox-Muslim Mixed Marriages ca. 1297–1453. Birmingham, 1975.

⁵⁸³ Цит по: Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam. S. 17.

⁵⁸⁴ Набор мальчиков из христианских семей для несения службы султану. Подробнее об этом см. ниже.

⁵⁸⁵ Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica. S. 58.

стало для Исидора достаточным основанием, чтобы благословлять смешанные браки – напротив, по мнению архиепископа, такие союзы являлись незаконными и ужасающими в сути своей, а потому подлежали расторжению⁵⁸⁶.

Однако гомилии Исидора Главы носили пропагандистский характер и имели целью воззвать византийское население к сопротивлению завоевателям. Очевидно, что браки византийцев с мусульманами не только имели место, но и были довольно распространенной практикой, как, к слову, и внебрачные контакты. Свидетельство о таковых мы находим, например, в XII в. в эротапокризах⁵⁸⁷ Никиты, архиепископа Фессалоникийского:

«Вопрос: Если некто будет распутничать с сарацином, и обнаружат, что он тому плюнул в рот, то какую следует наложить епитимью?

Ответ: Подобное мужеложство, если ему присуще нечто большее, для таковых подлежит наказанию, соответствующему канону»⁵⁸⁸.

Конечно, подобный прецедент – это, скорее, частный случай, все же показывающий наличие тесных контактов – даже таких специфических – греков с мусульманами. Интересно, что наказанию подлежит сам факт мужеложства, в то время как религиозная принадлежность фигурантов этой ситуации для ответствующего священнослужителя не имеет значения и не фиксируется особенным образом в византийском каноническом праве.

Возвращаясь к проблеме заключения браков византийцев с иноверцами, отметим, что с XIV в. византийских принцесс выдавали замуж за правителей турок. К примеру, в труде Халкокондила сообщается, что дочь Иоанна Кантакузина Феодора была выдана замуж за Орхана I⁵⁸⁹, однако никакой оценки этому событию автор не дает. Об этом событии сообщал также

⁵⁸⁶ Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam. S. 19.

⁵⁸⁷ См.: Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. М., 2014. Вып. 4 (39). С. 7–15.

⁵⁸⁸ Павлов А. С. Канонические отвѣты Никиты, митрополита Солунскаго (XII вѣка?) // ВВ. СПб., 1895. Т. 2. С. 384.

⁵⁸⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 36. 27.

Никифор Григора в своей «Истории ромеев»⁵⁹⁰. Единственное, что возмущало автора – это то обстоятельство, что дочь василевса была молодой и красивой, в то время как Орхан был «немолод, да к тому же варвар»⁵⁹¹. Особой трагедии в браке между византийской принцессой и правителем турок писатель не видел, усматривая в этом политическую необходимость.

Из рассуждений Георгия Сфрандзи относительно брака императора Константина XI с сербской княжной Марой⁵⁹², вдовой султана Мурада II, следует, что автор не видит ничего предосудительного в женитьбе его господина с женщиной, бывшей женой турка-мусульманина. Сфрандзи поясняет, что есть несколько препятствий⁵⁹³, среди которых ее предыдущий брак, однако, не является преградой⁵⁹⁴, тем более что Мара, по словам автора, была женой «такого великого господина и, как я слышал, с ним не жила»⁵⁹⁵. Таким образом, на основе прецедента, а также руководствуясь практическими соображениями, Сфрандзи опускает религиозные и этнические факторы, препятствующие союзу Константина с сербской княжной. В дальнейшем, во всем сочинении Георгия Сфрандзи практически не нашлось места обсуждению межэтнических разногласий или даже тесных контактов византийцев с турками.

Несмотря на то, что религиозное восприятие турок было, в целом, более острым, нежели этническое, мы видим, что для средневековых авторов турки

⁵⁹⁰ Григора в своем повествовании ошибся, назвав принцессу именем другой дочери Кантакузина – Марией.

⁵⁹¹ Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia* // CSHB. Bonn, 1830. Bd. 2. P. 763.

⁵⁹² См.: Papadrianos I.A. The marriage arrangement between Constantine XI Palaeologus and the Serbian Mara (1451) // *Balkan Studies*. 1965. Vol. 6. P. 131–138.

⁵⁹³ Первое – более низкое происхождение, второе – из-за дальнего родства, третье – ее прежнее замужество, четвертое – возраст, могущий стать препятствием к деторождению, хотя княжне было на тот момент около 35 лет. См.: Georgii Sphrantzae *Chronicon*. P. 110. 6–10.

⁵⁹⁴ По причине того, что деспина Евдокия, бабушка Константина, также была замужем за турком, прежде чем сочетаться браком с его дедом Иоанном V Палеологом. Однако этот факт спорен, поскольку прямые сведения о заключении этого брака отсутствуют. Практически общепринятым в историографии является положение, что Иоанн V был женат лишь однажды – на Елене Кантакузине. См.: Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 92–93; Коробейников Д. А. Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1996. Т. 56. С. 167.

⁵⁹⁵ Georgii Sphrantzae *Chronicon*. P. 110. 22–24.

оставались враждебным варварским народом, практически лишенным каких-либо положительных черт. Однако в ходе непосредственных контактов с завоевателями византийцы волей-неволей открывали для себя другие стороны жизни османов, выходящие за рамки традиционной антимусульманской полемики и антитурецкого дискурса.

Сочинения Анагноста и Симеона показывают, что, несмотря на порой терпимое отношение захватчиков к завоеванному населению, восприятие турок у византийских писателей, бывших свидетелями описываемых событий, было окрашено в темные тона и имело преимущественно негативные коннотации. По факту реального взаимодействия образ турок в восприятии византийцев, несомненно, трансформировался и наделялся новыми чертами. Халкокондил стремится вписать турецкую народность в контекст детерминированного процесса возвышения и упадка цивилизаций, поэтому старается быть объективным и непредвзятым. В связи с этим его сочинение в меньшей степени, нежели все другие, наполнено эпитетами и характеристиками, указывающими на чуждость и инаковость этого народа, несмотря на явное противопоставление мусульманского Востока и христианского Запада. В противовес ему историк Дука, чье сочинение последовательно описывает несчастную судьбу его родины, всячески старается изобличить турок и их варварские обычаи, указать на их иную, нечестивую веру и дикие повадки.

Лаконичная хроника Сфрандзи, как и труд Халкокондила, так же не пестрит яркими пассажами относительно турок, их веры и происхождения. Однако и этот автор, будучи горячим патриотом, зачастую не в силах скрыть горечь и негодование, вызванные гибелью его родины, хотя у него это никак не персонифицируется.

Что касается историка Критовула, то очевидно, что его труд, посвященный султану Мехмеду II и описывающий его деяния, необходимо рассматривать отдельно от других, поскольку этот автор намеренно не дает практически никакой оценки турецким злодеяниям и никак не акцентирует

внимание на их идентификации, стараясь сгладить все неудобные моменты, связанные с бесчинствами турок на покоренных территориях и в захваченном Константинополе. Можно предположить, что именно Критовул, нивелирующий этнические и религиозные различия турок и византийцев, в своем сочинении отразил реальную картину восприятия османов простыми византийскими гражданами.

Тем не менее, несмотря на различную степень объективности авторов, их идеологические и политические предпочтения, очевидно, что «турецкий вопрос» никого из них не оставил равнодушным. Отсюда хорошо видно отношение рассматриваемых авторов к туркам как представителям иной культуры и иного вероисповедания.

Тем более любопытно, что в сочинениях византийцев содержатся точные и скрупулезные сведения об обычаях и традициях османов, о принципах комплектования турецкого войска и тех сторонах жизни турок, о которых в других источниках того времени практически нет сведений, как, например, о турецкой системе девширме⁵⁹⁶. По-видимому, это является следствием того, что в восприятии византийских писателей османская практика девширме была тем вызовом, который нес непосредственную угрозу религиозной и культурной идентичности византийцев.

3.4. Византийские писатели о турецкой системе девширме

Девширме⁵⁹⁷, известная также как «кровавая дань» или «налог кровью» – это особая система налогообложения, практикуемая османами с XV в. на

⁵⁹⁶ См.: Жигалова Н. Э. Записки о янычарах: византийские писатели о турецкой системе девширме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород, 2017. № 15 (264). Вып. 43. С. 70–77.

⁵⁹⁷ См.: Ménage V. L. Some Notes on the «Devshirme» // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1966. Vol. 29. № 1. P. 64–78; Palmer J. A. B. The Origin of the Janissaries // Bulletin of the John Rylands Library. 1953. Vol. 35. № 2. P. 448–481; Repp R. C. Notes and Communications. A Further Note on the Devshirme // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1968. Vol. 31. № 1. P. 137–139; Wittek P. Devshirme and Shari‘a // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1955. Vol. 17. № 2. P. 271–278.

завоеванных территориях – преимущественно на Балканах и в Византии. Суть ее заключалась в том, что крепкие и здоровые мальчики направлялись в Галлиполи, где проходили обучение и последующий отбор для службы при дворе султана или в янычарском корпусе⁵⁹⁸.

Вероятно, османы переняли данную практику у сельджуков, которые использовали иноземцев в качестве прислуги или комплектовали из них мелкие вспомогательные военные отряды⁵⁹⁹. Однако янычарское войско было уникальным в своем роде: в него зачислялись только мальчики из христианских семей, которые с детства воспитывались согласно мусульманским обычаям и служили непосредственно османскому правителю в качестве его личной охраны.

Набор христианских детей для службы в султанском войске не носил упорядоченного характера вплоть до середины XV в. Ряд ранних османских историков конца XV – начала XVI вв. (Ашик-паша-заде, Саад-эд-Дин, Идрис Бидлиси и пр.) отмечали, что еще при Орхане I (1326–1359) и Мураде I⁶⁰⁰ (1359–1389) ввиду недостатка воинов в войско султана набирались юноши из числа пленников. Именно из этих отрядов позднее родился янычарский корпус, систематический набор в который стал осуществляться при султানে Мураде II (1421–1444, 1446–1451)⁶⁰¹.

Отсутствие турецких источников XIV – первой половины XV вв., которые могли бы пролить свет на возникновение янычарского корпуса и системы девширме, ставит перед исследователями ряд проблем, касающихся

⁵⁹⁸ Стоит, однако, учитывать, что по девширме набирались дети в том числе из еврейских и цыганских семей, но в янычарском войске служили только христиане. См.: Uyar M., E. J. Erickson. *A Military History of the Ottomans. From Osman to Ataturk*. P. 18–19; 37–38; Uzunçarşılı I. H. *Osmanlı Devleti Teşkilatında. Kapukulu Ocakları*. Ankara, 1984. С. 1, 2. 770 s.; 360 s.

⁵⁹⁹ См.: Vryonis S. *Seljuk Gulams and the Ottoman Devshirmes // Der Islam*. 1965. Bd. XLI. S. 224–252.

⁶⁰⁰ Вероятно, султан Мурад I был первым из османских государей, при котором иностранцы не только служили в войске султана (такая практика существовала и раньше), но также получили возможность занимать высокие государственные посты. См.: Babinger F. *Mehmed the Conqueror and His Time / Transl. by R. Manheim*. Princeton, 1978. P. 8.

⁶⁰¹ Vryonis S. *Isidore Glabas and the Turkish Devshirme*. № 3. P. 434.

становления этой практики и особенностей комплектования турецкого войска в ранний период османской истории. Сведения о «кровавой дани», практикуемой турками на покоренных территориях, можно почерпнуть, главным образом, из свидетельств латинских и византийских авторов. К сообщениям последних мы и обратимся и постараемся показать, как греки воспринимали турецкую практику девширме, что они знали о янычарском корпусе и как оценивали роль янычар в придворных и военных структурах Османского государства.

Одним из самых ранних письменных свидетельств существования девширме⁶⁰² является гомилия Исидора Главы (1380–1396), которая датируется 1395 г.⁶⁰³ В ней Исидор призывает свою паству стойко переносить тяготы турецкого владычества⁶⁰⁴ и сокрушается, что ему приходится видеть, как «дитя, <...> против воли попавшее в руки иноземцев, вынуждено приспособливаться к чужим обычаям, облачаться в варварское одеяние и стать вместилищем варварской нечестивости и прочей скверны»⁶⁰⁵. Пленные мальчики, сокрушается Исидор Глава, «набирались варварской жестокости», были готовы «под покровом ночи убивать своих соотечественников и, <...> что было худшим из всех этих злодеяний, позорно отрекались от Господа и попадали в дьявольские силки, тем самым вверяя себя тьме и преисподней»⁶⁰⁶.

⁶⁰² Существуют также жития святых XIV – начала XV вв., в которых спасение от девширме являлось одним из жизненных испытаний святого. См.: Laiou–Thomadakis A.E. *Saints and Society in the Late Byzantine Empire // Charanis Studies: Essays in Honor of Peter Charanis*. New Brunswick, New Jersey, 1980. P. 94–95.

⁶⁰³ Dennis G. T. *The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike*. P. 259; Hero A. C. *The First Byzantine Eyewitness Account of the Ottoman Institution of Devshirme. The Homily of Isidore of Thessalonike Concerning the «Seizure of the Children» // TO EΛΛENIKON: Studies in Honour of Speros Vryonis, Jr.* New Rochelle, 1993. Vol. I. P. 135–143. Vryonis S. *Isidore Glabas and the Turkish Devshirme*. P. 435.

⁶⁰⁴ Фессалоника была захвачена турецкими войсками в 1387 г. и принадлежала османам вплоть до 1402 г. См.: Vacaloropoulos A.E. *A History of Thessaloniki*. P. 60–62.

⁶⁰⁵ Λαούρδας Β. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παίδων καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως. Σ. 390.

⁶⁰⁶ Ibid. Σ. 391.

Сообщение архиепископа полностью отражает ту картину, которая описана в более поздних источниках: мальчики, которые потенциально должны были стать янычарами, принимали ислам, приобщались к мусульманским традициям и воспитывались в духе полного подчинения султану. Свидетельство Исидора Главы показывает, что подобная практика широко применялась уже в конце XIV в. и была хорошо известна византийцам. Это подтверждают также данные Иоанна Канана, составившего рассказ об осаде Константинополя в 1422 г. – по словам автора, турки «отнимали мальчиков для обрезания во имя Мухаммеда»⁶⁰⁷, что воспринималось писателем как страшнейшая из бед⁶⁰⁸.

Византийские исторические сочинения середины XV в., содержащие упоминания о янычарах (*γενίτζαροι*)⁶⁰⁹, практически лишены того религиозного пафоса, который характерен для гомилий или других риторических сочинений. По этим свидетельствам можно определить, каков был этнический состав янычарского войска, его численность и отличительные знаки янычар.

Историк Дука сообщает, что «согласно турецкому закону, пятая часть пленных христиан предназначалась правителю как его часть добычи, и за ним стояло право выбора. Он покупал молодых и сильных пленников по самой низкой цене, и они считались приемными сыновьями султана и его рабами. Правитель именовал их «новые войска», что на их языке означало «янычары» (*γενίτζεροι*). Обрезав и обратив их в свою нечестивую веру, он назначал их своею гвардией»⁶¹⁰.

Халкокондил практически не использует именование «янычары», заменяя его на «новобранцы» или «новые войска» (*νεήλυδες*), хотя, несомненно, имеет в виду именно этот род войск, поскольку это обозначение

⁶⁰⁷ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 54. 38–39.

⁶⁰⁸ См.: Куш Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. С. 112–114.

⁶⁰⁹ См.: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 110–111.

⁶¹⁰ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 179. 10–12.

является точным переводом турецкого *yeniçeri*⁶¹¹. Наряду с Дукой, автор дает развернутое объяснение, кто такие янычары и откуда они берутся: «Он (султан. – Н. Ж.) берет всех пленных детей, которых поработил, и поручает туркам в Азии, чтобы каждый мог выучить язык. Они два или три года обучаются языку до тех пор, пока не смогут сколько-нибудь говорить на нем, затем он набирает около двух тысяч или более из тех, кого первоначально выбрал. Он везет их всех в Галлиполи и садит на корабли, чтобы переправить их из Европы в Азию. Каждый получает ежегодно плату и обмундирование. Вскоре после этого они собираются при дворе, и он дает некоторым из них плату, а некоторым и более того»⁶¹². Так, не каждый пленный юноша автоматически становился янычаром: комплектование янычарского войска напрямую зависело от благоволения султана и личных качеств молодых людей, из числа которых впоследствии самые способные входили в ближайшую свиту османского государя.

О численности янычарского войска наиболее подробно сообщает именно Халкокондил. Он пишет, что «рядом с султаном находилось шесть тысяч пеших воинов, а порой около десяти тысяч. Из их числа брались [воины] в гарнизоны крепостей, но не в их родных землях»⁶¹³. По всей видимости, в XV в. еще не сложилась четкая система девширме, и наборы в янычарский корпус осуществлялись от случая к случаю. Так, во время пелопоннесской кампании в 1460 г. Мехмед II после захвата одного из городов пленил около шести тысяч жителей, из которых девятьсот мальчиков должны были стать янычарами⁶¹⁴. В 1461 г., как сообщает автор, жители захваченного Трапезунда были разделены на две категории: одних султан «забрал себе для собственных нужд, а также для утех, других же отправил в

⁶¹¹ Nicoloudis N. Laonikos Chalkokondyles: A Translation and Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I–III). Athens, 1996 P. 169. Not. 87.

⁶¹² Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 378. 11.

⁶¹³ Ibid. P. 376. 11.

⁶¹⁴ Ibid. Vol. II. P. 336. 55.

Византий (Константинополь. – *Н. Ж.*), а также <...> выбрал восемь сотен мальчиков и определил их в янычарский отряд»⁶¹⁵.

Данные Дуки совпадают со сведениями Халкокондила: «Эта армия «новых войск», кроме прочего, увеличивается каждый год, и число ее теперь – десять тысяч. Рабы обзаводятся рабами, рабы рабов тоже приобретают рабов, и все они зовутся рабами правителя»⁶¹⁶. По словам автора, «их отличительная черта – это головной убор, который в просторечии на языке ромеев называется «заркула»⁶¹⁷ (ζαρκολάς). Все турки обычно покрывают этим голову. Однако и простолюдины, и знатные люди носят красный головной убор, в то время как иноземцы, ставшие жертвой рабского хомута и обозначенные как рабы султана, надевают белую шапочку из белого войлока полукруглой формы, плотно обхватывающую голову и сужающуюся к макушке»⁶¹⁸. В других рассматриваемых источниках отсутствуют упоминания об отличительных знаках янычар.

Вероятно, Дука был близко знаком с обычаями османов и хорошо знал турецкий язык, поскольку в его сочинении регулярно встречаются турецкие слова и термины, значение и происхождение которых писатель подробно и обстоятельно объясняет⁶¹⁹. Несмотря на это, Дука полагает, что азапы⁶²⁰ (ἀζάπτηδες) – это те же самые янычары⁶²¹, что не совсем верно – азапами называлась османская легкая пехота⁶²², в то время как янычары, как правило, были особым подразделением тяжеловооруженных пеших воинов⁶²³.

⁶¹⁵ Ibid. P. 364. 79.

⁶¹⁶ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 179. 26–29.

⁶¹⁷ Подробнее об этом головном уборе см.: Shukurov R. Byzantine Turks. P. 317–318.

⁶¹⁸ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 179. 19–26.

⁶¹⁹ Shukurov R. Byzantine Turks. P. 368.

⁶²⁰ Об использовании термина ἀζάπτηδες в византийских и турецких источниках см.: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 56.

⁶²¹ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 363. 1.

⁶²² Азапы, как и акынджи, набирались из числа тюркских народов и должны были самостоятельно обеспечить себя вооружением и обмундированием на время ведения военных действий. Uyar M., E. J. Erickson. A Military History of the Ottomans. P. 20–21.

⁶²³ Точное указание на это встречается в труде Халкокондила. Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 428. 22.

Впрочем, такая ошибка вполне объяснима – с одной стороны, писатель мог не знать тонкостей организации османского войска, с другой – вероятно, желал обогатить свое повествование разнообразием необычных для греко– или латиноязычного читателя терминов, коими пестрит весь его труд.

В противоположность Дуке, Параспондил Зотикос, составивший рассказ о битве при Варне 1444 г., однозначно противопоставляет азапов янычарам, сообщая, что «венгры напали на измаильтян (мусульман. – *Н. Ж.*) и перебили всех амуратовых азапов»⁶²⁴, и что в одном из сражений «все анатолийские войска, пешие азапы и акынджи⁶²⁵ были повержены»⁶²⁶, в то время как янычары постоянно находились рядом с султаном.

Еще более однозначен в этом вопросе Халкокондил. Отметим, что писатель был великолепно осведомлен об организации турецкого войска⁶²⁷, что делает его данные весьма убедительными. Согласно Халкокондилу, во время пелопоннесской кампании Мехмеда II в 1460 г.⁶²⁸ при осаде крепости Гардики султан «атаковал цитадель и сражался на стенах вместе с янычарами, а азапам он приказал атаковать те части города, до которых они смогут добраться»⁶²⁹. Азапы, по его словам, это «турецкая пехота»⁶³⁰, которая являлась в данном случае вспомогательным подразделением османского войска, тогда как янычары исполняли роль основной ударной силы. Сообщая об оккупации Трапезунда в том же 1460 г., Халкокондил отмечает, что янычары впоследствии составляли основу гарнизона крепости, в то время как азапы располагались в городе для поддержания внутреннего порядка⁶³¹.

В свою очередь, историк Критовул вообще не дает какого-либо указания на то, к какому роду войск принадлежали янычары. Элитой османского

⁶²⁴ Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. Ρ. 353. 199–201.

⁶²⁵ Иррегулярная турецкая легкая конница, набираемая только из числа турок для участия в военных кампаниях за пределами Османского государства. См. Akindji в: The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. 1. Ρ. 340.

⁶²⁶ Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. Ρ. 358. 322–323.

⁶²⁷ Kaldellis A. A New Herodotus. Ρ. 147–149.

⁶²⁸ См.: Медведев И. П. Мистра. С. 39–41.

⁶²⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. Ρ. 324. 45.

⁶³⁰ Ibid. Vol. I. Ρ. 370. 6.

⁶³¹ Ibid. Vol. II. Ρ. 362. 77.

войска он называет «тяжеловооруженных пехотинцев, лучников, конников, его (султана. – *Н. Ж.*) личную охрану, а также наряду с ними подразделение, именуемое янычарами»⁶³².

Своеобразные янычары существовали и при византийском дворе: термином *γανίτζαροι* в XV в. в некоторых византийских текстах обозначалась особая императорская гвардия⁶³³. Согласно сообщению Сильвестра Сиропула, «янычары» сопровождали Иоанна VIII Палеолога во время поездки на Ферраро-Флорентийский собор в 1438–1439 гг. в числе около двадцати человек. По данным Сиропула, воины находились в бедственном положении, были вынуждены продавать свое оружие, закладывать одежду, «оплакивая свою крайнюю нужду»⁶³⁴. Вероятно, эти янычары не были сколько-нибудь значимым элементом в византийских военных или придворных структурах. Патриарх Иосиф II, по словам Сиропула, не считал необходимым присутствие янычар в императорской свите⁶³⁵, что также указывает на их второстепенную роль⁶³⁶.

Однако определить точно, по какой причине императорские гвардейцы названы тем же словом, что и «новые войска» турецких султанов, не представляется возможным⁶³⁷. Тем не менее, очевидно, что между этими военными формированиями было мало общего.

В отношении же «традиционных» турецких янычар, напротив, можно отметить, что янычарский корпус представлял собой не только военную силу, но и инструмент внутридинастической борьбы. После смерти султана Мехмеда I в 1421 г. между представителями османской династии – сыном

⁶³² Critobuli Imbriotaе Historiae. S. 68. 16–18.

⁶³³ См.: Shukurov R. Byzantine Turks. P. 335–336.

⁶³⁴ См.: Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439). С. 220–221.

⁶³⁵ Там же. С. 79.

⁶³⁶ Zachariadu E. Les «Janissaires» de l'Empereur Byzantin. P. 591–592.

⁶³⁷ Неясно также их этническое и социальное происхождение. Можно предположить лишь, что эти «янычары» были христианами – на это косвенно указывает то, что, страдая от нужды, они в гневе обратились к митрополиту Эфесскому, упрекая того, что он препятствует объединению церквей. См.: Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе. С. 221; Shukurov R. Byzantine Turks. P. 336.

покойного султана Мурадом и его дядей Мустафой – разгорелась борьба за трон. Византийский василевс Иоанн VIII Палеолог, будучи соправителем своего отца императора Мануила II, вопреки советам последнего, поддержал Мустафу⁶³⁸. Мануил, по словам Халкокондила, считал, что необходимо выбирать сторону исходя из того, кто из претендентов получит в свои руки «контроль над казной и янычарами»⁶³⁹. Очевидно, василевс справедливо полагал, что янычары были опорой власти турецких султанов, и порой именно от них зависело, кто станет следующим правителем Османского государства. В данном случае такой расчет себя бы оправдал: Мурад, «имея в своем распоряжении янычар, которые сопровождали султана во всех его кампаниях»⁶⁴⁰, одерживал победу за победой, в результате чего Мустафа, лишившись поддержки своих войск, вскоре был убит⁶⁴¹.

Халкокондил подчеркивает, что Мурад II, передав трон своему сыну Мехмеду II, «вверил ему царство, двор и янычар»⁶⁴², которые, по всей вероятности, воспринимались автором как оплот султанской власти. Это подтверждает и кризис, разразившийся в Османском государстве после смерти Мурада в 1451 г.: часть янычар восстали против молодого султана, что поставило под угрозу его вступление на престол⁶⁴³.

Автор указывает на прямую зависимость успеха военных операций султана от участия в них янычар. Так, в 1456 г. во время венгерской кампании Мехмеда II отсутствие янычар в одном из сражений едва не стоило султану жизни. Халкокондил передает гневные слова Мехмеда, который после этих событий обратился к предводителю янычар Хасану: «Ты, злой человек, куда же подевались наши янычары? Почему их не было вместе с

⁶³⁸ См.: Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid. P. 2–3; Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. P. 34–35.

⁶³⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 368. 3.

⁶⁴⁰ Ibid. Vol. I. P. 376. 10.

⁶⁴¹ См.: Куш Т. В. Турки под стенами Константинополя. С. 106; Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300-1600. P. 19.

⁶⁴² Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 120. 32.

⁶⁴³ См.: Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time. P. 64–65.

тобой в битве? Или ты забыл, кем ты был до того, как я назначил тебя на столь высокий пост?»⁶⁴⁴.

Действительно, вопрос этнического и социального происхождения янычар – ключевой для понимания специфики комплектования этого военного подразделения. Византийские авторы единодушны во мнении, что янычарами могли быть только захваченные в плен христиане, обращенные впоследствии в ислам. Так, у Параспондила фигурирует янычар «роду ромейского»⁶⁴⁵ Хамуза, у Халкокондила – серб Хизир⁶⁴⁶, албанец Озгур, греки Сараджа⁶⁴⁷, Мурад и Мехмед⁶⁴⁸. Примечательно, что имена всех названных янычар – мусульманские, хотя смена имени не является обязательным условием при обращении в ислам.

По сообщению Дуки, «в их числе не могут быть ни турки, ни арабы – все они без исключения были христианами: ромеи, сербы, албанцы, болгары, валахи и венгры, которые отреклись от своей веры и теперь наслаждаются имеющимися благами словно свиньи, смакующие траву; словно бешеные псы, испытывают они смертельную и непримиримую ненависть к своим соотечественникам»⁶⁴⁹. Автор также подчеркивает, что янычарами зачастую становились люди незнатного происхождения: «Кем же были получатели всех этих милостей? Козопасы, свинопасы, овчары, скотники, дети крестьян и конюхов»⁶⁵⁰. Свидетельство Дуки показывает, что сельскохозяйственное население, первое страдающее от завоеваний, было основным источником новобранцев в янычарские отряды. Таким образом, христианским мальчикам, не имеющим достойных перспектив, служба в султанском янычарском войске давала возможность обрести высокий статус вместе с различными привилегиями, что обеспечивало их исключительную преданность султану.

⁶⁴⁴ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 238. 54.

⁶⁴⁵ Παρασπόνδουλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. P. 362. 405.

⁶⁴⁶ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 110. 24.

⁶⁴⁷ Ibid. Vol. II. P. 100. 15.

⁶⁴⁸ Ibid. Vol. II. P. 262. 72.

⁶⁴⁹ Duae Historia Turcobyzantina. P. 179–180. 29–21, 1–2.

⁶⁵⁰ Ibid. P. 179. 14–16.

По словам Дуки, именно поэтому «слава, доставшаяся им благодаря случаю, не кружит им голову; во время битвы они готовы терпеть нечеловеческие страдания, а потому одерживают победы»⁶⁵¹.

Янычары сопровождали османских султанов во всех военных кампаниях, были его личной гвардией и авангардом турецкого войска. Именно янычары участвовали во всех осадах и сражениях⁶⁵², осуществили решающий штурм Фессалоники в 1430 г.⁶⁵³ и Константинополя в 1453 г.⁶⁵⁴ Историк Критовул подчеркивает, что янычарский корпус играл огромную роль в военных успехах султана: «василевс (Мехмед II. – *Н. Ж.*) увеличил плату своим войскам, в особенности же “новым воинам”, которые являлись его личной гвардией, обычно именуемой на их языке “янычары”, то есть “новое войско”, поскольку осознавал их важность для защиты как его самого, так и всего царства»⁶⁵⁵.

В битве при Варне 1444 г. авангард войска султана Мурада II состоял исключительно из янычар, сам же султан окружил себя янычарским отрядом, которые использовали вместо коней верблюдов⁶⁵⁶. Роль янычарского корпуса в этом сражении трудно переоценить: по словам Халкокондила, польский и венгерский король Владислав бросился в стан врага и был обезглавлен именно янычарами⁶⁵⁷. Согласно сообщению Параспондила Зотикоса, «янычар роду ромейского, Хамузой⁶⁵⁸ именуемый, богатырь и красавец» сумел победить короля Владислава, в то время как все остальные турецкие воины были повержены или страдали от ран⁶⁵⁹.

⁶⁵¹ Ibid. P. 179. 16–19.

⁶⁵² См.: Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 50. 37; 254. 56; 384. 17; Vol. II. P. 118. 30; P. 124. 35.

⁶⁵³ Ibid. Vol. I. P. 390. 22.

⁶⁵⁴ Ibid. Vol. II. P. 194. 20.

⁶⁵⁵ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 18. 2–5.

⁶⁵⁶ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 84. 4.

⁶⁵⁷ Ibid. Vol. II. P. 94. 11.

⁶⁵⁸ В повествовании Халкокондила фигурирует янычар по имени Фируз. См.: Ibid. Vol. II. P. 94. 10.

⁶⁵⁹ См.: Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. P. 362. 405–414.

Зотикос отмечал, что янычары имели более высокий статус по сравнению с другими воинскими подразделениями. В речи султана Мурада II, адресованной своим ближайшим соратникам, янычары упомянуты в одном ряду с самыми доверенными лицами султана: «дети мои, мои воины и соратники, родичи, янычары мои и военачальники, моя верная опора и неприступная крепость!»⁶⁶⁰. С такой же горячностью, по словам Халкокондила, Мехмед II взывал к своим воинам перед стенами Константинополя: «Янычары, мои доблестные сыновья! Всегда вы проявляли себя самым превосходным образом, чего бы я ни задумывал»⁶⁶¹. Историк Дука в похожем ключе характеризует отношение султана к своим янычарам: «Он позволял им быть его сотрапезниками, горячо любил их так, как только отец может любить своих детей»⁶⁶².

Так, византийские авторы единодушно отмечают почти отеческую привязанность и личный характер взаимоотношений султана и его верных янычар. Последние же, по мнению Дуки, отвечали своему господину взаимностью: «[Султан] осыпал [янычар] всяческими подарками, раздавал титулы, снабжал продовольствием и даровал всякого рода ценности. <...> В благодарность за такое великодушие они, не задумываясь, пожертвуют жизнью ради своего господина»⁶⁶³.

Таким образом, турецкие янычары являлись не только мощной политической и военной силой, но и ближайшими соратниками, преданными и верными телохранителями османского султана. Будучи, главным образом, выходцами из простых христианских семей, благодаря своему господину они обретали статус и уважение как в мусульманском обществе, так и в восприятии завоеванного населения.

Безусловно, янычары являлись главной опорой власти османских правителей. Византийские источники наглядно показывают эту тесную связь

⁶⁶⁰ Ibid. P. 357. 291–293.

⁶⁶¹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 188. 15.

⁶⁶² Duae Historia Turcobyzantina. P. 179. 13–14.

⁶⁶³ Ibid. P. 179. 11–13, 16–17.

между самим институтом султанской власти в Османском государстве и янычарским корпусом: «подданный легко присягает на верность то одному правителю, то другому – лишь бы оба они – и отец, и сын – были потомками рода Османа. То же самое можно сказать об этих рабах, чью историю я изложил. Они придерживались лишь одного принципа: новый правитель должен быть потомком Османа. Янычары видели в османских султанах своих покровителей, последние же обращались с ними как с вольноотпущенниками»⁶⁶⁴.

Сообщения греческих авторов второй половины XV в., чьи сочинения созданы после завоевания Византии в 1453 г., содержат точные и скрупулезные сведения о янычарском корпусе и системе девширме. В упомянутом ранее тексте Исидора Главы янычары представляют собой угрозу, довлеющую над христианскими ценностями, неизбежное зло. В поздних же византийских произведениях эти акценты смещаются, сводятся к анализу устройства янычарского корпуса и оценке роли янычар в военных успехах османских правителей, что говорит о трансформации взглядов византийцев в восприятии турок и их обычаев. Внимание греческих авторов к янычарам и их необычайная осведомленность по данному вопросу обусловлены, вероятно, близким знакомством писателей с турецкой военной практикой, которая показывала, что не имеющие тюркского происхождения янычары были надежным оплотом власти османских правителей.

3.5. Образы турецких султанов в произведениях византийских писателей

Турки-османы, традиционно воспринимавшиеся византийцами как варвары и безбожники, как правило, рассматривались в сочинениях византийских авторов в совокупности, как отдельное этническое и религиозное сообщество. Лишь в некоторых описываемых ситуациях

⁶⁶⁴ Ibid. P. 181. 5–6.

возможно выделить индивидуальные, нетипизированные черты отдельных представителей турецкого народа, поскольку в средневековой литературе основными средствами конструирования образа «Чужого» являются стереотипичность и следование сложившейся литературной традиции.

Турецкие султаны были в какой-то мере олицетворением всех качеств, присущих всему народу в целом – собирательный образ политического лидера как непосредственного представителя своего народа должен был отразить культурные и религиозные особенности османов и их морально-этические установки. Отметим, что несмотря на частые упоминания иных мусульманских правителей, не имеющих отношения к Османской династии (например, эмир Тимур, властители бейликов и пр.), их образы лишены какой-либо окраски и не несут в себе ярких, индивидуальных черт. По всей вероятности, для византийских писателей интерес представляли именно османские султаны, поскольку основной целью их сочинений было отразить рост османского могущества. К анализу их образов мы и обратимся.

Характеристики Дуки турецких султанов преимущественно стереотипичны. Сообщая о решении Иоанна Кантакузина заключить брак между Орханом I (1324–1359) и его дочерью Феодорой, Дука пишет, что Орхан, «выслушав посланников и предлагаемые ими условия о заключении брака⁶⁶⁵ и обещания несметных сокровищ, стал как бык, снедаемый жаждой в изнурительную летнюю жару, раскрыл рот, словно бы пытаясь испить из прохладного источника. <...> Вот так он преобразился, пока слушал, из-за [своей] варварской невоздержанности»⁶⁶⁶.

В данной характеристике интересно не то, что Дука представляет Орхана невоздержанным варваром, что, в целом, было традиционно для византийцев, а использование автором риторики, наделяющей турецких султанов зооморфными чертами. Данный прием был вполне характерен для поздневизантийских писателей – к примеру, у Симеона Фессалоникийского

⁶⁶⁵ Rakintzakis G. M. *Orthodox-Muslim Mixed Marriages ca. 1297–1453*. P. 15–16.

⁶⁶⁶ *Ducæ Historia Turcobyzantina*. P. 59. 7–11.

султан Баязид – «сущий черт»⁶⁶⁷, «дикий и развратный демон»⁶⁶⁸, «самый нечестивый зверь»⁶⁶⁹, «смертоносный аспид»⁶⁷⁰, его сын Сулейман – «щенок»⁶⁷¹, другой сын Мустафа – «дикий волк», «отродье ужасного зверя», «змея»⁶⁷². Очевидно, такие характеристики служили конкретной цели – обесчеловечить облик захватчиков и представить их читателю в виде антропоморфных чудовищ, обладающих звериными повадками. Однако богатый риторическими фигурами и гипертрофированными образами текст Симеона практически не содержит сведений о личных качествах турецких правителей, в то время как они в изобилии встречаются в трудах византийских историков.

В отличие от Дуки, оценки Халкокондила турецких лидеров сугубо индивидуальны. Описывая деяния османских султанов, писатель давал им характеристику исходя из того, как эти деяния отразились в памяти потомков. Об основателе Османской династии писатель сообщал, что тот «совершал славные и героические деяния, <...> был отважен во всех отношениях и в связи с этим был убежден, что имел сверхъестественные способности»⁶⁷³. Мурад I (1360–1389) «был удачлив, и главное его достоинство было в том, что он не знал поражений, <...> более того, он всегда был жаден до битвы и ненасытен, когда дело доходило до кровопролития. Он прекращал войны только лишь для того, чтобы практиковать и изучать искусство охоты. Он всегда был в движении: всякий раз, когда он не сражался, он охотился. В этом отношении он, кажется, обрел славу большую, нежели султаны, которые правили до него, проявляя больше рвения и усердия в старости, чем когда был молод. Он превзошел многих достойных правителей и царей, будучи всегда решительным и усердным во

⁶⁶⁷ Symeon of Thessalonica. Λόγος. P. 44. 21.

⁶⁶⁸ Ibid. P. 45. 10–11.

⁶⁶⁹ Ibid. P. 46. 8.

⁶⁷⁰ Ibid. P. 48. 21.

⁶⁷¹ Ibid. P. 44. 23.

⁶⁷² Ibid. P. 49. 19.

⁶⁷³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 22. 15.

всех отношениях. Он вникал во все и никогда не упускал из виду того, что должно быть сделано»⁶⁷⁴. Портрет Мурада дополняется тем, что тот «также превзошел других правителей в том, сколько страданий он причинил. Однако он вежливо и с великой умеренностью обращался со своими подданными и сыновьями [других] правителей. Он чтит каждого человека и стремился поговорить с каждым. Он обладал даром вдохновлять своих людей перед боем и, как говорят, все прекрасно организовывал перед битвой. Он был красив и разумен в суждениях. Хотя он был беспощаден, наказывая преступников, он был честен в переговорах. Как говорят, он чтит свои клятвы больше, нежели другие султаны из его рода. Именно поэтому многие приходили к нему, ожидая и веруя, что им не будет никакого вреда – как и до того момента, когда они испытали на себе его силу и попали к нему в руки. Но любой, кто оскорбил его или говорил с ним нагло и надменно, уходил от него несчастным. И хотя он был страшен его подданным, другие же правители любили его»⁶⁷⁵. Такая подробная и обстоятельная личностная характеристика Мурада I, вероятно, составлялась историком с целью показать реальный, максимально близкий к действительности облик османского государя.

Лишь у Халкокондила (за редкими исключениями) образы турецких султанов не обезличены и носят индивидуальные – как положительные, так и отрицательные – черты своих прототипов. Причиной этого, вероятно, является то, что произведение Халкокондила создавалось именно как исторический труд, поэтому автору приходилось использовать множество письменных источников, легенды и сведения очевидцев.

Лейтмотивом практически всех описаний турецких правителей является их отношение – всегда негативное – к христианам и христианской вере. К примеру, султана Баязида I (1389–1402) Дука награждает званием «гонителя христиан» и называет «самым ярым приверженцем Мухаммеда, чьи

⁶⁷⁴ Ibid. P. 88. 58.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 88–90. 59.

беззаконные заповеди соблюдались им (Баязидом. – *Н. Ж.*) денно и ночью, и затевались интриги и козни против разумной паствы Христовой»⁶⁷⁶.

Дука также уделяет внимание личным качествам султана, продолжая, однако, конструировать его негативный образ. Описывая роскошное убранство и сокровища, окружающие Баязида, автор старается показать его развращенность и склонность к излишествам, неумеренность и жадность: «В Прусе Баязид упивался плодами своей удачи и ежедневно наслаждался подношениями многих народов; все, что было красиво – ни в чем у него не было недостатка, ни в животных, ни в металлах, ни в чем таком, что бы приносило радость, дарованное Господом миру; все можно было найти в тех сокровищах»⁶⁷⁷.

По мнению историка, султан Баязид I был «страшным человеком, стремительным в военных делах»⁶⁷⁸, «жил праздно и бесцельно, бесконечно предавался любовным утехам и разврату с мальчиками и девочками»⁶⁷⁹. По сведениям Дуки, в гарем Баязида отбирались самые красивые юноши и девушки «греческого, сербского, валашского, албанского, венгерского, саксонского, болгарского и латинского происхождения, говорящие на своем языке и оказавшиеся там против своей воли»⁶⁸⁰, «безупречные телом и обладающие миловидным лицом, затмевающие [своей красотой] солнце»⁶⁸¹. Так, в сочинении Дуки основными негативными характеристиками османских правителей были распутство, развращенность и жестокость в отношении христиан.

Сочинение Халкокондила в меньшей степени, нежели произведение Дуки, наполнено эпитетами, указывающими на чуждость и инаковость османов. В его произведении мы находим лишь характеристики отдельных представителей турок. Например, о Сулеймане Челеби, сыне Баязида I,

⁶⁷⁶ Ducas Historia Turcobyzantina. P. 39. 6–8.

⁶⁷⁷ Ibid. P. 87. 7–11.

⁶⁷⁸ Ibid. P. 39. 3–4.

⁶⁷⁹ Ibid. P. 87. 15–17.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 87. 14–16.

⁶⁸¹ Ibid. P. 87. 13–14.

Халкокондил пишет, что тот был «ленивым и был занят лишь пиршествами, <...> и посланники греков советовали ему не быть таким, но он не обращал на них никакого внимания, лишь пил от зари до зари, начинал пить перед завтраком, а заканчивал вечером. В других же отношениях Сулейман был разумен, силен и неистов в бою»⁶⁸².

Наиболее яркие и многогранные образы принадлежат тем турецким султанам, которые были современниками самих писателей – Мураду II (1421–1444, 1446–1451) и Мехмеду II (1444–1446, 1451–1481). Интересные детали о деятельности султана Мурада содержатся именно у тех авторов, которые были непосредственными участниками описываемых событий, как, например, Иоанн Канан и Иоанн Анагност.

Иоанн Канан, оставивший свидетельство об осаде Константинополя в 1422 г., описывает султана Мурада II следующим образом: «Прибыл великий военачальник, эмир и деспот всех этих людей. Он пришел, дикий и жестокий, вел себя презрительно и высокомерно, раздуваясь от гордости и надменности; он нахально глядел в небеса, мнил себя намного выше всех людей и считал само собой разумеющимся, что все ему подвластно и что весь мир подчинен его силе»⁶⁸³. Такая характеристика, возможно, отражает реальные страхи и впечатления жителей осажденного города, понимающих амбиции султана, желавшего заполучить Константинополь под свою власть.

Из сообщения Канана мы знаем, что император отправлял султану послов с предложением мира и дружбы, однако тот, будучи «грубым и бесчеловечным варваром», отверг его⁶⁸⁴. Очевидно, что Мурад II не желал подвергать завоеванные города разрушению и разграблению, что также видно на примере Фессалоники. Но поскольку Константинополь представлял собой давнюю заветную цель турок, султан готов был пожертвовать благосостоянием города, но получить его в свое владение.

⁶⁸² Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 286. 9.

⁶⁸³ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli. P. 55. 61–65.

⁶⁸⁴ Ibid. P. 61. 3–4.

Анагност пишет, что во время осады Фессалоники 1422–1430 гг. незадолго до финальной атаки султан Мурад II неоднократно посылал в город вестников с предложением добровольно сдать Фессалонику, обещая населению взамен сохранить их права и имущество: «Мурад решил завлечь нас, жителей города, словами дружбы, прежде всего желая предотвратить события, которые за тем последовали, и город столь злосчастно был захвачен»⁶⁸⁵. Стремление султана договориться с жителями мирным путем Анагност объясняет тем, что Мурад, во-первых, не хотел тратить время и силы на штурм города, во-вторых, желал предотвратить разграбление и разрушение городских построек.

Предпринимая одну попытку за другой, султан использовал все возможные методы воздействия на византийское население. Так, согласно Анагносту, в один из таких эпизодов «он отправил некоторых христиан, людей из других городов, которые советовали нам спастись и делали все возможное, чтобы возбудить нас против латинян»⁶⁸⁶. Обратим внимание, что Мурад посылал на переговоры именно христиан, рассчитывая, что византийцы скорее пойдут на контакт с единоверцами, нежели с мусульманами. Султан, таким образом, предстает дальновидным и дипломатичным правителем – не более, но и не менее.

По мнению же Дуки, Мурад II был «простодушен и не держал в сердце зла»⁶⁸⁷, а его завоевания христианских земель трактовались автором как проделки Сатаны, который увещевал Мурада совершать злодеяния против христиан. Описывая смерть султана, Дука отмечает некоторые положительные качества османского государя: «Смерть Мурада не была результатом разнообразных болезней, не была она и мучительной. Он страдал меньше, чем его отец (Мехмед I. – *Н. Ж.*), поскольку Господь, как я думаю, судил этого человека в соответствии с добрыми деяниями, которые он совершил для блага всего народа, а также из-за сострадания к неимущим,

⁶⁸⁵ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις. Σ. 16. 19–22.

⁶⁸⁶ В 1423–1430 гг. Фессалоника находилась под властью венецианцев. Ibid. 16. 30–32.

⁶⁸⁷ Ducas Historia Turcobyzantina... P. 261. 22–23.

которое он оказывал не только людям своего рода и нечестивой веры, но и христианам»⁶⁸⁸.

Другими добродетелями Мурада писатель называет верность клятвам и милосердие к врагам: «Договоры, которые он скрепил священной клятвой, были для него непреложны и исполнялись полностью. <...> Гнев Мурада не бывал неоправданным. После победы этот варвар не преследовал бегущего врага. Более того, он не жаждал полного уничтожения поверженных народов – напротив, сразу после победы просил мира, с радостью принимал все их условия и с миром отпускал посланников. Он весьма презирал военное дело и был миролюбив, поэтому Отец-Миротворец дал этому варвару спокойную смерть вместо гибели в сражении»⁶⁸⁹. К слову, подобным же образом Дука трактовал и обстоятельства смерти Мехмеда I (1413–1421), отца Мурада, который был дружен с императором Мануилом II: «Судьбой ему была дарована иная смерть, нежели его предкам, часть которых были отравлены, другие задушены или убиты мечом. <...> Мне думается, так произошло из-за его искренней дружбы с василевсами⁶⁹⁰ и его симпатии к людям Христовым»⁶⁹¹.

Так, положительные оценки Дуки турецких султанов основаны на его представлениях о том, насколько мало вреда они причинили византийцам в сравнении с другими представителями Османской династии.

Как и Дука, Халкокондил описывает султана Мурада II как мудрого и справедливого правителя⁶⁹². По мнению автора, он «сражался для защиты и не предпринимал агрессивных действий, но немедленно выступал против тех, кто это делали. Если же никто не призывал его к войне, он не рвался в бой, но все же не уклонялся [от войны], если приходилось»⁶⁹³.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 285. 1–5.

⁶⁸⁹ Ibid. P. 285. 6–14.

⁶⁹⁰ О дружеских связях Мехмеда I с византийцами сообщает также Халкокондил. См.: Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. I. P. 300. 18.

⁶⁹¹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 163. 23–26.

⁶⁹² Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 158. 63.

⁶⁹³ Ibid. P. 160. 63.

Примечательно, что, несмотря на кровопролитные сражения и территориальные потери, которые Византия понесла в период правления Мурада II, в исторической памяти византийцев этот султан остался мудрым и миролюбивым правителем. Для Сфрандзи, к примеру, смерть султана Мурада II и вступление на престол его наследника Мехмеда II стало настоящей трагедией: «Услышав это, я онемел и опечалился так, будто он сообщил мне о смерти самых близких. <...> Потому что тот был стар, и попытка выступить против Города была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, но желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином, — молод и с детства враг христиан»⁶⁹⁴. Повествуя о горестях, постигших его семью после захвата Константинополя, Сфрандзи называет султана Мехмеда II «нечестивейшим и беспощаднейшим»⁶⁹⁵. Несмотря на то, что сочинение Сфрандзи практически лишено ярких оценок турецких султанов и турок в целом, очевидно, что личная трагедия в данном случае повлияла на характеристику писателем морального облика Мехмеда II.

О завоевателе Константинополя Мехмеде II Дука пишет с особенным мрачным усердием: «О, агнцы, волк! О, воробьи, змей! Олицетворение самой смерти! И он, Антихрист до Антихриста, поругатель паствы Христовой, враг Креста и всех, кто верит в Того, Кто был распят на нем! Надевший маску дружбы, верный последователь Сатаны, сам себя превративший в Дьявола, <...> клянущийся именем божественного лжепророка, пророка, чье имя он носит»⁶⁹⁶. Мехмед для Дуки является, в первую очередь, гонителем христианской веры, а не жестоким военным и политическим противником, хотя до этого османские правители представляли именно в таком свете. К этим нелестным эпитетам периодически добавляются новые: «кровожадный зверь»⁶⁹⁷, «истинный плотоядный демон»⁶⁹⁸, «дикий дракон»⁶⁹⁹, «тиран»⁷⁰⁰ и

⁶⁹⁴ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 106. 7–15.

⁶⁹⁵ Ibid. P. 144. 6.

⁶⁹⁶ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 289. 18–24.

⁶⁹⁷ Ibid. P. 287. 13–14.

др. Впрочем, в такой экспрессивной оценке султана нет ничего удивительного, поскольку для большинства поздневизантийских авторов завоеватель Константинополя был олицетворением зла и всех византийских бед⁷⁰¹.

Любой поступок Мехмеда II трактуется Дукой как злодеяние: после смерти отца султан приказал удушить в колыбели своего малолетнего брата, а мачеху выдал замуж за раба своего отца⁷⁰². Другую мачеху, Мару Бранкович⁷⁰³, дочь сербского деспота, Мехмед также планировал выдать замуж за обычного раба, однако получил от деспота Георгия прошение вернуть Мару в Сербию и принял решение его удовлетворить. Но, по мнению Дуки, этот жест не был проявлением доброй воли султана, поведшего себя «как волк в овечьей шкуре»⁷⁰⁴, но лишь способом выиграть время и избежать конфликта с деспотом⁷⁰⁵.

В глазах историка Критовула Мехмед в отношении покоренных христиан, напротив, явно выступает благодетелем – после завоевания Константинополя он назначает патриархом Геннадия Схолария⁷⁰⁶, с которым

⁶⁹⁸ Ibid. P. 291. 5.

⁶⁹⁹ Ibid. P. 303. 10.

⁷⁰⁰ Ibid. P. 293. 5–6.

⁷⁰¹ См.: Inalcik H. Mehmed the Conqueror (1432–1481) and His Time. P. 408–427.

⁷⁰² Ducas Historia Turcobyantina. P. 287. 25–26.

⁷⁰³ Из различных источников известно, что Мара не имела детей от Мурада II, поэтому не представляла опасности или политического интереса для молодого султана Мехмеда. После ее возвращения на родину она занималась благотворительностью и, вероятно, поддерживала переписку с Мехмедом II и в 1470 г. даже выступала посредником в переговорах султана с венецианцами. См.: Поповић М. Ст. Мара Бранковић. Жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку / Пр. с нем. Б. Рајлић. Нови Сад, 2014. С. 119–120; Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time. P. 289; Peirce L. P. The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. New York; Oxford, 1993. P. 42.

⁷⁰⁴ Ducas Historia Turcobyantina. P. 289. 11.

⁷⁰⁵ См.: Ibid. P. 287. 29–32; 289. 1–14.

⁷⁰⁶ См.: Занемонец А. Геннадий Схоларий, патриарх Константинопольский (1454–1456). М., 2010; Лобовикова К. И. Греческий патриарх Геннадий Схоларий и турецкое завоевание Византии // Проблемы теологии. Вып. 3. Материалы Третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа, 2–3 марта 2006 г. Екатеринбург, 2006. Ч.1. С.91–101; Papadakis A. Gennadius II and Mehmet the Conqueror // Byzantion. 1972. Vol. 42. P. 88–106.

ведет долгие беседы, проникается его мудростью и ораторским искусством и дает те же привилегии и права, которые были у церкви в прежние времена⁷⁰⁷. Об особенностях «протурецкой» позиции этого автора будет сказано ниже.

Воспевая подвиги своего героя, Критовул стремился скрыть его преступления и пороки. Мехмед, в интерпретации писателя, словно бы не причастен к бедам и горестям защитников Константинополя во время его последней осады: «Слезы полились из его глаз, вздохнул он тяжело и глубоко: «Что за город отдали мы на разграбление и разрушение?»⁷⁰⁸. Критовул также не сообщал об известном сюжете о казни великого дуки Луки Нотары, которую описывали в своих сочинениях другие историки осады Константинополя Дука и Халкокондил. По их сообщениям, Мехмед, войдя в город, посетил все знатные семьи Константинополя, особенно же уделив внимание Луке Нотаре, заботливо справившись о здоровье его жены. На следующий день Мехмед, «упившись вином»⁷⁰⁹, велел привести к себе малолетнего сына Нотары, который очень понравился султану, заприметившему его еще во время его посещения накануне. Султан потребовал отдать мальчика к себе в сераль, однако Нотара отказался исполнить волю правителя, за что и был казнен вместе со своими сыновьями⁷¹⁰. Критовул же приводит иную версию казни Нотары – он туманно упоминает, что великого дуку оклеветали и казнили вместе с другими вельможами⁷¹¹, не углубляясь в причины такого решения, что выглядит естественным, учитывая стремление автора всячески идеализировать своего героя – Мехмеда.

Халкокондил на протяжении всего повествования избегает оценочных суждений, однако образы турецких султанов в его труде конструируются через факты и подробности, которые автор обстоятельно излагает. К

⁷⁰⁷ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 90–91.

⁷⁰⁸ Ibid. S. 76.

⁷⁰⁹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 381. 17–18.

⁷¹⁰ См.: Ibid. P. 383. 1–10; Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 204. 29–30.

⁷¹¹ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 83.

примеру, порочность Мехмеда II Халкокондил показывает посредством описания конкретных ситуаций из биографии султана. Так, автор сообщает, что в 1443 г. сыновья валашского господаря Влада II Дракула – Влад и Раду – были переданы отцом султану Мураду II в качестве пленников. Раду, получивший от турок прозвище «Красивый», обратил на себя внимание молодого Мехмеда, который пожелал вступить с ним в интимную близость. По словам Халкокондила, Мехмед «воспылал к мальчику страстью и пригласил его для беседы, а затем, якобы в знак уважения, предложил ему отправиться пировать в его чертогах. Мальчик не ожидал, что ему придется претерпеть подобное от султана, и когда он увидел, что правитель приближается к нему с этим намерением, то оттолкнул его и горячо запротестовал вступить с ним в связь. Но султан лишь поцеловал непокорного мальчишку, однако тот вытащил кинжал и ранил его в бедро, <...> но вскоре после этого он стал любовником султана»⁷¹². Интересно, что после этого инцидента в отношении мальчика не было предпринято никаких карательных действий со стороны султана, как произошло, например, с другим юношей, сыном Георгия Сфрандзи⁷¹³, при схожих обстоятельствах: «Нечестивейший и беспощаднейший султан убил собственноручно моего любимейшего сына Иоанна, когда мальчик якобы замышлял сделать то же с ним»⁷¹⁴. Вероятно, в случае с Раду Мехмед руководствовался не только личной симпатией к мальчику, но и определенным расчетом – юноша был политическим заложником, и причинение ему вреда могло повлечь за собой нежелательные для султана последствия. В 1462 г. именно Раду при содействии Мехмеда стал господарем Валахии⁷¹⁵.

И Дука, и Халкокондил отмечают развращенность Мехмеда, обращая внимание на его сексуальные предпочтения: «Султан привык иметь

⁷¹² См.: Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 366–368. 82.

⁷¹³ После захвата Константинополя в 1453 г. дети Сфрандзи попали в сераль Мехмеда II. См.: Alderson An.D. The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford, 1956. P. 87.

⁷¹⁴ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 144. 5–8.

⁷¹⁵ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 382. 97; 396. 107; Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time. P. 207–208.

отношения с людьми, которые не меньше него разделяли его наклонности. Поэтому он всегда, и днем, и ночью, проводил время в компании подобных людей, однако обычно он не вступал в отношения с людьми иного рода – за редкими исключениями»⁷¹⁶. Так, Мехмед II предстает не только жестоким завоевателем и поработителем христиан, но и отталкивающим, развратным человеком, которому свойственно недостойное поведение и низменные наклонности.

Таким образом, поздневизантийские писатели конструируют образы турецких султанов, с одной стороны, сквозь призму традиционных представлений византийцев об иноверцах, описывая османских правителей как гонителей христианской веры и поработителей ромеев, с другой же, основываясь на реальных или легендарных фактах их биографии, выделяя такие их качества, как коварство, жадность, жестокость и распущенность. При этом современники и очевидцы описываемых событий, как, например, Иоанн Анагност и Иоанн Канан, описывают непосредственное впечатление от конкретного султана, в то время как интеллектуал и богослов Симеон Фессалоникийский, следуя литературной традиции, конструирует образ османских государей с помощью различных риторических фигур и приемов, далеких от реальности. Оценки же поствизантийских историков индивидуализированы и зачастую представляют собой набор специфических характеристик и личностных качеств османских султанов, основанных на сведениях самых разных источников.

Обращает на себя внимание тот факт, что в произведениях византийских авторов отнюдь не все характеристики султанов несут негативный оттенок – византийцы оценивают деятельность османских правителей по степени «полезности» их византийцам, а также основываясь на отношении султанов к покоренным народам. Причем интересно, что в случае с характеристиками первых османских лидеров (Орхан I, Мурад I, Баязид I) византийские писатели могли основываться преимущественно на легендарных или

⁷¹⁶ Laonikos Chalkokondyles. The Histories. Vol. II. P. 368. 82.

полулегендарных сведениях, закрепившихся в исторической памяти византийцев. Описывая же деятельность своих современников, авторы могли использовать данные очевидцев как собственно византийского, так и латинского и турецкого происхождения, поэтому их образы наиболее многогранны.

Отдельно стоит сказать об образе Мехмеда II. Практически все используемые византийцами характеристики сугубо негативны, что, в целом, закономерно – с именем Мехмеда, завоевателя Византии, у многих писателей были связаны личные потери. Однако из общей канвы выделяются такие византийские авторы, которые, напротив, посвящали свои сочинения восхвалению личных качеств Мехмеда и даже рассматривали его как преемника византийских императоров на константинопольском троне. Таким образом, можно говорить о существовании такого любопытного явления в византийской интеллектуальной среде, как туркофильство⁷¹⁷.

3.6. К вопросу о существовании византийского туркофильства

Традиционно в историографии принято считать, что с нарастанием турецкой угрозы в XIV – начале XV вв. перед византийцами остро встала проблема поиска «рецепта» спасения империи, в связи с чем взгляды византийских интеллектуалов разделились на латинофильское, ортодоксальное и туркофильское направления.

Латинофилы и ортодоксы вели между собой непримиримую борьбу, которая обострилась с приближением Ферраро-Флорентийского собора в 1438–1439 гг. Латинофильское идеологическое течение, ориентированное на культурное и религиозное сближение с Западом, оформилось в Византии еще во второй половине XIV в. В условиях грозящей со стороны турок опасности латинофильство постепенно приобретало и политическую направленность.

⁷¹⁷ См.: Жигалова Н. Э. Византийское туркофильство: течение или увлечение? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 45–52.

Приверженцы этого течения видели спасение империи в союзе с западными правителями и папством⁷¹⁸ и уповали на помощь католических лидеров, считая заключение унии единственно верным решением. В свою очередь, ортодоксы, оппонирова своим противникам, утверждали впоследствии, что именно союз с Западом спровоцировал Мехмеда II на радикальные действия, только ускорив гибель Ромейского царства⁷¹⁹.

Феномен туркофилии принято понимать как политическую ориентацию, возникшую в противовес латинофильству⁷²⁰. Выказывание симпатии по отношению к туркам не было таким уж редким явлением в Византии XV в. Почти хрестоматийные слова великого дуки Луки Нотары о том, что «лучше уж видеть в Городе воцарение турецкого тюрбана, чем латинскую тиару»⁷²¹, якобы сказанные им накануне захвата Константинополя, косвенно указывают на тот факт, что данное идеологическое течение было популярно не только в замкнутой интеллектуальной среде, но и среди высших имперских чиновников. По мнению Г. А. Острогорского, «чем ближе был час гибели, тем более сильным становилось в Византии течение, которое выступало за мир с турками»⁷²². Однако нам видится, что пассаж Нотары был направлен скорее не в пользу турок, но против латинян.

Византийскими туркофилами XV в. традиционно считаются историк Михаил Критовул, посвятивший свой труд Мехмеду II, философ Георгий Трапезундский, стремящийся убедить современников в важности диалога ислама и христианства, и Георгий Амирутци, бывший на службе у Мехмеда II и бесконечно ему преданный.

И все же можно ли с уверенностью говорить о существовании в Византии самостоятельного идеологического течения, традиционно

⁷¹⁸ Куц Т. В. Латиняне в восприятии латинофилов. С. 319.

⁷¹⁹ Georgii Sphrantzae Chronicon. P. 80.

⁷²⁰ См.: Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое. Опыт преодоления. Очерки из истории и культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 197.

⁷²¹ Ducae Historia Turcobyzantina. P. 329. 8–12.

⁷²² Острогорский Г. А. История Византийского государства / пер. с нем.: М. В. Грацианский, ред.: П. В. Кузенков. М., 2011. С. 679.

именуемого «туркофильским»? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть деятельность и литературное наследие самых известных византийских «туркофилов».

З. В. Удальцова выделяла протурецки настроенных авторов как представителей некой «туркофильской партии». Она отмечала, что на сближение с турками писателей толкали «свокорыстные личные мотивы»⁷²³, связанные с их стремлением получить выгодные должности и завоевать доверие османского султана. По мнению же М. Баливе, к такому жестокому выбору византийских мыслителей толкало желание продолжать профессиональную интеллектуальную деятельность⁷²⁴. В свою очередь, Н. Неджипоглу более сдержанно называет таких писателей «проосманскими» («pro-Ottoman»), отмечая, однако, что этот термин не способен учесть все нюансы и особенности политической ориентации авторов⁷²⁵.

Рассмотрим некоторые аспекты туркофильской позиции названных писателей: образ Мехмеда II, описание турецких обычаев и религии, отношение авторов к завоеванию Византии.

Мехмед II является центральным персонажем произведений рассматриваемых византийских писателей. Сочинение Критовула представляет собой описание деяний «величайшего самодержца» Мехмеда II Завоевателя. В историографии автору часто ставили в упрек его стремление возвести Мехмеда в один ряд с византийскими императорами. Действительно, историк на протяжении всего своего повествования именует султана василевсом. Но и другой историк эпохи Лаоник Халкокондил так же называл любых правителей, турецких и балканских в том числе.

Основному тексту «Истории» предшествует письмо, обращенное к Мехмеду, в котором автор сообщал о своем намерении написать историю

⁷²³ Удальцова З. В. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания, по данным византийского историка Критовула // СВ. 1951. Вып. 3. С. 162.

⁷²⁴ Balivet M. Aristote au service du Sultan! Ouverture aux Turcs et Aristotélisme chez quelques penseurs byzantins du quinzième siècle. P. 150.

⁷²⁵ Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Cambridge, 2009. P. 4.

деяний султана, которого называл «великим самодержцем», «василевсом василевсов», «творцом многих и великих подвигов»⁷²⁶ и сравнивал с Александром Македонским.

В своем посвящении Критовул писал, что Мехмед II – один из немногих правителей, который соединил с подвигами красноречие, мудрость с опытностью в управлении государством. Восхвалениями ума и доброго характера султана наполнен весь труд писателя. Мехмед II, согласно Критовулу, никогда не бывал виновником войн и начинал их лишь в силу веских причин. Виноваты в войне всегда его противники, вызывавшие его гнев своим неблаговидным поведением, нарушением договора с султаном, невыплатой в срок установленной дани или же тем, что стремились к отпадению от Порты, заключая тайные союзы с ее врагами. По сведениям Критовула, султан проявлял большое человеколюбие и великодушие в отношении пленных ромеев, захваченных после падения Константинополя, и оказывал им благодеяния⁷²⁷. О тех же, кто проявлял непокорность, историк писал, что они были сами виноваты в том, что вызвали гнев султана своим неповиновением⁷²⁸.

Прославляя Мехмеда, писатель воспевал его доблесть, мужество, стратегический талант, военный опыт⁷²⁹. Однако Критовул, по мнению З. В. Удальцовой, «не унижает себя столь низкой и недостойной лестью, как другой известный туркофил – Георгий Амирутци»⁷³⁰, который больше других прослыл изменником и ренегатом за свои симпатии османскому правителю⁷³¹.

⁷²⁶ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 3.

⁷²⁷ Ibid. S. 82.

⁷²⁸ Ibid. S. 147.

⁷²⁹ Ibid. S. 17.

⁷³⁰ Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. С. 173.

⁷³¹ Tomadakis N. B. Ἐτούρκευθεν ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη. P. 104–106; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre. P. 297

Поэтические произведения Амирутци, адресованные султану⁷³², написаны в панегирическом тоне, всячески воспевают его личные качества, достоинства и ратные подвиги. Этот писатель так же, как и Критовул, сравнивал султана с Ахиллесом и Александром Македонским, называл его «Аристотелем, любителем мудрости», «василевсом, доблестнейшим во всех отношениях»⁷³³.

Стихотворения Амирутци, как и письмо-посвящение Критовула, схожи с энкомиями, адресуемыми византийским императорам. И здесь, вероятно, имеют место распространенные топосы, без использования которых обращение к правителю было бы невозможно.

В подобном же тоне выдержаны трактаты Георгия Трапезундского. Философ, как и два предыдущих автора, именовал султана «императором императоров, и величайшим государем, и величайшим эмиром»⁷³⁴, указывал на «великую царственность и могущество, и величие, и мужество души, и достойную удивления доблесть и царственное усердие» султана, подобно другим авторам, сравнивал Мехмеда с Александром Македонским⁷³⁵, называя его «золотым душой, золотым умом, золотым образом мыслей, всевеличайшим эмиром»⁷³⁶.

«Послушай же, – писал Георгий, – о самый дивный эмир, я весьма почитаю и люблю тебя, и я молюсь за тебя, и за твое могущество, и за твою власть, чтобы вел тебя Бог ко всякому хорошему и доброму делу и привел к еще большей славе, чем ты ныне имеешь»⁷³⁷. Даже Константин Великий, по мнению философа, в сравнении с Мехмедом «не был более великим, чем ты,

⁷³² Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμιρούτζη. P. 275–282; 279–282; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre. P. 297–324.

⁷³³ Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμιρούτζη. P. 275–282.

⁷³⁴ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 19.

⁷³⁵ Там же. С. 19.

⁷³⁶ Там же. С. 59.

⁷³⁷ Там же. С. 86–87.

но во всем весьма уступал тебе: в происхождении, мудрости, телесной силе, в мужестве души»⁷³⁸.

Яркий и насыщенный эпитетами образ Мехмеда II являет собой набор качеств, присущих идеальному правителю. Оставаясь в рамках византийской литературной традиции, авторы, восхваляя султана, использовали привычные характеристики и эпитеты, применяемые к византийским василевсам. Так, реализуя традиционную модель взаимодействия византийских интеллектуалов с властью, писатели выстраивали отношения с новым повелителем Константинополя.

Не отклоняясь от магистральной линии своих сочинений, писатели также уделили внимание турецким порядкам и мусульманскому вероучению.

В «Диалоге о вере Христовой с правителем турок»⁷³⁹ Амирутци рассказывал о бедствиях, постигших греков, однако словами султана призывал их не бороться с захватчиками, а понять принципы их веры, обычаи и порядки, говоря о важности смирения и покорности. На протяжении всего сочинения Амирутци рассуждал о схожести христианского и мусульманского вероучений, сопоставлял и сравнивал основные догматы, убеждая султана, что христианство не противоречит здравому смыслу. Мехмед предстает мудрым и образованным правителем, с уважением относящимся к собеседнику-иноверцу. Но, в интерпретации Амирутци, султан беспощадно критиковал христианское вероучение и, в конце концов, не внял доводам философа. В сущности, литературная деятельность философа не была посвящена воспеванию турецких обычаев и религии – в центре внимания философа находился лишь султан, а не турецкий народ в целом.

Еще дальше пошел Георгий Трапезундский. Писатель считал, что выполнить трудную задачу воссоединения веры, Церкви и империи,

⁷³⁸ Там же. С. 89.

⁷³⁹ Argyriou A., Lagarrigue G. George Amiroutzès et son «Dialogue sur la Foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs». S. 29–222; Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasz. 1. № 784.

«объединить и собрать мусульман и христиан в одной вере и в одном исповедании» под силу лишь Мехмеду Завоевателю⁷⁴⁰. Именно поэтому он адресовал турецкому султану три трактата и три письма, убеждая правителя турок в том, что между мусульманами и христианами нет непреодолимых богословских противоречий, которые могли бы помешать их объединению⁷⁴¹.

В трактате «Об истинности христианской веры», адресованном в 1453 г. Мехмеду, автор представил развернутую концепцию объединения христианства и мусульманства. Философ предлагал султану подробно ознакомиться с христианскими догматами, чтобы понять все преимущества этого вероучения и объединить под своей властью христианские и мусульманские народы⁷⁴².

Однако Георгий понимал, что противоречия между мусульманским и христианским вероучениями слишком велики, поскольку «христиане ругают мусульман как неразумных и невежественных, а мусульмане христиан как идолопоклонников, и те, и другие [ругают] друг друга как нечестивых»⁷⁴³. Главную причину этого Георгий видел в недостаточной осведомленности сторон, а также в том, что «христиане и мусульмане не могут беседовать друг с другом из-за незнания языков»⁷⁴⁴.

Османы фигурируют в его сочинениях лишь как «турки» или «мусульмане». Георгий использовал только нейтральные термины, избегая обозначений турок, несущих негативные коннотации. По мнению философа, «род мусульман весьма велик и достоин удивления»⁷⁴⁵. В своем трактате «Об истинности христианской веры» Георгий уточнял, что он стремился написать его «в более простой манере, чтобы его было возможно с большей легкостью перевести твоим людям на солнечный и ослепительный язык турок,

⁷⁴⁰ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 20–21.

⁷⁴¹ См.: Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. P. 491–573; Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 94.

⁷⁴² Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 22.

⁷⁴³ Там же. С. 23.

⁷⁴⁴ Там же. С. 24.

⁷⁴⁵ Там же. С. 20.

сладкозвучие и немногосложность слов, смелость и мужественность произношения которого подтверждают все, кто изведал его»⁷⁴⁶. Анализируя сочинения Георгия Трапезундского, всегда следует помнить, что он был прежде всего философом и ритором, поэтому все его хвалебные пассажи следует воспринимать как дань литературной традиции.

Несмотря на свои очевидные туркофильские симпатии, Георгий Трапезундский был истовым христианином, написавшим бесчисленное количество богословских трактатов⁷⁴⁷. К слову, философ был ярким противником историософской концепции Георгия Гемиста Плифона и весьма категорично высказывался по поводу его эллинистических идей⁷⁴⁸. Как видно из трактата «Об истинности христианской веры», не был он и сторонником мусульманства, и в своих сочинениях он приводил множество доводов, доказывающих превосходство Христовой веры над всеми другими.

Георгий несколько раз выражал готовность служить Мехмеду. Однако в Риме протурецкие симпатии Георгия вызвали настоящий скандал. Философ был заключен под стражу и из тюрьмы писал папе, что отрекается от всех своих идей, воспевающих турок и султана. Тем не менее, после освобождения Георгий написал в 1466 г. для Мехмеда еще одно произведение «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве»⁷⁴⁹, в котором продолжал убеждать султана в важности принятия христианства и восхвалять достоинства правителя⁷⁵⁰. Однако встреча Георгия Трапезундского и Великого Турка не состоялась, и неизвестно, получил ли Мехмед Завоеватель письма или какой-нибудь из трактатов Георгия. То, что

⁷⁴⁶ Там же.

⁷⁴⁷ См.: Monfasani J. *George Amiroutzes. The Philosopher and his Tractates.*

⁷⁴⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 67–69.

⁷⁴⁹ George of Trebizond. *On the Eternal Glory of the Autocrat.* P. 492–564.

⁷⁵⁰ Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 399–414.

замышлялось автором как диалог, осталось лишь монологом греческого интеллектуала⁷⁵¹.

В 1467 г. был создан новый трактат «О божественности Мануила»⁷⁵², в котором писатель горячо заверял Мехмеда в своей преданности и убеждал его принять это имя, дабы быть достойным наследником византийских императоров⁷⁵³.

Данный тезис красной нитью проходит также и через произведения Георгия Амирутци. Константинополь, по мнению философа, стал наградой, которая на законных основаниях оказалась в руках Мехмеда. Георгий всячески подчеркивал легитимный характер власти султана, обозначая его как преемника византийских императоров, называя Мехмеда «владыкой ойкумены» и «василевсом эллинов и ромеев»⁷⁵⁴. Идея преемственности власти Мехмеда от византийских василевсов прослеживается в каждом из пассажей Амирутци, посвященных султану. Мехмеда он именует «наследником» (κληρονόμος). Мехмед у Амирутци – это не столько султан, хан, бей или эмир, сколько василевс и «повелитель эллинов». Похожим образом Амирутци именовал султана и в своем письме кардиналу Виссариону⁷⁵⁵, так что такая концепция, вероятно, является частью идеологической позиции писателя, а не обыкновенным заискиванием.

Однако если Амирутци в своих произведениях ограничивался лишь описанием положительных качеств Мехмеда II, то историк Критовул

⁷⁵¹ Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель. С. 142.

⁷⁵² George of Trebizond. On the Divinity of Manuel. P. 564–574.

⁷⁵³ Balivet M. Aristote au service du Sultan. P. 140–143.

⁷⁵⁴ Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμιρούτζη. P. 280; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre. P. 321.

⁷⁵⁵ После сдачи Трапезунда в 1461 г. Амирутци с семьей был отправлен в Адрианополь и оттуда писал кардиналу Виссариону с просьбой выслать ему денег для выкупа его сына Василия из плена, которого султан желал обратить в ислам и забрать в сераль. Предположительно, именно тогда Георгий вступил в переписку с Мехмедом II и отправил ему несколько стихотворений в попытке задобрить султана и избавить своего сына от завидной участи. Данное предположение позволяет рассматривать дальнейшую проосманскую деятельность Амирутци как форму приспособленчества и даже вынужденную необходимость. См.: Γεωργίος ὁ Ἀμιρούτζης Βεσσαριώνη // PG. T. 161. Col. 723–728; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre. P. 301, 321.

стремился исторически обосновать и, возможно, оправдать свою позицию историографа и панегириста завоевателя ромейского государства, изображая турецкое завоевание империи как нечто абсолютно неотвратимое и predetermined. Он писал, что «ничто не могло удержать василевса (Мехмеда. – *Н. Ж.*); он более не желал пребывать в бездействии, решил как можно скорее захватить и разрушить Константинополь. К этому его побуждали также божественные знамения, предсказания, прорицания и пророчества»⁷⁵⁶.

Стоит отметить, что и Георгий Трапезундский был чрезвычайно подвержен эсхатологическим настроениям, бытовавшим в то время. Изначально угроза турецкого завоевания воспринималась им как Божья кара, а турки отождествлялись с ветхозаветными посланниками Антихриста Гогом и Магогом, которые принесут миру гибель⁷⁵⁷. Этот важный момент является частью философских воззрений автора, который определенным образом объясняет невероятное желание писателя убедить Мехмеда стать объединителем народов и верований.

В свою очередь, Критовул, в отличие от многих современников, расценивал турецкое завоевание империи не как высшее зло, а как естественный ход событий, связанный с закономерной сменой мировых держав. И выбирая из двух зол меньшее, он предпочел «турецкий тюрбан папской тиаре». В итоге – Критовул стал выглядеть изменником-ренегатом не только в глазах современников, но и в глазах потомков, являясь едва ли не самым известным туркофилом в истории Византии, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Красочные эпитеты, сопровождающие имя Мехмеда, не демонстрируют симпатию автора к туркам. Можно сказать, Критовул не был типичным туркофилом в полном смысле – историк сохраняет преданность своему народу и, ко всему прочему, по словам С. Рансимена, «остается

⁷⁵⁶ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 37.

⁷⁵⁷ См.: Monfasani J. George of Trebizond. A biography and a Study of his Rhetoric and Logic. P. 134–137; Anderson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Enclosed Nations. Cambridge, 1932. 117 p.

честным, непредвзятым и убедительным автором»⁷⁵⁸ и старается объяснить, почему завоевание турок – это не катастрофа, а факт, с которым следует примириться.

Если уж говорить об идеологической принадлежности Критовула к некой туркофильской партии, то следует констатировать, что прямых сведений об этом у нас нет. Кроме того, учитывая, что писатель являлся наместником о. Имврос, было бы странно полагать, что он желал избавиться от этой должности. Поэтому панегирический стиль его сочинения, как кажется, вполне можно объяснить желанием автора продолжать интеллектуальную и политическую деятельность при османском правительстве.

Вероятно, теми же причинами руководствовался и Амирутци. С одной стороны, факты биографии Георгия Амирутци показывают, что именно амбиции и талант, а также, вероятно, родство с великим визирем Махмудом-пашой, способствовали тому, что он обрел положение уважаемого султанского придворного. С другой же, необходимость освободить членов его семьи из плена вынуждала Амирутци искать прямого контакта с Мехмедом II. Оба этих фактора, как кажется, и привели к тому, что византийский писатель оказался на службе у завоевателя Византии. К слову, Критовул в своем сочинении упоминал Амирутци, называя его «великим философом, обладающим энциклопедическими знаниями, к тому же оратором и поэтом», о котором султан узнал и, впечатленный его мудростью, пригласил служить при своем дворе⁷⁵⁹. Старший сын Георгия Александр принял ислам, что укрепило позиции Амирутци при султанском дворе, хотя сам он, вероятно, так и не стал ренегатом.

Несмотря на истовое стремление Амирутци угодить султану, которому он служил, его протурецкая позиция, видимо, была вынужденная.

⁷⁵⁸ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 170.

⁷⁵⁹ Critobuli Imbriotae Historiae. S. 165–166.

Свидетельством тому является письмо его друга Михаила Апостолиса⁷⁶⁰, в котором автор хвалил Георгия за то, что тот предпочел жизнь смерти, приняв со своими сыновьями ислам⁷⁶¹. «Для тебя было нетрудно, – писал Апостолис, – притвориться, будто ты следуешь турецкой вере, оставаясь при этом тем же (христианином. – *Н. Ж.*). И пусть это кажется предосудительным некоторым людям – пусть даже таких большинство – те же, кто знают причины тому, не увидят в этом ничего, что бы заслуживало порицания»⁷⁶². Исследовательница А. Франгедаки находит в этих словах доказательство существования криптохристианских тенденций в Византии во второй половине XV в.⁷⁶³, что, возможно, свидетельствует о мнимой туркофилии предприимчивого Амирутци.

Амирутци, столь часто и столь успешно менявший свою идеологическую позицию, предстает человеком прагматичным и деятельным. Кроме того, если принять к сведению упомянутое сообщение Апостолиса, то можно взглянуть на идейную и религиозную позицию философа под другим углом. Нам видится, что Амирутци, будучи гибким и дипломатичным человеком, сумел адаптировать свои взгляды к изменившимся историческим реалиям, чтобы иметь возможность продолжать литературную деятельность и строить политическую карьеру. Однако это не означает, что писатель отрекся от родной культуры и религии в пользу собственных корыстных интересов – напротив, его произведения, на наш взгляд, демонстрируют его верность христианству и следование византийской литературной традиции.

⁷⁶⁰ Письмо датируется примерно 1466–1467 г. Frangedaki A. On fifteenth-century CryptoChristianity: A Letter to George Amoiroutzes from Michael Apostolis // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1984. Vol. 9. P. 221–224.

⁷⁶¹ Факт о принятии ислама Георгием Амирутци спорен.

⁷⁶² *Lettres Inédites de Michel Apostolis*. P. 83.

⁷⁶³ Frangedaki A. On fifteenth-century CryptoChristianity. P. 223. Впрочем, криптохристианство, упоминавшееся еще у греческих писателей XIV в., не было новым явлением в Византии. См.: Bryer A. *Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman marriage* // *The Writing of History in the Middle Ages*. Oxford, 1981. P. 488–489; Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 341–343.

Писатель, умело играя на расположении Мехмеда ко всякого рода философам и книголюбам, сумел добиться для себя и своей семьи хорошего положения при султанском дворе. Поражает гибкость, с которой Георгию удавалось участвовать в сложных политических реалиях своего времени – как только Флорентийская уния доказала свою несостоятельность, Амирутци немедленно отказался от своих прежних униатских взглядов, переориентировавшись на поддержку византийских ортодоксов. После же турецкого завоевания писатель нашел отклик в сердце османского султана, описывая в своих произведениях его подвиги и достоинства. Трудно не согласиться с утверждением С. П. Карпова, что Амирутци «напоминал скорее тот тип предприимчивого дельца и искателя приключений, который был так характерен для западноевропейского Возрождения»⁷⁶⁴.

Относительно же Георгия Трапезундского, то, как и в иных случаях, туркофильство автора проявляется в его панегирических произведениях, предлагающих «наследнику ромеев» Мехмеду II стать владыкой христиано-мусульманского мира, объединив два враждующих вероучения на основе христианства. Однако в данном случае трудно сказать, надеялся ли Георгий Трапезундский на какие-то выгоды и поощрения со стороны османского государя. Учитывая, что философ проживал в Италии и вряд ли собирался поселиться на захваченных турками территориях, можно заключить, что его утопическая концепция христиано-мусульманской империи, управляемой просвещенным и мудрым Мехмедом-Мануилом, есть не более чем гуманистическая философская конструкция. Усматривать в этом проблески византийской туркофильской мысли, на наш взгляд, не имеет смысла, хотя настойчивость автора и верность идее действительно удивляют.

Подводя итог наблюдениям, хотелось бы обратить внимание на следующий момент: из общего у рассмотренных писателей только византийское происхождение и наличие произведений, в которых восхваляется Мехмед Завоеватель. Один жил на завоеванной территории и

⁷⁶⁴ Карпов С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци. С. 195.

пытался сосуществовать с турецким правительством, другой – предприимчивый карьерист, своими литературными дарованиями сумевший добиться места султанского придворного, третий же вообще всю сознательную жизнь прожил убежденным католиком в Италии. Поэтому рассматривать их туркофильские воззрения по одним и тем же критериям было бы, по меньшей мере, неточно.

Мехмед II поощрял интеллектуальную работу писателей вне зависимости от их религиозной и языковой принадлежности⁷⁶⁵. Неудивительно, что византийские интеллектуалы, сумевшие приспособить риторику своих сочинений к интересам султана, зачастую играли заметную роль при султанском дворе. Каждый из них старался найти свое место в изменившемся мире, выстраивая свою литературную деятельность на принципах восхваления достоинств Мехмеда II и толерантном отношении к иноверцам. Нам видится, что они несправедливо заслужили порицание со стороны современников и репутацию протурецких ренегатов в трудах историков.

Учитывая, что «туркофильские» настроения подобного свойства возникли в византийской среде уже после падения империи, можно ли говорить об искренности чувств и объективности произведений тех авторов, которые продолжали литературную деятельность при новом правителе? В отличие от латинофилов, предлагавших конкретные рецепты спасения империи и искавших политической поддержки у западных союзников, названные туркофилы относились к турецкой угрозе совершенно по-философски: империю уже не спасти, осталось лишь смиренно принять факт завоевания и найти способ сосуществовать с османами. Исследователь М. Баливе определяет подобных писателей как представителей такой группы византийских интеллектуалов, «которые, отказавшись от бегства на христианский Запад, согласились занять официальное место в новом

⁷⁶⁵ Mavroudi M. Translations on Greek into Arabic at the Court of Mehmed the Conqueror / The Byzantine Court: Source of Power and Culture. Istanbul, 2013. P. 207.

мусульманском обществе в обмен на уважение их религиозной инаковости и греко-христианского культурного своеобразия»⁷⁶⁶. Наши же писатели стали лишь теми немногими, кому это удалось. Поэтому, на наш взгляд, справедливо было бы снять с них клеймо предателей и изменников, а также отметить, что никакой «туркофильской партии» как идейно-политического течения в Византии не существовало.

Подводя итог наблюдениям, отметим, что в восприятии византийских писателей XV в. проявляется многогранный и порой нетипизированный образ турок, сформированный не только общей для византийских сочинений литературной традицией, но также впечатлениями от личного опыта взаимодействия с захватчиками. Влияние литературной традиции на восприятие авторов огромно. В сочинениях практически всех рассмотренных авторов повсеместно встречаются клишированные оценки и стереотипы, сформированные еще в ту далекую эпоху, когда носители мусульманской религии только начинали свое победоносное шествие по христианским землям. В связи с этим для византийских писателей на первый план выходит религиозная характеристика турок-иноверцев, обличающая их как язычников и неверных, посланников Антихриста, поработителей христиан. Однако в сочинениях последних византийских историков Халкокондила, Критовула и Сфрандзи этих клишированных элементов мы практически не наблюдаем, поскольку на их место приходит объективная и адекватная оценка реальной ситуации, в которой турки являются привычными обитателями византийского мира.

Наряду с этим, как было отмечено, большинство рассмотренных сочинений содержат оценки византийских писателей морально-этического облика захватчиков. Именуя их не иначе как «варвары», византийские авторы старались подчеркнуть низкий культурный уровень турок, обличить их «варварские» обычаи и повадки. Однако обращает на себя внимание тот факт, что для большинства византийских интеллектуалов «варварский»

⁷⁶⁶ Balivet M. Pour une concorde islamo-chrétienne. P. 24.

обозначало также представителя иного, враждебного вероисповедания, следовательно, нашествие «варваров» воспринималось ими как стремление попортить христианские ценности. В то же время анализ сочинений Иоанна Канана и Иоанна Анагноста, написанных простым и понятным для их сограждан языком, показывает, что в повседневной речевой практике византийцев (в противовес языку исторических и риторических произведений), вероятно, отсутствовала такая оценка завоевателей. Для простых жителей империи турки были скорее расчетливыми и хитрыми военными противниками, которые, однако, не представляли перед ними в виде звероподобных демонических фигур, а были вполне реальны и осязаемы.

Отметим также, что византийские писатели, в особенности историки Халкокондил, Дука, Сфрандзи и Критовул, были великолепно осведомлены о взаимоотношениях османских правителей с их азиатскими и европейскими противниками, разбирались в принципах организации османского войска, а также знали тонкости некоторых религиозных традиций. Это говорит о том, что источники, которыми пользовались рассмотренные авторы, были в том числе и турецкого происхождения и, вероятно, включали в себя рассказы самих турок. Отсюда следует, что христианский и мусульманский миры не были такими уж непроницаемыми друг для друга, и не существовало никакого информационного вакуума среди византийцев относительно жизни турок-османов, которые в XV в. были уже не только военными и политическими противниками, но и соседями.

Даже после падения империи в 1453 г. среди ряда византийских интеллектуалов, таких как Михаил Критовул, Георгий Амирутци и Георгий Трапезундский, зрела надежда на восстановление византийской цивилизации под эгидой завоевателя Византии Мехмеда II, объявленного ими наследником византийских императоров. Однако этим утопическим идеям не суждено было осуществиться, и их призыв так и остался гласом вопиющих в пустыне.

Заключение

Динамичные, полные драматизма и противоречий отношения византийцев с османами в первой половине XV в. претерпели определенную эволюцию. Можно выделить два этапа развития взаимоотношений византийцев и турок: после разгрома османских войск при Анкаре в 1402 г. и начала внутридинастической смуты в Османском государстве византийский император воспользовался сложным внутривосточным положением в османской державе. Играя на политических амбициях претендентов на османский престол и поддерживая то одного, то другого потенциального правителя османов, василевс рассчитывал обратить внутривосточные конфликты турок на пользу империи и обрести контроль над османским султаном. Для этого василевс использовал любые доступные средства, заключал союзы с потенциальными претендентами на османский трон, стараясь сдерживать турецкую агрессию и обезопасить те незначительные территории, которые еще оставались в византийском владении. Однако в 1420-х гг. с воцарением Мурада II и стабилизацией внутривосточной ситуации в Османском государстве турецкая экспансия вновь усилилась. В 1422 г. турки предприняли очередную попытку овладеть Константинополем, разорили Пелопоннес и осадили Фессалонику. После падения в 1430 г. Фессалоники стало очевидно, что Византия более не в силах оказать хоть какое-то сопротивление нарастающей мощи турок, а сокрушительное поражение крестоносного войска латинян у Варны в 1444 г. стало предвестником гибели империи.

Обратившись к вопросу восприятия византийцами османов и османской угрозы, мы столкнулись с неоднозначностью исторического опыта осмысления турецкой опасности. Как показало исследование, контакты византийцев с турками зачастую сводились не только к военному противостоянию, но и к взаимодействию в одном территориальном и культурном пространстве. На восприятие византийцами турок влияли не

только устоявшиеся стереотипы, но и реальный опыт контактов с турецким миром, который не был однозначно плохим. В первой половине XV в. жизнь под турецким игом уже не казалась греческому населению ужасающе безнадежной перспективой. Во многом это связано с тем, что турки проявляли известную веротерпимость и снисходительность по отношению к завоеванным народам, что привело к возникновению конформистских настроений в византийском обществе.

Рассуждения Симеона Фессалоникийского о греках, перешедших на сторону врагов, показывают, что конформизм был распространенным явлением в византийской среде. Симеон признавал, что участь византийцев в осажденных турками городах была нелегкой, и простые горожане, чтобы облегчить свое существование, поддавались на увещевания и обещания протурецких агитаторов. Понимая мотивы, толкавшие ищущих лучшей доли сограждан на сотрудничество с врагом, другой архиепископ Фессалоники Исидор Глава в обращении к своей пастве особо подчеркивал этический аспект этого предательства, усматривая в любом союзе с турками (в том числе и в смешанных браках) нравственное падение греков. Проповеди архиепископов Фессалоники Исидора Главы и Симеона были направлены на мобилизацию греческого населения и призыв противостоять захватчикам. Однако, по всей вероятности, они не находили отклика в умах рядовых византийцев, предпочитавших сытую и спокойную жизнь под турецким владычеством полной волнений и лишений участи византийских граждан.

В политической идеологии Византии военные или дипломатические союзы с турками воспринимались в целом как вынужденная необходимость, обязательный элемент мирного сосуществования с врагами. Простые же византийцы, давно привыкшие к такому соседству, не видели особых морально-этических преград для того, чтобы приспособливаться к турецким обычаям и адаптироваться к новому общественному и религиозному укладу.

В то же время, как показал анализ сообщения Иоанна Анагноста, рядовые турки были настроены если не на сотрудничество, то, по крайней

мере, на содействие со стороны византийцев, пусть и в корыстных целях. Примечательно, что порой такая форма взаимодействия оказывалась результативной. Несомненно, все эти обстоятельства корректировали восприятие византийскими интеллектуалами турецкой угрозы, исходившей от османов-агрессоров.

Образ турка как Чужого в византийской исторической литературе XV в. транслировался через характеристику их религиозной инаковости, военно-политических конфликтов и контактов с османами, обычаев, поведения в определенных ситуациях, военного искусства, налоговой системы и деятельности их политических лидеров.

Несмотря на различные оценки авторов, их идеологические и политические предпочтения, очевидно, что «турецкий вопрос» никого из них не оставил равнодушным – более того, явственно прослеживается, что основной линией сочинений поздневизантийских авторов (в частности, Лаоника Халкокондила, Дуки, Критовула) является именно история возвышения османов, а не внутренние дела Византии. Это объясняет пристальный интерес, проявляемый авторами к обычаям и традициям завоевателей. Несмотря на то, что большинство рассмотренных авторов в большей степени подчеркивали религиозную инаковость османов, нежели культурную, следует констатировать, что для византийских писателей турки в целом оставались враждебным варварским народом, практически лишенным каких-либо положительных черт. Однако стоит подчеркнуть, что оценки историков неоднозначны – важной задачей для писателей, живших на покоренных территориях, было донести свои сочинения до образованной общественности и потомков, поэтому в их произведениях нередко встречаются положительные или нейтральные оценки представителей турецкого народа.

Характеристика турок дается не столько с помощью устоявшихся клише, традиционно применяемых при упоминании османов, сколько через описание их обычаев, религиозной практики и повседневной жизни. Анализ

лексики произведений последних византийских историков показал, что турки воспринимались византийцами в первую очередь как «варвары» – люди более низкого культурного развития и иного, враждебного к христианскому вероисповедания.

Однако, как показал анализ источников, образ турок в сочинениях византийских авторов XV в. постепенно «очеловечивается». К примеру, Анагност наделяет своих «героев» такими качествами, как жадность, хитрость, расчетливость, в то время как религиозные характеристики, доминировавшие прежде, уступают место морально-этическим. Таким образом, можно констатировать, что по факту реального взаимодействия образ турок в восприятии византийцев неизбежно трансформировался, приобретая новые черты.

Изменения в восприятии византийских писателей XV в. турок и турецкой угрозы объясняются тем, что византийские авторы, создавшие свои произведения уже после падения империи, располагали куда большим количеством свидетельств, чем их предшественники, и описывали не столько абстрактный враждебный народ, сколько своих ближайших соседей, с которыми десятилетиями жили бок о бок. Поствизантийские историки предпринимали попытки принять турецкое завоевание Византии как закономерное стечение обстоятельств и волю Господа, в связи с чем их оценки турок и турецкой агрессии более сдержанные и последовательные.

Эволюция во взглядах византийских писателей на османов проявляется также в том, что образы турецких султанов, конструируемые в сочинениях последних византийских историков, оказывались более индивидуализированными и многогранными, тогда как в произведениях их предшественников османские правители зачастую были представлены лишь как поработители христианской веры, жестокие и вероломные завоеватели. Образ Мехмеда II, завоевателя Византии, в большинстве рассмотренных произведений негативен и содержит лишь пейоративные характеристики. В сочинениях же византийских «туркофилов» османы в целом выступают лишь

как фон, безликая масса, в то время как личностные качества и таланты Мехмеда II выводятся на первый план.

Рассмотрев сочинения так называемых византийских «туркофилов», можно сделать вывод, что византийские интеллектуалы, сумевшие приспособить риторику своих сочинений для восхваления султана, зачастую играли заметную роль при султанском дворе, поскольку Мехмед II поощрял интеллектуальную работу писателей вне зависимости от их религиозной и языковой принадлежности.

Несмотря на то, что и Георгий Амирутци, и историк Критовул, и философ Георгий Трапезундский выстраивали риторику своих сочинений на принципах восхваления достоинств завоевателя Византии, нельзя сказать однозначно, что писатели таким образом преследовали некие своекорыстные личные мотивы. Для них это был, скорее, способ выстроить привычную модель взаимодействия с властью с помощью своих литературных талантов и продолжить интеллектуальную деятельность при османском дворе. Отсюда следует вывод, что византийское туркофильство было не столько идейно-политическим течением в среде корыстолюбивых византийцев, сколько некой философской или – в случае с Критовулом – исторической концепцией, позволяющей объяснить и принять турецкое завоевание Византии как данность, а также найти способ сосуществовать с завоевателями. Отметим все же, что, несмотря на все попытки этих писателей достучаться до сердца грозного султана и приспособиться к изменившимся историческим реалиям, они были верны себе и оставались византийцами до самого конца.

Это вновь возвращает нас к актуальности проблемы межкультурного и межцивилизационного диалога между представителями европейского и азиатского культурных пространств, складывающегося в сложных политических и экономических реалиях современного мира. Пример отношений ослабленной внутренними политическими и идеологическими распрями Византии и молодого, набирающего силу

Османского государства показывает, что, несмотря на все попытки византийских интеллектуалов отторгнуть или, напротив, принять религиозную и культурную инаковость пришельцев с Востока, ромейская цивилизация растворилась под натиском монолитной пассионарной этнокультурной общности, оставив после себя лишь осколки былого могущества.

Перспективы дальнейшего исследования настоящей проблематики состоят в более детальном изучении отдельных аспектов османской экспансии на византийские территории в XV в., реконструкции событий осады византийских городов турками в риторических и эпистолярных сочинениях византийских авторов XIV–XV вв. Кроме того, малоизученным и перспективным направлением является исследование восприятия османами византийцев, которое возможно при привлечении османских источников XV в.

Список сокращений

ΑΔСВ – Αντιχνη дрeвнoсть и срeднiе вeкa

ВВ – Византийский временник

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИВАД – Известия на Варненското Археολογическо Дружество

ИНМВ – Известия на Народния музей–Варна

СВ – Средние века

BF – Byzantinische Forschungen

BS – Byzantinoslavica

BZ – Byzantinische Zeitschrift

CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae

DOP – Dumbarton Oaks Papers

GOTR – Greek Orthodox Theological Review

GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik

OCP – Orientalia Christiana Periodica

PG – Patrologiae cursus completes. Series graeca / J.-P. Migne

ΔΕΕΕ – Δελτίον της Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρίας της Ελλάδος

ΕΕΒΣ – Ελληνική Επιτροπή Βυζαντινών Σπουδών

Список источников и литературы

Источники

1. Аристотель. История животных / Аристотель; предисл. и примеч. Б. А. Старостина, пер. с древнегреч. В. П. Карпова. – М.: Издательский центр РГГУ, 1996. – 528 с.
2. Георгий Сфрандзи. Хроника / Георгий Сфрандзи; предисл., пер. и примеч. Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1987. – Вып. 5. – С. 156–251.
3. Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Георгий Трапезундский; пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой. – Самарканд: Издательство «Ихйа' 'улум ад-дин» /«Воскрешение наук о вере»/, 2009. – С. 19–90.
4. Георгије Сфранцес. Хроника. Пад Византиијског царства / Георгије Сфранцес; превео и приредио Младен Станковић. – Београд: Предањске студије, 2011. – 293 с.
5. Йоан де Туроц. Унгарска хроника / Йоан де Туроц; увод и бележки: Хр. Димитров, Ил. Илиев; текст и перевод: Ил. Илиев // Латински извори за българската история. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. – Т. 5. – Ч. 1. – С. 101–119.
6. Константин Михайлович. Хроника о турецких делах Константина, сына Михаила Константиновича из Островицы, раца, который был взят турками среди янычар / Константин Михайлович; пер. и ком. А. И. Рогова / Записки янычара. – М.: Наука, 1978. – С. 35–116.
7. Лев Диакон. История / Лев Диакон; пер. М. М. Копыленко, вступит. статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М.: Наука, 1988. – С. 7–94.

8. Параспондилос Зотикосъ. Сражението при Варна 1444 г. / Параспондил Зотикос; увод и бележки Г. Димитровъ // ИВАД. – Варна, 1910. – Т. III. – С. 58–74.
9. Петър Ранзан. Кратко изложение на унгарската история / Петър Ранзан; увод и бележки: Хр. Димитров, Ил. Илиев; текст и перевод: Ил. Илиев // Латински извори за българската история. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. – Т. 5. – Ч. 1. – С. 170–176.
10. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Руи Гонсалес де Клавихо; пер. со староиспанского, предисловие и комментарии И. С. Мироковой. – М.: Наука, 1990. – 211 с.
11. Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 частях / Сильвестр Сиропул; пер. с греч. А. Занемонца. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. – 352 с.
12. Физиолог / Перевод и комментарии Е. И. Ванеевой. – СПб.: Наука, 1996. – 169 с.
13. Critobuli Imbriotae Historiae / Critobulos; ed. D. R. Reinsch // CFHB. – Berlin: Walter de Gruyter, 1983. – Bd. XXII. – 277 p.
14. Cyriac of Ancona. Later travels / Cyriac of Ancona; ed. and transl. by E. W. Bodnar with C. Foss. – Cambridge, London: Harvard University Press, 2003. – 459 p.
15. Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / Doukas; transl. by H. J. Magoulias. – Detroit: Wayne State University Press, 1975. – 346 p.
16. Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ducas; ex recensione B. Grecu. – Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958. – 503 s.
17. Ducas. Historia Byzantina / Ducas // PG. – Т. 157. – Col. 739–1166.
18. Ducas. Historia turco-byzantina / Ducas; ed. I. Bekker. – Bonn: Impensis ed. Weberi, 1834. – 660 s.
19. George of Trebizond. Exhortation to Pope Nicholas V ad defenda pro Europa Hellesponti claustra / George of Trebizond // Monfasani J. Text,

- Documents and Bibliographies of George of Trebizond. – Binghamton, N. Y.: Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1984. – P. 434–444.
20. George of Trebizond. On the Divinity of Manuel / George of Trebizond // Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. – Binghamton, N. Y.: Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1984. – P. 564–574.
21. George of Trebizond. On the Eternal Glory of the Autocrat / George of Trebizond // Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. – Binghamton, N. Y.: Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1984. – P. 492–564.
22. George Sphrantzes. The Chronicle (1401–1477) / George Sphrantzes; transl. by M. Philippides. The Fall of the Byzantine Empire. – Amherst: The University of Massachusetts Press, 1980. – 174 p.
23. Georgii Sphrantzae Chronicon / Georgios Sphrantzes; a cura di R. Maisano // CFHB – Roma: Academia Nazionale dei Lincei, 1990. – Vol. XXIX. – 277 p.
24. Georgius Trapezuntius. Epistola ad Joannem Palaeologum / Georgius Trapezuntius // PG. – Vol. 161. – Col. 905.
25. Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli / Giovanni Cananos; introduzione, testo critico, traduzione, note e lessico a cura di E. Pinto. – Messina: EDAS, 1977. – 126 p.
26. Gregory Palamas. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive / Gregory Palamas / Sahas D. J. Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims // GOTR. – 1980. – Vol. 25. – № 25. – P. 409–436.
27. Gregory Palamas. To the Atheist Chiones. An Exchange Written by, and Taken Place in the Presence of, Taronites the Doctor, an Ear-witness / Gregory Palamas / Sahas D. J. Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims // GOTR. – 1980. – Vol. 25. – № 25. – P. 418–431.
28. Jan Dlugosz. The Annals / Jan Dlugosz; transl. by M. Michael, P. Smith. – Chichester: IM Publications, 1997. – 673 p.

29. John Anagnostes. *The Account by John Anagnostes of the Last Capture of Thessalonica, Composed for a Person of Importance Who has Often Asked for It / John Anagnostes // Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek accounts.* – Padova: Unipress Padova, 2006. – P. 149–179.
30. Jorge Ameruzes de Trebisonda. *El diálogo de la Fe con el sultán de los turcos Mehmet II en el siglo XV / Jorge Ameruzes; edicion critica, traduccion y studio por O. de la Cruz Palma / Nueva Roma.* – Vol. 9. – Madrid: CSIC, 2000. – 234 p.
31. Kritovoulos. *History of Mehmed the Conqueror / Kritovoulos; transl. by C. T. Riggs.* – Princeton: Princeton University Press, 1954. – 222 p.
32. Laonici Chalcocandylae *Historiarum demonstrations / Laonicos Chalcocandyles; rec. E. Darkó.* – Budapestini: Sumptibus academiae litterarum Hungaricae, 1922–1924. – K. I, II. – 206 p.; – 364 p.
33. Laonici Chalcocondylae Atheniensis *Historiarum libri decem / Laonicos Chalcocondyles; rec. I. Bekker.* – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1843. – 590 s.
34. Laonikos Chalkokondyles. *The Histories / Laonikos Chalkokondyles; transl. by A. Kaldellis.* – Cambridge, London: Harvard University Press, 2014. – Vol. I, II. – 537 p.; – 559 p.
35. *Lettres Inédites de Michel Apostolis / Michel Apostolis; publiées par H. Noiret.* – Paris: E. Thorin, 1889. – 167 p.
36. Manuel II Palaeologus. *Funeral Oration on his brother Theodore / Manuel II Palaeologus; ed. and transl. J. Chrysostomides.* – Thessalonike: Association for Byzantine Research, 1985. – 316 p.
37. Manuel Palaiologos. *Dialogue with the Empress-mother on Marriage / Manuel Palaiologos; introd., text and transl. A. Angelu.* – Wien: Verlag der Österreichischen Academie der Wissenschaften, 1991. – P. 59–118.
38. Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia / Nicephorus Gregoras // CSHB.* – Bonn: Impensis ed. Weberi, 1830. – Bd. 2. – 1385 p.

39. Symeon of Thessalonica. *Logos / Symeon of Thessalonica // Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek accounts.* – Padova: Unipress Padova, 2006. – P. 90–142.
40. Symeon of Thessalonica. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα / *Symeon of Thessalonica / Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429).* – Wien: Verlag der Österreichischen Academie der Wissenschaften, 1979. – P. 39–69.
41. *The Letters of Manuel II Palaeologus / Manuel II Palaeologus; ed. by G. T. Dennis.* – Washington: Dumbarton Oaks, 1977. – 252 p.
42. *Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror / Tursun Beg; transl. by H. Inalcik, R. Murphey.* – Minneapolis; Chicago: Bibliotheca Islamica, 1978. – 263 p.
43. *Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte: Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwuerdigkeiten und Zeitläeufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / Aşik-Paşa-Sohn; übers., eingel. u. erklärt von R. F. Kreutel.* – Graz; Wien; Köln: Verlag Styria, 1959. – S. 17–266.
44. Γεωργίος ὁ Ἀμιρούτζης Βεσσαριώνι / Γεωργίος ὁ Ἀμιρούτζης // PG. – T. 161. – Col. 723–728.
45. Γεώργιος Φρανζής. Χρονικόν Μικρόν / Γεώργιος Φρανζής // PG. – T. 156. – Col. 1023–1080.
46. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Ἰωάννης Ἀναγνώστης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. – Θεσσαλονίκη, 1958. – 104 σ.
47. Λαόνικος Χαλκοκονδύλης. Ἀποδείξεων Ἱστοριῶν (Βιβλία Α-Γ) / Λαόνικος Χαλκοκονδύλης // Nicoloudis N. *Laonikos Chalkokondyles: A Translation and*

Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I–III). – Athens: Historical Publications St. D. Basilopoulos, 1996. – 391 p.

48. Λαούρδας Β. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παίδων καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως / Β. Λαούρδας // Προσφορά εἰς Στίλωνα Π. Κυριακίδη: Επί τῆ Εικοσιπενταετηρίδι τῆς Καθηγεσίας Αὐτοῦ (1926–1951). – Θεσσαλονίκη, 1953. – Σ. 389–398.

49. Λαουρδας Β. Ἰσιδώρου αρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ομιλίας εἰς τὰς εορτάς τοῦ Ἁγίου Δημητρίου / Β. Λαούρδας. – Θεσσαλονίκη, 1954. – 86 σ.

50. Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη / Παρασπόνδυλος Ζωτικός / Legrand É. La bataille de Varna par Paraspondylos Zotikos, témoin oculaire, poème grec publié pour la première fois // Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France. – 1874. – Vol. 8. – P. 333–372.

51. Χριστοφορίδης Β. Χ. Ἰσιδώρου Γλαβά, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὅμιλιες / Β. Χ. Χριστοφορίδης. – Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Π. Πουρνάρα, 1996. – 394 σ.

Литература

52. Алексидзе А. Д. Византийская народноязычная литература XIII–XV вв. / А. Д. Алексидзе // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. / под ред. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – С. 313–340.

53. Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода / А. В. Анашкин // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. – 2014. – Вып. 4 (39). – С. 7–15.

54. Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси / М. В. Бибииков. – М.: Языки славянских культур, 2004. – Т. 1. – 738 с.

55. Бибиков М. В. Архаизация в византийской этнонимии / М. В. Бибиков // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / под ред. С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиндина. – М.: Наука, 1984. – С. 30–36.
56. Бибиков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система / М. В. Бибиков // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / под ред. С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиндина, Е. С. Голубцовой, В. Э. Мелюковой. – М.: Наука, 1980. – С. 70–72.
57. Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа / М. В. Бибиков. – СПб.: Алетейя, 1999. – 314 с.
58. Бибиков М. В. Историческая литература Византии / М. В. Бибиков – СПб.: Алетейя, 1998. – 317 с.
59. Бибиков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии / М. В. Бибиков, С. К. Красавина // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. / под ред. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – С. 280–297.
60. Брандес В. Византийская апокалиптическая литература как источник изучения некоторых аспектов социальной истории / В. Брандес // ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 116–122.
61. Буда А. Борьба албанского народа под водительством Скандербеге против турецких завоевателей / А. Буда / Повесть о Скандербеге / изд. подг. Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. – М., Л.: Наука, 1957. – С. 57–92.
62. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования / Я. Буркхард. – М.: Юристъ, 1996. – 591 с.
63. Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна / под ред. Д. Ангелова, И. Дуйчева, М. Михова, Б. Цветковой. – София: Державно военно издателство, 1969. – 543 с.
64. Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403 г.) / А. А. Васильев // ЖМНП. – 1912, май. – Вып. 39. – С. 201–304

65. Веселаго Е. Б. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде / Е. Б. Веселаго // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 190–199.
66. Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (Опыт литературной характеристики) / Е. Б. Веселаго // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 203–217.
67. Веселаго Е. Б. Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) / Е. Б. Веселаго // ВВ. – 1953. – Т. 7. – С. 431–444.
68. Византийская литература / Под ред. С. С. Аверинцева. – М.: Наука, 1974. – 264 с.
69. Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / под ред. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 2006. – 192 с.
70. Греку В. К. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила / В. К. Греку // ВВ. – 1958. – Т. 13. – С. 198–210.
71. Дестунис Г. Опыт биографии Георгия Франдзия / Г. Дестунис // ЖМНП. – 1893, Июнь. – С. 427–498.
72. Джагацпанян Е. Д. Некоторые замечания по поводу авторства Большой хроники Псевдо-Сфрандзи / Е. Д. Джагацпанян // ВВ. – 1982. – Т. 43. – С. 229–230.
73. Джагацпанян Е. Д. Еще раз о турецком завоевании Фессалоники в конце XIV в. / Е. Д. Джагацпанян // ВВ. – 1981. – Вып. 42. – С. 158–160.
74. Диль Ш. Византийские портреты / Ш. Диль. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. – Т. 2. – 744 с.
75. Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през Средновековието / Хр. Димитров. – София: ИК «Марин Дринов», 1998. – 423 с.
76. Димитровъ Г. Сражението при Варна въ 1444 год., варненскитѣ черкви на гробътъ на Владислава / Г. Димитровъ // ИВАД. – 1910. – Т. III. – С. 49–84;
77. Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) / Р. Досталова // ВВ. – 1983. – Т. 43. – С. 22–34.
78. Достян И. С. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV–XV вв. / И. С. Достян // ВВ. – 1953. – Т. 7. – С. 32–49.

79. Жигалова Н. Э. Битва при Варне 1444 года и ее исторические последствия (по материалам польских и сербских источников) / Н. Э. Жигалова // Славянский сборник. – 2014. – Вып. 12. – С. 107–113.
80. Жигалова Н. Э. Византийское туркофильство: течение или увлечение? / Н. Э. Жигалова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 45–52.
81. Жигалова Н. Э. Записки о янычарах: византийские писатели о турецкой системе девширме / Н. Э. Жигалова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – № 15 (264). – Вып. 43. – С. 70–77.
82. Жигалова Н. Э. Конформизм греков в условиях турецкой экспансии: взгляд поздневизантийских писателей / Н. Э. Жигалова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (145). – С. 116–124.
83. Жигалова Н. Э. Обозначения османов в византийских исторических сочинениях Дуки и Лаоника Халкокондила / Н. Э. Жигалова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20. – № 2 (175). – С. 84–96.
84. Жигалова Н. Э. Фессалоника под властью венецианцев (1423-1430): антилатинские настроения горожан в условиях турецкой осады / Н. Э. Жигалова // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (1–4 декабря 2015 года). – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 43–51.
85. Занемонец А. Геннадий Схоларий, патриарх Константинопольский (1454–1456) / А. Занемонец. – М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2010. – 157.
86. Карпов С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. СПб.: Алетейя, 2007. – 655 с.
87. Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. / С. П. Карпов // ВВ. – 1974. – Т. 36. – С. 83–99.

88. Карпов С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци / С. П. Карпов // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 195–199.
89. Коробейников Д. А. Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. / Д. А. Коробейников // ВВ. – 1996. – Т. 56. – С. 156–169.
90. Красавина С. К. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церковей / С. К. Красавина // ВВ. – 1967. – Т. 27. – С. 142–152.
91. Красавина С. К. Мироззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки / С. К. Красавина // ВВ. – 1973. – Т. 34. – С. 97–111.
92. Кузев А. Маршрутът на Владислав III Ягело до Варна / А. Кузев // ИНМВ. – 1973. – Кн. IX (XXIV). – С. 139–151.
93. Куш Т. В. Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.): Опыт характеристики / Т. В. Куш // АДСВ. – 1998. – Вып. 29. – С. 122–139.
94. Куш Т. В. К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV–XV веков / Т. В. Куш // АДСВ. – 2002. – Вып. 33. – С. 242–252.
95. Куш Т. В. Латиняне в восприятии латинофилов / Т. В. Куш // АДСВ. – 2006. – Вып. 37. – С. 318–328.
96. Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / Т. В. Куш. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2013. – 454 с.
97. Куш Т. В. Турецкая осада и штурм Константинополя 1422 года: военно-политический аспект / Т. В. Куш // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22. – № 5. – С. 261–270.
98. Куш Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города / Т. В. Куш // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (145). – С. 105–115.

99. Литаврин Г. Г., Медведев И. П. Дипломатия поздней Византии (XIII–XV вв.) / Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. / под ред. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – С. 341–360.
100. Лобовикова К. И. Византия и Запад: поиск путей к примирению мусульман и христиан (по поводу книги М. Баливе) / К. И. Лобовикова // ВВ. – 2006. – Т. 65. – С. 204–217.
101. Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель / К. И. Лобовикова // ВВ. – 2005. – Т. 64. – С. 141–155.
102. Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / К. И. Лобовикова; пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой. – Самарканд: Издательство «Ихйа' 'улум ад-дин» / «Воскрешение наук о вере», 2009. – 272 с.
103. Лобовикова К. И. Греческий патриарх Геннадий Схоларий и турецкое завоевание Византии / К. И. Лобовикова // Проблемы теологии. Вып. 3. Материалы Третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа, 2–3 марта 2006 г. – Екатеринбург: РГППУ, 2006. – Ч. 1. – С. 91–101.
104. Лобовикова К. И. Турки и турецкая экспансия в восприятии Георгия Трапезундского / К. И. Лобовикова // Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой. – Самарканд: Издательство «Ихйа' 'улум ад-дин» / «Воскрешение наук о вере», 2009. С. 132–141.
105. Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» / К. И. Лобовикова // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 399–414.
106. Лучицкая С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) / С. И. Лучицкая // Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. – М.: Наука, 1994. – С. 19–37.

107. Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с.
108. Лучицкая С. И. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов / С. И. Лучицкая // Одиссей. Человек в истории. – М., 2006. – С. 319–350.
109. Любарский Я. Н. Византийцы о «двигателях истории» / Я. Н. Любарский // Византийские историки и писатели (Сб. ст.). – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 295–307.
110. Люблинская А. Д. Источниковедение истории Средних веков / А. Д. Люблинская. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – 369 с.
111. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. / И. П. Медведев. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
112. Медведев И. П. Геннадий Схоларий как идеолог «византийской инквизиции» / И. П. Медведев // АДСВ. – 2002. – Вып. 33. – С. 264–279.
113. Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи / И. П. Медведев // ВВ. – 1972. – Т. 33. – С. 129–139.
114. Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города / И. П. Медведев. – Л.: Наука, 1973. – 163 с.
115. Медведев И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. / И. П. Медведев // Византия между Западом и Востоком. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 293–332.
116. Мейендорф И. Византийское наследие в Православной Церкви / И. Мейендорф. – Киев: Центр православной книги, 2007. – 352 с.
117. Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение / И. Мейендорф. – СПб.: Византинороссика, 1997. – 480 с.
118. Мирски К. Н. Сражение при Варна въ 1444 г. / К. Н. Мирски // ИВАД. – 1910. – Т. III. – С. 85–88.

119. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. / под ред. И. В. Грекова. – М.: Наука, 1984. – 302 с.
120. Острогорский Г. А. История Византийского государства / Г. А. Острогорский; пер. с нем. М. В. Грацианский, ред. П. В. Кузенков. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 895 с.
121. Павлов А. С. Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита Солунскаго (XII вѣка?) / А. С. Павлов // ВВ. – 1895. – Т. 2. – С. 160–176.
122. Павлов П. Тютюнджиев И. Българите и османското завоевания (края на XIII – середата на XV в.) / П. Павлов, И. Тютюнджиев. – Велико Търново: Слово, 1995. – 152 с.
123. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро; пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: Alexandria, 2012. – 448 с.
124. Пашкин Н. Г. Византийская внешняя политика первой половины XV в.: между папством и конциляризмом / Н. Г. Пашкин // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 328–334.
125. Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438) / Н. Г. Пашкин. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. – 238 с.
126. Пашкин Н. Г. Византия и проблема религиозно-политической консолидации Запада / Н. Г. Пашкин // АДСВ. – 2004. – Вып. 35. – С. 218–226.
127. Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора. Исторические очерки / Ю. А. Петросян. – М.: Наука, 1986. – 181 с.
128. Петросян Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель / Ю. А. Петросян. – М.: Наука, 1990. – 280 с.
129. Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах (Византий–Константинополь–Стамбул). 2-е изд., испр. / Ю. А. Петросян, А. Р. Юсупов. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

130. Погодин П. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками / П. Погодин // ЖМНП. – 1889. – Вып. 264. – С. 205–258.
131. Поляковская М. А. Быт и нравы поздневизантийского общества / М. А. Поляковская // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. / под ред. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – С. 551–584.
132. Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) / М. А. Поляковская // АДСВ. – 1979. – Вып. 16. – С. 46–57.
133. Поляковская М. А., Чекалова А.А. Интеллектуалы и власть в Византии / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – С. 109–132.
134. Попова Т. В. Византийская народная литература / Т. В. Попова. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
135. Поповић М. Ст. Мара Бранковић. Жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку / М. Поповић; пр. с нем. Б. Рајлић. – Нови Сад: Академска књига, 2014. – 368 с.
136. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. / С. Рансимен; пер. с англ., предисл. И. Н. Петросяна, К. Н. Юзбашяна. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – 416 с.
137. Сметанин В. А. Византийское общество XIII–XV вв. по данным эпистолографии / В. А. Сметанин. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. – 288 с.
138. Степанов А. С. Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя / А. С. Степанов // ВВ. – 1953. – Т. 7. – С. 385–430.
139. Степанов А. С. Турецкое нашествие и военные издержки Византии (1282-1453) / А. С. Степанов // АДСВ. – 1976. – Вып. 13. – С. 97–113.
140. Удальцова З. В. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания, по данным византийского историка Критовула / З. В. Удальцова // СВ. – 1951. – Вып. 3. – С. 161–179.

141. Удальцова З. В. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке / З. В. Удальцова // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 91–121.
142. Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула / З. В. Удальцова // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 172–197.
143. Удальцова З. В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания / З. В. Удальцова // ВВ. – 1953. – Т. 7. – С. 93–121.
144. Франчес Э. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания / Э. Франчес // ВВ. – 1959. – Т. 15. – С. 71–99.
145. Халфин А. Б. Турецкая тема в эпитафии Мануила II / А. Б. Халфин // АДСВ. – 2004. – Вып. 35. – С. 212–217.
146. Хвостова К. В. Понимание случая в византийской философии и богословии / К. В. Хвостова // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII международному конгрессу византинистов / под ред. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991. – С. 102–110.
147. Цветкова Б. Паметна битка на народите. Европейският югоизток и османското завоевание края на XIV и първата половина на XV в. Второ основно прераб. и доп. изд. / Б. Цветкова. – Варна: Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1979. – 353 с.
148. Чистякова В. В. Дука / В. В. Чистякова // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / под ред. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 76–78.
149. Шукуров Р. М. Василевс и эмир: парадигмы церемониальных отношений (1328–1347 гг.) / Р. М. Шукуров // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византинистов / под ред. С. П. Карпова, М. В. Грацианского. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 163–169.
150. Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) / Р. М. Шукуров // Чужое. Опыты преодоления. Очерки из истории и

- культуры Средиземноморья / под ред. Р. М. Шукурова. – М.: Алетейя, 1999. – С.194–234.
151. Шукуров Р. М. Некоторые замечания о византийских моделях «этнической» идентификации / Р. М. Шукуров // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 49–62.
152. Шукуров Р. М. Последние владения Византии в Анатолии в 1403–1419 гг. / Р. М. Шукуров // АДСВ. – 2013. – Вып. 41. – С. 271–282.
153. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461) / Р. М. Шукуров. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 631 с.
154. Шукуров Р. М. Зона контакта. Проблемы междивизиционных отношений в современной византистике / Р. М. Шукуров // ВВ. – 2000. – Т. 59. – С. 258–267.
155. Alderson A. D. The Structure of the Ottoman Dynasty. / A. D. Alderson. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – 186 p.
156. Alexandrescu-Dersa M. M. La champagne de Timur en Anatolie (1402). / M. M. Alexandrescu-Dersa. – London: Variorum Reprints, 1977. – 180 p.
157. Anderson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Enclosed Nations / A. R. Anderson. – Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America, 1932. – 117 p.
158. Argyriou A. Attitude de quelques intellectuels de Thessalonique face à l'Islam / A. Argyriou // BF. – 2007. – Bd. 29. – S. 15–32.
159. Argyriou A., Lagarrigue G. George Amiroutzès et son «Dialogue sur la Foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» / A. Argyriou, G. Lagarrigue // BF. – 1987. – Bd. 11. – P. 29–222.
160. Arnold T. W. Preaching of Islam. A History of the Propagation of Muslim Faith / T. W. Arnold. – Lahore: Ashraf Press, 1968. – 508 p.
161. Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time / F. Babinger; transl. by R. Manheim. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 549 p.

162. Balfour D. *Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429)* / D. Balfour. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. – 319 s.
163. Balivet M. *Aristote au Service du Sultan! Ouverture aux Turcs et Aristotélisme chez Quelques Penseurs Byzantins du Quinzième Siècle* / M. Balivet // *Byzantins et Ottomans: Relations, Interactions, Succession*. – Istanbul: Les Éditions Isis, 1999. – P. 139–150.
164. Balivet M. *Byzantins et Ottomans: Relations, Interactions, Succession* / M. Balivet. – Istanbul: Les Éditions Isis, 1999. – 278 p.
165. Balivet M. *Pour une Concorde Islamo-Chrétienne: Démarches Byzantines et Latines à la Fin du Moyen Âge (De Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde)* / M. Balivet. – Rome: Pontificio Istituto di Studi Arabi et d'Islamistica, 1997. – 82 p.
166. Barker J. W. *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship* / J. W. Barker. – New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1969. – 614 p.
167. Bartusis M. C. *The Functions of Archaizing in Byzantium* / M. C. Bartusis // *BS*. – 1995. – T. 56/2. – P. 271–278.
168. Bartusis M. C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453* / M. C. Bartusis. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. – 438 p.
169. Beck H.-G. *Geschichte der Byzantinischen volksliteratur* / H.-G. Beck. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971. – 237 s.
170. Beihammer A. *Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries)* / A. Beihammer // *Al-Masāq*. – 2011. – Vol. 23 (1). – P. 15–36.
171. Bryer A. *Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman marriage* / A. Bryer // *The Writing of History in the Middle Ages*. – Oxford: Clarendon Press, 1981. – P. 471–493.
172. Carroll M. *Notes on the Authorship of the «Siege» Section of the Chronicon Maius of Pseudo-Phrantzes, Book III: 3. Comparison of Interpolations* / M. Carroll // *Byzantion*. – 1972. – T. 42. – P. 5–22.

173. Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 5 (1350-1500). – Leiden, Boston: Brill, 2013. – 775 s.
174. Dabrowski J. Władysław I Jagellończyk na węgry (1440–1444) / J. Dabrowski. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1922. – 204 s.
175. Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 / G. T. Dennis // OCP. – 1967. – Fasc. 1. – P. 72–88.
176. Dennis G. T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike / G. T. Dennis // DOP. – 2003. – Vol. 57. – P. 255–264.
177. Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica / G. T. Dennis // BZ. – 1964. – Bd. 57. – H. 1. – S. 53–61.
178. Dimitriades V. Byzantine and Ottoman Thessaloniki / G. T. Dennis // BF. – 1991. – Vol. 16. – P. 265–273.
179. Ditten H. Βάρβαροι, Έλληνες und Ρωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern / H. Ditten // Actes du XII Congrès international d'études Byzantines. – Beograd: Naučno delo, 1964. – T. 2. – S. 273–299.
180. Ducellier A. Crétiens d'Orient et Islam au Moyen Age VII–XV s. / A. Ducellier. – Paris: Armand Colin, 1996. – 492 p.
181. Durak K. Defining the «Turk»: Mechanisms of Establishing Contemporary Meaning in the Archaizing Language of the Byzantines / K. Durak // JÖB. – 2009. – Bd. 59. – P. 65–78.
182. Encyclopedia of Islam. New Edition / ed. by H. A. R. Gibb, J. H. Kramers, E. Lévi-Provençal, J. Schacht. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – Vol. 1. – 1359 p.
183. Fleet K. European and Islamic Trade in the Early Ottoman State. The Merchants of Genoa and Turkey / K. Fleet. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 216 p.
184. Frangedaki A. On fifteenth-century CryptoChristianity: A Letter to George Amoiroutzes from Michael Apostolis / A. Frangedaki // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1984. – Vol. 9. – P. 221–224.
185. Gill J. S. J. Personalities of the Council of Florence and Other Essays / J. S. J. Gill. – Oxford: Basil Blackwell, 1964. – 297 p.

186. Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia / R. Grousset; transl. from French by N. Walford. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1970. – 687 p.
187. Harris J. Laonikos Chalkokondyles and the Rise of the Ottoman Turks / J. Harris // Byzantine and Modern Greek Studies. – 2003. – Vol. 27. – P. 153–170.
188. Hero A. C. The First Byzantine Eyewitness Account of the Ottoman Institution of *Devşirme*. The Homily of Isidore of Thessalonike Concerning the «Seizure of the Children» / A. C. Hero // TO EΛΛENIKON: Studies in Honour of Speros Vryonis, Jr. – New Rochelle, 1993. – Vol. I. – P. 135–143.
189. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner / H. Hunger. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1978. – Bd. 1–2. – 542 s.; – 531 s.
190. Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature / H. Hunger // DOP. – 1969–1970. – Vol. 23. – P. 15–38.
191. Imber C. Crusade of Varna, 1443–1445 / C. Imber. – Manchester: Ashgate, 2006. – 226 p.
192. Imber C. The Ottoman Empire (1300–1650). The Structure of Power / C. Imber. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – 405 p.
193. Inalcik H. Mehmed the Conqueror (1432–1481) and His Time / H. Inalcik // Speculum. – 1960. – Vol. 35. – №. 3. – P. 408–427.
194. Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest / H. Inalcik // Studia Islamica. – 1954. – Vol. 2. – P. 103–129.
195. Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600 / H. Inalcik; transl. by N. Itzkowitz and C. Imber. – N.Y.; Washington: Praeger Publishers, 1973. – 258 p.
196. Inalcik H. The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City / H. Inalcik // DOP. – 1969–1970. – Vol. 23. – P. 229–249.

197. Inalcik H. *The Rise of Ottoman Historiography* / H. Inalcik // *Historians of the Middle East* / ed. by B. Lewis and P. M. Holt. – London: Oxford University Press, 1962. – P. 152–167.
198. Inalcik H. *Tursun Beg, Historian of Mehmed the Conqueror's Time* / H. Inalcik // Inalcik H. *The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire: Essays on Economy and Policy*. – Bloomington: Indiana University Turkish Studies Department, 2003. – P. 417–431.
199. Inalcik H., Murphey R. *The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg* / H. Inalcik, R. Murphey. – Minneapolis, Chicago: Bibliotheca Islamica, 1978. – 263 p.
200. *Islam and Christianity in Medieval Anatolia* / ed. by A. C. S. Peacock, B. de Nicola, S. N. Yildiz. – Farnham: Ashgate, 2015. – 430 p.
201. Janssens B., van Deun P. *George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre* / B. Janssens, P. van Deun // *Philomathestatos: Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday* / ed. by B. Janssens, B. Roosen, and P. van Deun. – Leuven: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2004. – P. 299–324.
202. Jenkins J. H. *The Hellenistic Origins of Byzantine Literature* / J. H. Jenkins // *DOP*. – 1963. – Vol. 17. – P. 37–52.
203. *Just wars, Holy wars, and Jihads. Christian, Jewish, and Muslim Encounters and Exchanges* / ed. by S. H. Hashmi. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 456 p.
204. Kaldellis A. *A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West* / A. Kaldellis. – Washington: Harvard University Press, 2014. – 310 p.
205. Kaldellis A. *The Date of Laonikos Chalkokondyles' Histories* / A. Kaldellis // *GRBS*. – 2012. – Vol. 52. – № 1. – P. 111–136.
206. Kaldellis A. *The Greek Sources of Laonikos Chalkokondyles' Histories* / A. Kaldellis // *GRBS*. – 2012. – Vol. 52. – № 4. – P. 738–765.

207. Kaldellis A. The Interpolations in the Histories of Laonikos Chalkokondyles / A. Kaldellis // GRBS. – 2012. – Vol. 52. – № 2. – P. 259–283.
208. Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413 / D. J. Kastritsis. – Leiden; Boston: Brill, 2007. – 250 p.
209. Khoury A.-T. Polémique byzantine contre L'Islam (VIIIe- XIIIe s.) / A.-T. Khoury. – Leiden: E. J. Brill, 1972. – 377 s.
210. Khoury P. Jean Damascène et l'Islam / P. Khoury. – Würzburg: Echter Verlag, 1994. – 77 s.
211. Korobeinikov D. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century / D. Korobeinikov. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 372 p.
212. Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527—1453) / K. Krumbacher. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1891. – 495 s.
213. Kwiatkowski S. Ostanie lata Warnencyka / S. Kwiatkowski // Przewodnik Naukowy i Literacki. – 1883. – S. 131–168.
214. Laiou–Thomadakis A. E. Saints and Society in the Late Byzantine Empire / A. E. Laiou–Thomadakis // Charanis Studies: Essays in Honor of Peter Charanis. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1980. – P. 84–114.
215. Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμυρούτζη / S. Lampros // ΔΙΕΕΕ. – 1885. – Τ. 2. – Σ. 275–282.
216. Langer W. L., Blake R. P. The Rise of the Ottoman Turks and Its Historical Background / W. L. Langer, R. P. Blake // The American Historical Review. – 1932. – Vol. 37. – № 3. – P. 468–505.
217. Lilie R.-J. Twelfth-Century Byzantine and Turkish states / R.-J. Lilie // BF. – 1991. – Bd. 16. – S. 35–51.
218. Lowry H. «From Lesser Wars to the Mightiest War»: the Ottoman Conquest and Transformation of Byzantine Urban Centers in the Fifteenth Century / H. Lowry // Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society.

- Birmingham: Centre for Byzantine Studies and Modern Greek, 1986. – P. 323–338.
219. Ludlow J. M. The captain of the Janizaries: a story of the times of Scanderbeg, and the fall of Constantinople / J. M. Ludlow. – N.Y., London: Harper and Brothers Publishers, 1900. – 404 p.
220. Luttrell A., Zachariadou E. A. Sources for Turkish History in the Hospitallers' Rhodian Archive 1389–1422 / A .Luttrell, E. A. Zachariadou. – Athens: Institute for Byzantine Research, 2008. – 176 p.
221. Magoulias H. J. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. An Annotated Translation of “Historia Turco-Byzantina” / H. J. Magoulias. – Detroit: Wayne State University Press, 1975. – 346 p.
222. Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422 / K.-P. Matschke. – Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1981. – 296 s.
223. Mavroudi M. Islamic Divination in the Context of Its «Eastern» and «Western» Counterparts / M. Mavroudi // *Falnama: The Book of Omens* / ed. by M. Farhad with S. Bağcı. – Washington: Thames and Hudson, 2009. – P. 222–229.
224. Mavroudi M. Translations on Greek into Arabic at the Court of Mehmed the Conqueror / M. Mavroudi // *The Byzantine Court: Source of Power and Culture*. – Istanbul: Koç University Press, 2013. – P. 195–207.
225. McGinn B. Visions of the end. Apocalyptic tradition in the Middle Ages / B. McGinn. – N.Y.: Columbia University Press, 1979. – 390 p.
226. Melville-Jones J. R. Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek Accounts / J. R. Melville-Jones. – Padova: Unipress Padova, 2006. – 214 p.
227. Ménage V. L. *Neshrī's History of the Ottomans. The Sources and Development of the Text* / V. L. Ménage. – London: Oxford University Press, 1964. – 86 p.
228. Ménage V. L. Some Notes on the «Devshirme» / V. L. Ménage // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – 1966. – Vol. 29. – № 1. – P. 64–78.

229. Ménage V. L. The «Annals of Murad II» / V. L. Ménage // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. – 1976. – Vol. 39. – No. 3. – P. 570–584.
230. Ménage V. L. The Beginnings of Ottoman Historiography / V. L. Ménage // *Historians of the Middle East* / ed. by B. Lewis and P.M. Holt. – London: Oxford University Press, 1962. – P. 168–179.
231. Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought / M. Meserve. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 359 p.
232. Meyendorff J. Byzantine Views of Islam / J. Meyendorff // *DOP*. – 1964. – Vol. 18. – P. 115–132.
233. Miller W. The Historians Doukas and Phrantzes / W. Miller // *The Journal of Hellenic Studies*. – 1926. – Vol. 46. – Part 1. – P. 63–71.
234. Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles / W. Miller // *The Journal of Hellenic Studies*. – 1922. – Vol. 42. – Part 1. – P. 36–49.
235. Monfasani J. George Amiroutzes. The Philosopher and his Tractates / J. Monfasani. – Leuven: Peeters, 2011. – 220 p.
236. Monfasani J. George of Trebizond. A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic / J. Monfasani. – Leiden: E. J. Brill, 1976. – 414 p.
237. Monfasani J. Greek Renaissance Migrations / J. Monfasani // *Italian History and Culture*. – 2002. – Vol. 8. – P. 1–14.
238. Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond / J. Monfasani. – Binghamton, N.Y.: Center for Medieval and Early Renaissance Studies, 1984. – 863 p.
239. Moore C. C. George Castriot, Surnamed Scanderbeg, King of Albania / C. C. Moore. – N.Y.: D. Appleton and Company, 1850. – 367 p.
240. Moravcsik G. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker / G. Moravcsik. – Leiden: E.J. Brill, 1983. – Bd. I, II. – 609 s.; – 376 s.
241. Mullet M. The ‘Other’ in Byzantium / M. Mullet // *Strangers to Themselves: the Byzantine Outsider. Papers from the Thirty-second Spring Symposium of*

- Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1998 / ed. by D. C. Smythe. – Aldershot: Ashgate Variorum, 2000. – P. 1–22.
242. Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire / N. Necipoğlu. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 350 p.
243. Nicol D. M. A Byzantine Emperor in England. Manuel II's Visit to London in 1400–1401 / D. M. Nicol // University of Birmingham Historical Journal. – 1970. – Vol. 12. – P. 204–225.
244. Nicol D. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453 / D. Nicol. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 496 p.
245. Nicoloudis N. Laonikos Chalkokondyles: A Translation and Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I–III) / N. Nicoloudis. – Athens: Historical Publications St. D. Basilopoulos, 1996. – 388 p.
246. Nicoloudis N. Observations on the Possible Sources of Laonikos Chalkokondyles' *Demonstrations of Histories* / N. Nicoloudis // Byzantina. – 1994. – T. 17. – P. 75–82.
247. Odorico P. Thessalonique. Chroniques d'une Ville Prise. Jean Caminiatès; Eustathe de Thessalonique; Jean Anagnostès / P. Odorico. – Toulouse: Anacharsis, 2005. – 295 p.
248. Oikonomides N. Byzantium between East and West (XIII–XV cent.) / N. Oikonomides // Oikonomides N. Society, Culture and Politics in Byzantium. Aldershot: Variorum, 2005. – P. 319–332.
249. Paganel M. C. Histoire de Scanderbeg, au Turks et Chrétiens ac XV siècle / M. C. Paganel. – Paris: Didier, Libraire – Editeur, 1855. – 461 p.
250. Pahlitzsch J. Byzantine Saints in Turkish Captivity in Anatolia (Late Thirteenth to Fourteenth Centuries) / J. Pahlitzsch // Union in Separation. Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800). – Roma: Viella, 2015. – P. 219–228.
251. Palmer J. A. B. The Origin of the Janissaries / J. A. B. Palmer // Bulletin of the John Rylands Library. – 1953. – Vol. 35. – №. 2. – P. 448–481.

252. Papadakis A. Gennadius II and Mehmet the Conqueror / A. Papadakis // *Byzantion*. – 1972. – Vol. 42. – P. 88–106.
253. Papadrianos I. A. The marriage arrangement between Constantine XI Palaeologus and the Serbian Mara (1451) / Papadrianos I. A. // *Balkan Studies*. – 1965. – Vol. 6. – P. 131–138.
254. Pehlivan G. Varna savasi ve bir tarih kaynagi olarak Gazavatnameler (Varna Savası ile Đlgili Yeni Bir Yayın Munasebetiyle) / G. Pehlivan // *Turkish Studies*. – 2008. – Vol. 3/4. – P. 598–617.
255. Peirce L. P. *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire* / L. P. Peirce. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1993. – 374 p.
256. Philippides M. *Early Post-Byzantine Historiography* / M. Philippides // *The Classics in the Middle Ages* / ed. by A. S. Bernardo and S. Levin. – Binghampton: Centre for Medieval and Early Renaissance Studies, 1990. – P. 253–265.
257. Philippides M., Hanak W. K. *The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies* / M. Philippides, W. K. Hamak. – Burlington: Routledge, 2011. – 816 p.
258. Pilat R. *Historja Literatury Polskiej w wiekach srednich: od przyjecia chrzescijanstwa w Polsce do konca XV wieku (965–1500)* / R. Pilat. – Krakow: Nakład Gebethnera I Wolffa, 1926. – 530 s.
259. Pitcher D. E. *An Historical Geography of the Ottoman Empire from Earliest Times to the end of the Sixteenth Century* / D. E. Pitcher. – Leiden: E. J. Brill, 1972. – 171 p.
260. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. – Wien: Verlag der Österreichischen Academie der Wissenschaften, 1976–1994. – Fasz. 1–12.
261. Rakintzakis G. M. *Orthodox-Muslim Mixed Marriages ca. 1297–1453 (Master thesis)* / G. M. Rakintzakis. – Birmingham: University of Birmingham, 1975. – 133 p.
262. Reinsch D. R. *Kritoboulos of Imbros – Learned Historian, Ottoman Raya and Byzantine Patriot* / D. R. Reinsch // *ЗРВИ*. – 2003. – Вып. 40. – P. 297–311.

263. Repp R. C. Notes and Communications. A Further Note on the Devshirme / R. C. Repp // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – 1968. – Vol. 31. – № 1. – P. 137–139.
264. Runciman S. Byzantine Historians and the Ottoman Turks / S. Runciman // *Historians of the Middle East* / ed. by B. Lewis and P.M. Holt. – London: Oxford University Press, 1962. – P. 271–276.
265. Russell E. Symeon of Thessalonica and his Message of Personal Redemption / E. Russell // *Spirituality in Late Byzantium: Essays Presenting New Research by International Scholars*. – Cambridge: Cambridge scholars publishing, 2009. – P. 33–44.
266. Setton K. A History of the Crusades. Vol. 6. Impact of the Crusades on Europe / K. Setton. – Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1989. – 728 p.
267. Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose / I. Ševčenko // *JÖB*. – 1981. – Vol. 31–1. – P. 289–319.
268. Ševčenko I. Society and Intellectual Life in Late Byzantium / I. Ševčenko. – L.: Variorum, 1981. – 374 p.
269. Ševčenko I. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Its Intellectuals / I. Ševčenko // *DOP*. – 1961. – Vol. 15. – P. 167–186,
270. Shukurov R. Byzantine Turks, 1204–1461 / R. Shukurov. – Leiden, Boston: Brill, 2016. – 513 p.
271. Silay K. Ahmedi's History of the Ottoman Dynasty / K. Silay // *Journal of Turkish Studies*. – 1992. – Vol. 16. – P. 129–200.
272. Spiridonakis B. G. Grecs, Occidentaux et Turcs de 1054 à 1453: Quatre Siècles d'Histoire de Relations Internationales / B. G. Spiridonakis. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1990. – 291 p.
273. Sugar P. Southeastern Europe under Ottoman rule, 1354–1804 / P. Sugar. – Seattle: University of Washington Press, 1977. – 384 p.
274. Takács S. A. What about Varna? Two Accounts of the Battle by Michael Beheim and Paraspondylos Zotikos / S. A. Takács // *BF*. – 1994. – Bd. XX. – S. 247–259.

275. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. P. Kazhdan, A.-M. Talbot. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. – 2232 p.
276. Tinnefeld F. Intellectuals in Late Byzantine Thessalonike / F. Tinnefeld // DOP. – 2003. – Vol. 57. – P. 153–172.
277. Tomadakis N. B. Ἐτούρκευσεν ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη / N. B. Tomadakis // ΕΕΒΣ. – 1948. – Τ. 18. – P. 99–143.
278. Turner C. J. G. Pages from Late Byzantine Philosophy of History / C. J. G. Turner // BZ. – 1964. – Vol. 57. – P. 346–373.
279. Uyar M., Erickson E. J. A Military History of the Ottomans. From Osman to Ataturk / M. Uyar, E. J. Erickson. – Santa Barbara, Denver, Colorado: ABC–CLIO, 2009. – 379 p.
280. Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Devleti Teşkilatında. Kapukulu Ocakları / I. H. Uzunçarşılı. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1984. C. 1, 2. – 770 s.; – 360 s.
281. Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki / A. E. Vakalopoulos ; transl. by T. F. Carney. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1972. – 152 p.
282. Vacalopoulos A. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461 / A. Vakalopoulos. – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1970. – 401 p.
283. Via Egnatia under Ottoman Rule (1380–1699) / ed. by E. Zachariadou. – Rethymnon: Crete University Press, 1996. – 232 p.
284. Vryonis S. Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages / S. Vryonis // GRBS. – 1971. – Vol. 12. – № 2. – P. 263–287.
285. Vryonis S. Byzantine Legacy and Ottomans Forms / S. Vryonis // DOP. – 1969–1970. – Vol. 23. – P. 251–308.
286. Vryonis S. Isidore Glabas and the Turkish Devshirme / S. Vryonis // Speculum. – 1956. – Vol. 31. – № 3. – P. 433–443.
287. Vryonis S. Nomadization and Islamization in Asia Minor / S. Vryonis // DOP. – 1975. – Vol. 29. – P. 43–71.
288. Vryonis S. Seljuk Gulams and the Ottoman Devshirmes / S. Vryonis // Der Islam. – 1965. – Bd. XLI. – S. 224–252.

289. Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteen Century* / S. Vryonis. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1971. – 532 p.
290. Vryonis S. *The Ottoman Conquest of Thessaloniki in 1430* / S. Vryonis // *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*. – Birmingham: Centre for Byzantine Studies and Modern Greek, 1986. – P. 281–321.
291. Watt W. M. *Muslim-Christian encounters. Perceptions and Misperceptions* / W. M. Watt. – London, N.Y.: Routledge, 1991. – 164 p.
292. Werner E. *Die Geburt einer Grossmacht – die Osmanen (1300–1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus* / E. Werner. – Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1985. – 456 s.
293. Wittek P. *Devshirme and Shari‘a* / P. Wittek // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – 1955. – Vol. 17. – № 2. – P. 271–278.
294. Wright C. *The Gattilusio Lordships and the Aegean World 1355–1462* / C. Wright. – Leiden, Boston: Brill, 2014. – 469 p.
295. Zachariadou E. *Les «Janissaires» de l'Empereur Byzantin* / E. Zachariadou // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata (Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici). Series Minor XIX*. – Naples, 1982. – P. 591–597.
296. Zachariadou E. *Religious Dialogue between Byzantines and Turks during the Ottoman Expansion* / E. Zachariadou // *Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans*. – Aldershot: Variorum, 2007. – P. 289–304.
297. Zachariadou E. *Süleyman Çelebi in Rumili and the Ottoman Chronicles* / E. Zachariadou // *Der Islam*. – 1983. – Bd. 60. – P. 268–296.
298. Zachariadou E. *The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources* / E. Zachariadou // *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen* / ed. by R. Curiel and R. Gyselen. – Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 1994. – P. 285–289.

299. Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπό τούς Βυζαντινούς στούς Βενετσιάνους (1423–1430) / Γ. Τσάρας // Μακεδονικά. – 1977. – Τ. 17. – Σ. 85–123.
300. Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. / Γ. Τσάρας. – Θεσσαλονίκη, 1958. – 104 σ.